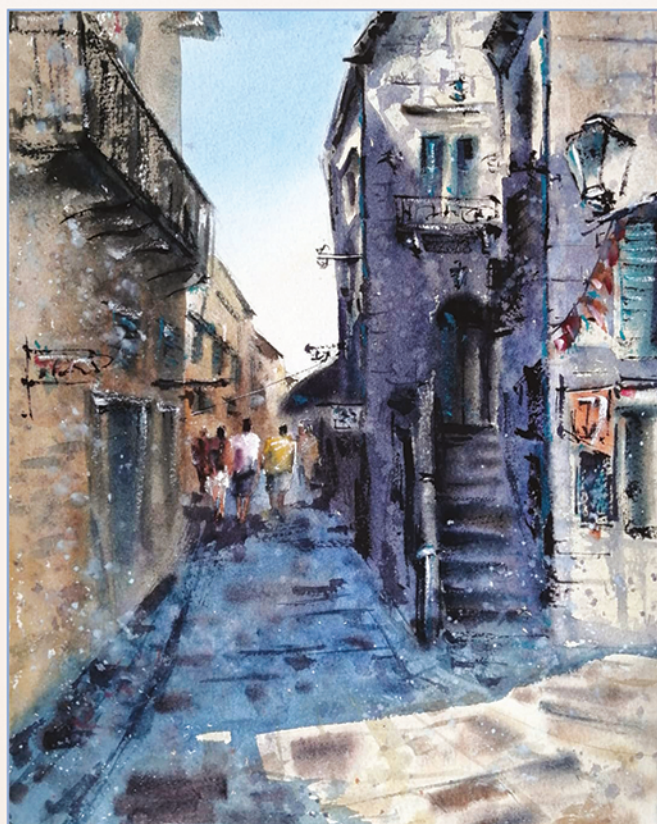

Начало века

2022

№ 2

Литературный и краеведческий журнал

НАЧАЛО ВЕКА 2022/2

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
И КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Выходит с января 2007 года

ИЗДАНИЕ ТОМСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

Главные редакторы:

Геннадий СКАРЛЫГИН
Оксана ЧАЙКОВСКАЯ

Редколлегия:

Геннадий АНКУДИНОВ
Дмитрий БАРЧУК
Александр КАЗАРКИН
Владимир КРЮКОВ
Елена КИРИЛЛОВА
Елена КЛИМЕНКО
Галина КЛИМОВСКАЯ
Вениамин КОЛЫХАЛОВ
Николай СЕРЕБРЕННИКОВ

Адрес редакции:

634050, г. Томск, ул. Шишкова, д. 10.
Тел. 528-369.
E-mail: ya.oxana69@yandex.ru

Электронные версии журнала:

<http://elib.tomsk.ru/page/25940/>
<http://tompisatel.ru/proektyi/nachalo-veka.html>
<http://журнальныймир.рф/zhurnaly/nachalo-veka>

При перепечатке материалов
ссылка на журнал «Начало века»
обязательна.

Мнения авторов не обязательно
совпадают с мнением редакции.

На обложке: Гульнара Султанова.
«Старинная улочка».

Журнал выходит при поддержке
Администрации Томской области.

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА

- Сергей ЗАПЛАВНЫЙ**
Возвращение Сибири 2
- Дмитрий БАРЧУК**
Майдан для двоих 51

ПОЭЗИЯ

- Софья РУБАКОВА** 67
- Ольга КОМАРОВА** 72

ПРОЗА

- Валентина ЧУБКОВЕЦ**
Рассказы 78
- Татьяна ЛЕОНТЬЕВА**
Рассказы 83
- Сергей ЛУШНИКОВ**
Мы в ответе за тех,
кого приручаем 96

ПОЭЗИЯ

- Юрий ТАТАРЕНКО** 103
- Татьяна ПРОКОПЬЕВА** 108
- Елена БОГДАНОВА** 112

ПРОЗА

- Оксана ЧАЙКОВСКАЯ**
Рассказы 117

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЁБА

- Софья ПОНОМАРЁВА** 134
- Наталья ЛЕВЧЕНКО** 136
- Егор ЕВСЮКОВ** 139

БЫЛОЕ

- Елена КИРИЛЛОВА**
Санушка 141

КРАЕВЕДЕНИЕ

- Лариса КУЛИЖНОВА**
Томские корни 148

- АВТОРЫ НОМЕРА** 158

Сергей Заплавный

ВОЗВРАЩЕНИЕ СИБИРИ

Повесть в рассказах

«На диком берегу Иртыша...»

Город моего детства расположен в ущелье каменных гор Восточного Казахстана на берегу чистоводной реки Ульбы и могучего Иртыша. Это крупный промышленный центр, название которого несколько громоздко и труднопроизносимо: Усть-Каменогорск, но мы, его жители, привыкли этого не замечать. Зато как просто и весомо звучало (и звучит!) имя Иртыш, соединяющее Алтай и Западную Сибирь, Азию и Сибирское Зауралье. Не каждой реке суждено стать песней, которая широко разошлась в народе, а в дни государственных праздников исполняется обычно вслед за песнями о Родине, о военных подвигах, дружбе народов, долге, памяти и единстве.

Помню, в рабочих и студенческих общежитиях, в семейных застольях, в дальних походах и рискованных экспедициях вдруг кто-то запевал драматическую песенную историю, сложенную Кондратием Рылеевым, о том, как

*...На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой...
Остальные дружно подхватывали:
Товарищи его трудов,
Побед и громкозвучной славы,
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали средь дубравы.
– О, спите, спите, – мнил герой, –
Друзья, под бурю ревущей:
С рассвета глас раздастся мой
На славу и на смерть зовущий...*

Затем голоса поющих наполнялись гневом и презрением:

*Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,
Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.
Мечи сверкнули в их руках –
И окровавилась долина.
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...*

Горький финал, но звучал он как реквием, как вера в победу русского оружия. По песням, конечно, историю Отечества не изучают, но это был тот случай, когда школьная программа шестидесятых годов минувшего столетия излагала поход Ермака весьма сухо и бесцветно, а наша учительница истории не добавила от себя к учебнику ничего нового и запоминающегося.

Зато поставил наши знания о Ермаке с ног на голову завуч средней школы № 11, где я учился, Виктор Петрович Красиков, учитель географии. Я и сегодня, шестьдесят лет спустя, помню всё, что и как он говорил.

Случилось это в школьном палаточном лагере на берегу Иртыша. День выдался ненастный. Над пляшущими волнами висели грозовые тучи. Время от времени они погромыхивали, будто кто-то могучий ворочал в небе тяжеленные камни. Но дождя не было. Лишь порывами налетал шальной ветер и, словно стая разъярённых псов, рвал зубами неподатливый брезент, потом вдруг обессиленно отступал.

Во время одного из таких затиший и появилась у наших палаток комиссия из горно, проверяющая организацию летнего отдыха учащихся, а с ними завуч нашей школы Виктор Петрович Красиков. Среднего роста, сухощавый, в армейской рубашке с наглухо застёгнутым отложным воротником, он выглядел моложе своих тридцати пяти лет. Лицо волевое, по-мальчишески ясное, с прядью русых волос над широким лбом. Единственный мужчина в учительском коллективе школы, да ещё фронтовой разведчик, орденосеиц, гвардии подполковник запаса, он пользовался всеобщим уважением и авторитетом. Одним словом, Вик-Пет!

– Ну, как дела, сподвижники? – заглянул он к нам в мальчуковую палатку. – Грома испугались? Так он сам вас боится. Вот и припугните его встречным боем!

– Как это припугните? – нашёлся среди нас непонятливый.

– Как положено: боевой песней! – весело объяснил завуч и обвёл взглядом палатку: – А ну, орлы, поднимите руки, кто тут из нашей одиннадцатой, песенной школы?

Поднялось рук десять.

– Отлично. Я ненадолго отлучусь к гостям, а вам поручаю подготовиться к самой задушевной исторической песне, созвучной обстановке, в которой мы нынче находимся. Соревнуемся школа на школу. Победители получают приз, – и исчез так же внезапно, как и появился.

И тут случилось чудо: черноволосый молчун из нашей школы Вовка Рыжиков вскочил на скрипучую кровать и с видом оперного певца ломающимся голосом вдохновенно грянул:

*Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии блистали.
И непрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...*

Из школьной солидарности мы в десять голосов Вовку поддержали. Не дослушав нас, ребята из других школ зашумели:

– Ага... Вик-Пет вам заранее «Смерть Ермака» подсказал. Нечестно получается...

Но мы, перевирая слова, гнули своё:

*Нам смерть не может быть страшна:
Своё мы дело совершили:
Сибирь царю покорена
И мы – не праздно в мире жили!..*

*Иртыш кипел в крутых берегах,
Вздвигались седые волны,
И рассыпались с рёвом в прах,
Бия о брег казачьи чёлны...*

Когда мы закончили петь, спор продолжился:

– А нам что осталось? – кипятились ребята из других школ, – «Во поле берёзонька стояла, во поле кудрявая стояла, ой, люли-люли стояла...»?!

– Нашли проблему. «Синее море, священный Байкал...» пойте, – отвечали мы, – А ещё лучше «Варяга». Или «Дубинушку»...

В конце концов решили не делиться по школам, а всем вместе блеснуть знанием «иртышской истории и географии».

Вик-Пет вернулся один. Хлынул дождь. Комиссия укрылась в палатках девочек. Их в лагере вдвое больше, чем нашего брата, а значит, всё внимание переключилось на них. Тем лучше!

Не сговариваясь, мы встретили завуча самым трогательным куплетом рылеевской песни:

*...Иртыш волнуется сильнее.
Ермак все силы напрягает
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает...*

Сбив с себя у порога дождевые капли, Виктор Петрович пригладил широкой ладонью мокрые волосы и подсел к столику дежурного.

– Молодцы! – похвалил он. – Правильную песню выбрали. И хорошо, что все вместе. А теперь задам-ка я вам, хлопцы, задачку потрудней. Кто скажет, когда и как случилось первое присоединение Сибири к России?

Мы недоуменно запереглядывались.

– А разве такое было?

– Не только было, но и отражено во многих исторических документах.

– А почему тогда в нашем учебнике об этом не сказано?

– Возможно, его авторы не сошлись во мнении по этому вопросу. Такое случается.

– И как тогда быть?

– Поискать ответ в научной, краеведческой, справочной или даже в художественной литературе.

– Нам и на учебник-то времени не хватает, – поспешил перевести разговор на шутку остролов из школы № 7 Игорь Худяков.

– Не обращайтесь на него внимания, Виктор Петрович, – сделали серьёзные лица приятели Худякова. – Он в детстве рыбьего жира переел, никак опомниться не может. Вы нам лучше про первое присоединение Сибири расскажите!

– А потом про второе, – добавил мой сосед. – Не помешает вспомнить...

– А я понять не могу, как это Ермак с дружиной в пятьсот сорок человек не побоялся бросить вызов Кучуму, у которого было несметное войско, – поднял, как на уроке, руку болезненно полный ученик из музыкальной школы, неизвестно каким образом оказавшийся в наших рядах.

– Да вы, я гляжу, любомудры! – обрадовался Вик-Пет. – Столько вопросов сразу, и все толковые. Так держать! Времени у нас с избытком, обстановка подходящая. Так что я, конечно, расскажу. Но с условием: не хочешь слушать – не слушай. Опять же, человек я детдомовский, к неспешным разговорам привык, на детали сбиваюсь, в сторону ухожу... Так что вы меня назад возвращайте. Согласны?

– Согласны!

– Итак, – голосом скорее сказителя, чем учителя, начал Виктор Петрович, – в 1555 году от Рождества Христова, говорится в Никоновской летописи, прибыли в Москву из-за Камня (то есть Урала) послы правителей Сибирского ханства Едигера и Бекбулата Тягрул и Панчада – просить Иоанна Грозного, чтобы он «всю землю Сибирскую во свое имя взял и от сторон от всех заступил». Не стало сил у Едигера и его брата Бекбулата терпеть разбойничьи набеги сыновей Бухарского правителя Муртазы, Ахмад-Гирея и Кучума, мечтавшего захватить их земли в Среднем Приобье.

Возликовал русский царь. В прежние годы, подчинив Казанское и Астраханское ханства, он положил конец трёхвековому владычеству Золотой Орды в Поволжье. Затем присягнул на верность Москве правитель Большой Ногайской орды Исмаил... А ныне готовы стать под его «высокую руку» Едигер и Бекбулат! Платить ясак (налог) в царскую казну они обещают «со всякого чёрного человека по соболу» – итого тридцать тысяч шкурок. Не много, но и немало. Значит, столько у него мужчин-добытчиков. Женщины, старики и дети ясаком не облагались.

Такая доверчивость тронула Иоанна Грозного, но и растревожила вместе с тем. Война с Ливонией (прибалтийскими странами) за выход к Балтийскому морю увязла в разрозненных, выматывающих силы и казну сражениях. А тут ещё Крымская орда, подстрекаемая турецким султаном, голову подняла. Много и других забот, неустройств, бедствий в делах царских накопилось. При таком положении за тысячи вёрст трудно будет помочь сибирским правителям. Но и отказаться никак нельзя. Соседние управители это, чего доброго, за слабость примут...

Отбросив сомнения, Иоанн отправил в Сибирь дворянина Дмитрия Непейцына – *привести к шерти* (присяге на верность) «тамошний народ», сделать перепись мужчин-добытчиков, а посольских людей всех прочих стран уведомить, что Москва принимает Сибирь в подданство.

На строку длинней стал и без того длинный титул Иоанна Грозного. Начи-

нался он словами: «Всея Руси самодержец...». Затем шло перечисление наиболее значимых городов Московского государства. Следом (в память о походах московских дружин 1465, 1483, 1499–1500 годов на Северный Урал и Нижнее Приобье) величание: «князь Кондинский и Обдорский». И, наконец, самое впечатляющее: царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский»...

Слушать Вик-Пета легко и интересно. Каждое устаревшее слово он объясняет, каждому поступку тогдашних правителей даёт оценку. Часто прибегает к цитатам...

– В 1563 году, при поддержке Бухары и ногайцев Сибирского юрта, братья Ахмад-Гирей и Кучум захватили столицу Сибирского ханства Кашлык, убили Едигера и Бекбулата и стали наводить в их улусах свои бухарские порядки. Но это оказалось не таким, как думалось им, простым делом. Пять лет спустя Кучум стал единоличным правителем Сибири, но ещё много лет ему не удавалось усмирить местную знать. Это вынудило его вступить в переговоры с «крестьянским белым царём» Грозным. Хан выразил готовность признать белого царя своим «братом старейшим», однако дерзко добавил: «И ныне похощь миру, и мы помиримся, а похочешь воевати, и мы воюемся». Подписался тоже дерзко: «Вольный человек Кучум царь».

– Тогда что же получается, Виктор Петрович? – заудивлялись мы. – Кучум войну с Москвой затеял, Сибирское ханство вероломно захватил. Оно к тому времени уже восемь лет в состав Московского государства входило! Какой же Ермак после этого завоеватель?! Правильней сказать – освободитель, или как-то ещё...

Вечный остролов Игорь Худяков тут как тут:

– Закон природы гласит: «На каждого Кучума – свой Ермак!».

На этот раз шутка удалась. Все разулыбались, а сосед Худякова картинно пожал ему руку – дескать, знай наших!

Но всё испортил самый маленький и самый вьедливый в нашем отряде Тарас Сосуля.

– Красиво звучит, да не всё у тебя сходится, Игорь! – громогласно заявил он. – Кучум Сибирь в 1563 году захватил. Ермак к этому никакого отношения не имел – в том смысле, что в царском войске его не было. На исторической сцене он появился лишь в 1582 году, как атаман донских и волжских казаков, охранявших по найму владения пермских купцов – промышленников Строгановых. За это время Иван Грозный не сумел вернуть себе Сибирь. Так и угас этот конфликт сам по себе. А сибирский поход Ермака – это другая история, связанная больше со Строгановыми. Если так, то авторы учебника, который мы тут дружно ругали, правильно сделали, что отделили один период от другого.

– Вот что значит иметь свою точку зрения! – похвалил его Виктор Петрович. – Учитесь! – и спросил у Сосули: – Напомни, кстати, как тебя величать, голубчик?

– Тарас Юхимович, – солидно представился тот.

– Закон природы номер два: дели неделимое, и ты будешь прав! – не унимался Худяков.

– Но должен тебе заметить, Тарас Юхимович, – не обратив внимания на худяковскую реплику, стал развивать свою мысль Вик-Пет, – насчёт того, что Ер-

мак никакого отношения к захвату Сибири ордынцами не имел, ты ошибаешься. Имел, да ещё какое! Он ведь от кого южные границы с донскими и волжскими казаками оборонял? – От крымских, астраханских, казанских и ногайских остатков Золотой Орды. А бухарцы – её узбекская ветвь. Так что и сам Ермак, и его дружина знали, что происходит в сибирском Зауралье, и сердцем кипели против воровского Кучум-хана. Кликни их царь против ордынцев, поднялись бы все, как один! Но ты прав, Тарас Юхимович, призыва от него не последовало. Что касается исторической сцены, то она, как правило, быстро меняется. Когда Ермак выступил в свой легендарный поход, его знали лишь те, кто шёл рядом, или те, что бились с ним против врагов. Однако прошло не так много времени, он стал героем народных песен и сказаний. Вот и давайте проследим, как Ермак оказался в этой роли «на диком берегу Иртыша».

– Давайте! – дружно согласились мы.

– Родословную Ермака сказители и летописцы на много рядов расписали, – без особого труда перестроился Виктор Петрович. – По одним он выходец с Северной Двины, по другим – из Суздаля, по третьим – из Вологодского уезда Тотемской волости, по четвёртым – завзятый уралец с реки Чусовой... Но всё это сомнительно. В те времена простые люди, гонимые с места на место, не по календарю жили. Многие не только своего дня рождения не знали, но и места прежнего проживания. Ориентировались во времени обычно по крупным событиям – война, стихийные бедствия, церковные праздники, урожайные или неурожайные годы... Так что мифологию, с Ермаком связанную, придётся опустить.

Начнём с Дикого поля, где началась его атаманская жизнь. Так назывались южнорусские степи между Доном, Волгой и Яиком (река Урал), разорённые нашествием хана Батыя. После распада Золотой Орды сюда стали стекаться выходцы с русских «украин» (окраин), а с ними беглые люди, переселенцы, промысловики... Постоянные сшибки с ордынцами, тяжёлые условия жизни, повальные болезни на многих из них оставили свои горестные следы. Даже на атаманах. Нередко они носили странные по сегодняшним понятиям прозвища – Кривой, Брюхо, Хрипун, Сухорук, Слизень, Брязга, Горбатый, Нюнька, Хромыга... Другое дело – прозвище Ермак. Судя по нему, телесных изъянов у атамана не было. Напор и сила! Так что прозвище Ермак, скорее всего, – это сокращённое православное имя Ермолай. Звучное и внушительное.

Вот как рисовало его одно из летописных сказаний: «Онний человек был силен и велеречив и остёр, ходил на струге по рекам Волге и Дону, и от той работы принял смелость и, прибрав себе дружину малую, прозван Ермаком, так сказуется дорожной артельной таган, по-волжски – жерновой мельниц рушной». В другой летописи, составленной на документах всё знающего Посольского приказа, утверждалось: «Прозвище ему у казаков было Токмак», что значило «пест», «колотушка», «било», а в расширительном смысле «бьющий» или «сотрясающий неприятеля».

В отличие от более позднего казачества «вольные люди» Дикого поля земледелием из-за частых набегов ордынцев не занимались. Кормились чем придётся – охотой, рыбной ловлей, речными перевозками, охраной торговых караванов, но чаще всего нанимались в царские ополчения – защищать русские

земли. А поскольку при Иоанне Грозном военные действия шли практически непрерывно, можно с уверенностью сказать, что большую часть жизни Ермак провёл в походах и сражениях за Отечество.

На протяжении уже четырёх веков между специалистами по истории и историографии идут жаркие споры о ключевых датах сибирского похода Ермака и его дружины. Принято считать, что начался он «в лето 7090 от сотворения мира». Но есть и другие варианты. По данным историка Шлякова, в это же самое время (лета 1581 «от Рождества Христова») «Ермак Тимофеевич – атаман казачий» сражался под стенами Могилёва. Сведения об этом Шляков почерпнул из архивных документов тогдашней могилёвской комендатуры. В отличие от летописных сведений – это факт достоверный, убедительный, заверенный подписью коменданта Могилёва Стравинского. Вот и будем его держать.

Летом того же 1581 года Иоанн Грозный и польский король Стефан Баторий заключили перемирие в Ливонской войне. «Споткнувшись» об него, дружина Ермака соединилась с «баловнями» атаманов Ивана Кольцо, Никиты Пана и Саввы Болдыря, оборонявших по уговору с Москвой южные земли от набегов Большой Ногайской орды. Незадолго до того, выполняя наказ царских военачальников побивать крупные силы ногайцев, возвращавшихся с богатой добычей из русских земель, в отместку за разорённые только что города Темников и Алатырь, атаманы Кольцо, Пан и Болдырь на Самарском перевозе под Сосновым островом отряд в триста сабель хана Уруса погромили, а с ним и московского гонца Василия Пелепелицына. Очень уж высокомерно он с казаками себя повёл, зато с ногайцами – чересчур услужливо. И царскую казну не хотел отдавать. Вот и стали жаловаться ногайцы, что московская сторона мирных соглашений не соблюдает...

Не успели ермаковцы отдохнуть с дороги, припожаловал к ним доверенный человек пермских солепромышленников Строгановых: зашевелились-де на Чусовой, Яйве, Койве и других уральских реках немирные вогулы (манси), зауральские пелымцы и татары, вот и дозволил государь для охраны строгановских владений «охочих людей» набрать. Жалованье им Строгановы кладут не меньше, чем в боевых полках, да ещё и с «прибавками» за хорошую службу. Соглашайтесь, братцы, не пожалеете!

Собрали Ермак, Кольцо, Пан и другие атаманы общий казачий круг. На носу зима – поздно в путь пускаться, да и размыслить бы надо, что к чему. А с первой водой можно и до Чусовой добежать, вдруг дело сладится... На том и порешили. Большим атаманом выбрали Ермака. Он изо всех самый подходящий: силён, умён, дальновиден, заботлив, храбр, всего не перечислить.

До весны изладили казаки сколько надо стругов, и в путь: с Яика на Большой Иргыз, с Большого Иргыза – на Волгу, с Волги – на Каму, с Камы на Чусовую... С Чусовой и началось второе присоединение Сибири к России, а точнее сказать, её возвращение. О том, как оно происходило, повествуют Есиповская, Строгановская, Погодинская, Кунгурская и другие летописи.

При создании первой из них, самой, кстати, популярной, дьяк Тобольского архиепископского двора Савва Есипов использовал «сказы» (свидетельства) сподвижников Ермака, доживших до почтенных седин и участвовавших в написании Синодика (поминального списка), по которому с тех пор поётся им

«вечная память». Главная мысль этой летописи звучит так: «Не от царского повеления воевод, но от простых людей сам Бог призвал Ермака на святое дело».

Строгановская летопись значительно шире Есиповской. При её написании использованы не только «Синодик ермаковским казакам», но и созданная тогда же «Повесть о сибирском взятии», а главное – многочисленные документы из архивов солепромышленников Строгановых. Они потребовались автору для того, чтобы доказать: Сибирь была «взята промыслом и радением» его благодетелей. Ведь это Строгановы зазвали Ермака и его дружину в Сибирь, они подсказали пути к ставке Кучума, они снабдили казаков продовольствием, одеждой, свинцом и порохом. Значит, и слава первая им!

В Есиповской летописи не сказано, когда именно струги Ермака появились на Чусовой. Зато сказано в Строгановской: в июне 1579. Её автор как бы подсказывает нам, что поход Ермака готовился во владениях Строгановых, причём весьма долго и старательно. Но с историческими документами не поспоришь. Как я уже сказал, в то время Ермак находился в литовской Ливонии, а на Чусовой появился лишь летом 1582 года. И сразу же столкнулся с летучими отрядами Алея, старшего сына-наследника Кучум-хана, пришедшего «воевать» Чусовские городки вместе с вогулами и пелымцами. С этого и начинается крутой поворот в жизни Ермака, а значит, и в дальнейшей нашей истории. Лишь крупные цели рождают столь крупные и поистине молниеносные решения, делают походного атамана выдающимся военачальником.

Наиболее достоверно этот поворот описан в Погодинской летописи: «...а как Кучумов сын Алей пришёл на Чусовую, и в то же пору прибежал с Волги атаман Ермак с товарищи и повоевать ему Чусовской острог не дали. С тех мест и учили они, Ермак с товарищи, мыслить и збиратся, как бы им дойти до Сибирские земли и до самого Кучума».

О том же говорят и другие документы Погодинской летописи: Ермак принял решение отправиться в Сибирь лишь после схватки с Алеем. Почему, спрашивается, после? – Да потому, что Алея на Чусовой он не ожидал встретить, тем более с отборным войском хорошо вооружённых и обученных ногайцев, бухарцев и терсяков (башкир). Значит, Кучум-хан не столько пермские вотчины Иоанна Грозного вздумал пограбить, сколько показать, кто истинный властитель Сибири.

Другой бы на месте Ермака преследовать разбитых в ближнем бою степняков бросился, а он, одолев их, направился в строгановскую крепость Кергедан (Орёл) на Каме-реке, чтобы обдумать сложившееся положение.

А поразмыслить было над чем. После того, как Кучум «воровски» захватил Сибирское ханство, Иоанн Грозный свой титул сокращать не стал, продолжил именоваться «царём Казанским, царём Астраханским, царём Сибирским». Вот Ермака и осенило: а ведь отдав Алею лучшую часть своего войска, Кучум остался со вспомогательными отрядами из завоёванных сибирских племён, а это преграда не ахти какая крепкая и не ахти какая надёжная. Если на ставку хана внезапно напасть, она тут же и рассыплется. Что до Алея, то он сейчас отцу не помощник. После сражения на Чусовой он своих уланов из владений Строгановых на север увёл – раны залечивать, отряды перестраивать. Там у него на пути царская крепость Чердынь. Пусть-ка об неё зубы поломают...

Пока это был только план. Его ещё предстояло превратить, говоря сегодняшним языком, в хорошо продуманную боевую операцию.

Станичные атаманы замысел Ермака одобрили, казачий круг тоже. О Строгановых и говорить нечего. Они ещё в 1574 году от «обиженного Кучумом» Иоанна Грозного дозволение получили (вдобавок к самовольно занятой в сибирском Зауралье слободке на реке Туре) построить крепости на Тоболе, Иртыше и Оби. Но Кучум не только слободку у них отобрал, но и запер в их владениях, как медведя в берлоге.

А владения у Строгановых ого-го-го какие! Они их в то время получили, когда Грозный опричнину в Московском государстве ввёл. Как верные опричные слуги царя, Строгановы получили право двадцать лет пошлину за них не платить, завести соляные варницы, на Каме и Чусовой построить крепость, острог, укреплённые городки, а для охраны всех этих угодий нанять собственное войско в тысячу человек.

Ко времени прибытия Ермака на Чусовую войско это заметно поубавилось, но не больше, чем наполовину. Вот и растолкуйте мне, зачем Строгановым понадобилось ещё столько же «охотников» добавочно нанимать? А я отвечу: у самих военной хватки и решимости с Кучум-ханом тягаться не было. Искали, кого бы на него натравить. Вот и выпал им редкостный случай – к подвигу Ермака и его дружины пристроиться...

По палатке неспешно пробежал дождь, затем застучал чаще и громче. Пришлось Вик-Пету прибавить голос:

– Казаки – мастера на все руки. За август месяц в Кергедане у Строгановых они вместо тяжёлых стругов лёгкие изладили. А это дело непростое: липы поохватистой сыскать, выдолбить из них «тулово», досками как следует обшить. На каждом по двадцати «ездок» вместе с вооружением и продовольствием можно разместить. Да десятка с два челнов поменьше, поманевренней спроводили. Вот и получилась целая флотилия.

В Кунгурской летописи, вложенной в «Историю Сибирскую» первого русского картографа, писателя-летописца Семёна Ремезова, живо описано, как Строгановы хлебом, мясом и свинцом-порохом ермаковцев в дорогу снаряжали. В долг – вот как! На обратном пути, дескать, за всё с лихвой расплатитесь. Но атаман Иван Кольцо воли Максиму Строганову не дал. «По запросу клади, – говорит, – иначе не сносить тебе головы!» Пришлось тому свою скупость попридержаться...

Здесь к месту вспомнить, как тот же Иван Кольцо год назад на Самарском перевозе вместе с ногайцами московского гонца, сына боярского Василия Пеллепицына оконфузил. После того случая царь незадачливого послужильца воеводой в опорную крепость Пермского края Чердынь и отправил, подальше от московских глаз. Не успел Пеллепицын на новом месте освоиться, Строгановы себе на службу тех самых «воров-атаманов» призвали, что Москву с Ногайской ордой ссорили, убытки царской казне чинили». А когда наследник хана Кучума Алей на Чердынь напал, вместо того, чтобы на помощь ей Ермака и его атаманов двинуть, Строгановы послали их «воевать сибирские места». Об этом чердынский воевода тотчас царю донёс. И как тот на его стенания ответил? – Строгановым опалой пригрозил, а Ермака с его дружиной назад

вернуть велел – «для оберегания пермских мест». Выходит, Иоанн Грозный Ермака не преследовал вовсе. И Ермак не от гнева царского в Сибирь «утёк». Походная жизнь научила его принимать быстрые решения, на первый взгляд даже безрассудные. Вот и на этот раз он почувствовал, что само стечение обстоятельств даёт ему редкую возможность поставить на место зарвавшегося «богатыря царя Кучума». И он не преминул этим воспользоваться. Ведь жизнь его – это вечная дорога и ратное братство, ведущее к познанию мира и справедливости.

Новый год в то время начинался первого сентября по церковному календарю. Это ещё раз подтверждает, что Ермак выступил в свой рискованный поход не в начале 1581 года, как утверждает Строгановская летопись, а 1 сентября 1582-го, когда сын Кучум-хана Алей напал на Чердынь...

– Откуда вы всё так подробно знаете, Виктор Петрович? – не удержал любопытства обычно молчаливый Ваня Гросс. – Вы же географию, а не историю ведёте!

– А мне спецкурс по Ермаку посчастливилось прослушать! – озорно глянул на него Виктор Петрович. – И знаете где? На войне. Точнее сказать, под Краматорском, в военном госпитале...

Мы привыкли видеть своего учителя в полувоенной форме. Над правым карманом армейской рубашки поблёскивает гвардейский знак, над левым скромно прицеплена одна-единственная орденская планка. Только раз в году он надевает парадный китель с погонами и россыпью боевых наград – в День Победы. Рассказывает о своём боевом пути, подпекает звучавшим повсюду военным песням, плачет и смеётся, гладит по головёнкам младшеклассников... А после 9-го мая вновь надевает свою будничную, крепко поношенную, но всегда чистую рубашку, и становится привычным Вик-Петом.

Вот и сейчас он преобразился, словно в День Победы. Сразу и не поймёшь, постарел или помолодел. Скорее, и то, и другое одновременно.

Вырос он в селе Заульбинка, неподалёку от Усть-Каменогорска, воспитывался в детском доме, окончил педагогическое училище и успел поработать учителем в Убинском районе. А ведь был, считай, нашим ровесником. Потом война, окопы Сталинграда, батальонный разведчик 73-й гвардейской Сталинградской стрелковой дивизии. Первая медаль «За отвагу»; бои на Харьковском направлении; Мариуполь, Донецк, Изюм, Богучар, станица Вёшенская; ранение под Краматорском... Всё, что мы знали о своём учителе, за несколько минут промелькнуло в нашей памяти... И мы вновь стали его слышать.

– Там, в госпитале, и свела меня судьба с работником политотдела, старшим лейтенантом Забелиным, – поведал Виктор Петрович. – До войны он научным сотрудником одного из уральских музеев трудился. Специалист редкостный. На любой вопрос мог сходу ответить. Но главная его тема была – Ермак. О нём он мог говорить часами, в любое время дня и ночи. От него я «подробностей» и набрался. А после войны ещё и в научную литературу заглянул, в летописи. Что касается географии и других учебных дисциплин, я так скажу вам, ребята: все они крепко-накрепко с историей связаны. Тот же поход Ермака взять. Это же сплошная география! Ответьте, к примеру, на такой вопрос: можно ли *переплыть* через Уральские горы? Реки-то с гор, а не в горы текут.

Мы озадаченно запереглядывались, а всё знающий Геша Агапов спокойно, как по-писаному, отчеканил:

– Зато в разные стороны. Берега рек и их притоков на склонах гор местами так сближаются, что с воды на воду, как по ступеням, до вершины добраться можно. И таким же примерно образом спуститься с другой стороны.

– Остроумно, – согласился Виктор Петрович. – Но летом – вот беда! – горные реки пересыхают. Как в таком случае быть?

– А как Ермак, – задиристо привстал с места невысокий смуглолицый Агапов. – Дождаться осени. Пойдут дожди – и реки наполнятся, станут судоходными.

– Смотри ты, какой молодец! – порадовался за него Виктор Петрович. – Ты это наперёд знал или сам догадался?

– Наперёд, – признался Геша. – Дядя у меня все горы излазил. Он о них всё знает.

– Значит, вдвойне молодец, – похвалил Виктор Петрович. – Садись, Геннадий. Спасибо, что помог нам разобраться, как Ермак Урал переплыл. За четыре с лишним века путь его многие специалисты и любители приключений повторили. И начинается он с какой реки?.. – обвёл нас ожидающим взглядом Виктор Петрович.

– С Чусовой! – опередил всех Геша Агапов.

– Дай и другим отличиться, – шутливо укорил его Виктор Петрович.

– С Чусовой!! – хором откликнулись чуть не все обитатели нашей палатки..

– Почему с Чусовой?

– Потому что она с вершины Уральских гор сбегает! – перебивая друг друга, заговорили сразу несколько «знатоков». – А разве нет?

– А разве да! – по-мальчишески передразнил их Виктор Петрович, и вновь посерьёзnel: – В верховье своём Чусовая – это даже не река, а могучий горный поток, мчащийся меж обрывистыми скалами высотой до двухсот метров. То тут, то там его вспенивают подводные и надводные камни, похожие на днепровские пороги, за которыми в то время укрывалась знаменитая Запорожская Сечь. Дружина Ермака прошла по Чусовой против течения более двухсот километров, а затем ещё девяносто по Серебрянке. Берега её до того сузились, что меж ними два струга не везде могли протиснуться. Вода в реках к этому времени поднялась. Немало вёсел казаки о скалы поломали, немало пробоин в днищах прибавилось. А сколько раз в бурлацкие лямки впрягаться пришлось?! Холод. Сырость. Парусов, как на Волге, не поставишь... Надежда только на самих себя.

С Серебрянки сошли неподалёку от Тагильского перевала, за которым реки текут уже в сибирскую сторону. Следующая река Журавль, но путь к ней зарос или буреломом завален, а под ним острый речной галечник пластами нанесло. Место для переволоки не самое подходящее. Но другое искать – времени нет. Прорубили из конца в конец просеку, и «поплыли» вверх по живописному склону остроносые челны – на плечах казаков, привыкших к таким переходам. Тяжёлые и повреждённые о камни струги оставили возле Серебрянки. (В «Чертёжной книге» Семёна Ремезова помечено: «Лежат суды ермаковы»). Вместо них изготовили небольшие плоты, вёсел в запас понаделали, да и дальше поплыли – теперь вниз по течению. В Сибирь!

Но скорость обманчива. Чуть зазеваешься, жди беды. Хорошо хоть с Журавля на Баранчук грузы волоком перетаскивать посчастливилось – по заболоченной седловине и многочисленным ручьям... С Баранчука спустились на широкий полноводный Тагил. У подножья Медведь-камня, как его ныне называют (неподалёку от Магнитной горы), устроили ещё одно плотбище. Починили суда, которые можно было починить, срубили новые, да и поспешили дальше, теперь уже по Туре.

Стремительно стал меняться пейзаж. Скалистые берега вдруг сделались невысокими, плоскими, вскипающее на перекатах течение разгладилось, обрело спокойствие и умиротворённость. Поначалу таёжные просторы вокруг казались «лешими», безлюдными, однако, приглядевшись, казаки начали различать в них (прежде всего по дымам) разбросанные на десятки вёрст стойбища сибирских татар. Те наблюдали за ними издали, на призывные знаки казаков не отвечали, предпочитая прятаться. Лишь несколько раз дело до стычек дошло, но, помня наставления Ермака, казаки благоразумно отступили. Пусть видят сибирцы, что против них они «никакого дурна́» не замышляют...

А на Тоболе уже царствовала осень. По утрам тонкий ледок сковывал его прибрежные воды. Но река ещё дышала полной грудью. Днём и ночью походным строем шла по Туре, а затем по Тоболу судовая рать Ермака. За два неполных месяца она перемахнула Уральские горы. (Ну чем не переход через Альпы Александра Васильевича Суворова?). До конца навигации оставались считанные дни. До ставки Кучум-хана на Иртыше столько же. Только бы успеть...

И ведь успели. 26 октября на подступах к Кашлыку произошло историческое сражение. Дружина Ермака одержала первую, причём самую убедительную победу. О том, как – после перемены!

С этими словами Виктор Петрович извлёк из нагрудного кармана часы-луковицу, щёлкнул крышкой. Приготовился услышать, как по школе прокатится нетерпеливый звонок на перемену, но тут же спохватился – он же не в школе! – улыбнулся и объявил:

– А теперь перерыв десять минут! По-моему, дождь тоже решил сделать передышку. Вольно! Разойдись!

– Ур-р-а! – часть ребят сыпанула из палатки, часть осталась с Виктором Петровичем.

– Ну как, чапаевцы, не устали слушать?

– Не-е-т! – разминая голоса, заорали «чапаевцы». – Интересно! Оказывается, Ермак вон какой... А что со старшим лейтенантом Забелиным стало? Сейчас, наверно профессор?..

– Если бы... – поник Виктор Петрович. – Война забрала... А мне он Ермака на память оставил...

– А вы – нам, – успокоил его Тарас Сосуля.

– Спасибо, голубчик...

Подождав, когда все вернуться, Виктор Петрович начал свой следующий урок:

– Вырос Ермак, как мы помним, в Диком поле, на разорённых ордынцами землях. Знал, что такое иго кочевых народов, впитавших с молоком матери завоевательный дух монгольского «народа-войска». Азовские, прикаспийские, а

тем более бухарские родичи-шейбониды, подчинившие себе Сибирь, не знали ни к кому жалости. Оседлые малочисленные племена спешили уйти с их дороги вглубь тайги или схорониться среди болот. Другой способ спастись от нашествия степняков – объединиться с соседями и противопоставить силе обидчиков свою силу. Но сделать это было дано немногим. Оно и понятно: тех, кто способен организовать сопротивление, уничтожали в первую очередь. Вот и решили Едигер и Бекбулат воспользоваться третьим способом, известным больше как *закон выживания*. Он гласил: *хочешь уцелеть, стань за спину сильного, но так, чтобы и он мог опереться на тебя*.

Зная, что Иоанн Грозный ищет мира и союзников на своих границах с Сибирским Зауральем, соправители Сибирского ханства присягнули ему на верность. Это обозлило и вместе с тем испугало Кучума. Заарканив Сибирь, он казнил братьев-тайбугинов, посмевших обратиться за помощью к Москве. Но смерть одних рождает неповиновение других, вооружает силой и упорством третьих...

Сорок девять лет спустя, следуя примеру Едигера и Бекбулата, за спину Москвы станет князь томских татар-эуштинцев Тоян Эрмашетов. Он сам отправится в Москву просить царя Бориса Годунова взять его народ в подданство и построить на Томи русскую крепость, которая бы защитила эуштинцев от енисейских киргизов, чёрных и белых калмыков и джунгар Хара-хулы. К тому времени в Приобье уже было построено четырнадцать острогов и городов: Обской, Тюмень, Тобольск, Лозьва, Берёзов, Пелым, Сургут, Тара, Обдорск (Салехард), Нарым, Верхотурье, Туринск, Мангазея, Кетск. Пятнадцатым стал Томск. Можно ли назвать это завоеванием? Конечно, нет. Это было возвращение Сибири Московскому государству, расширение и развитие его земель и присоединившихся к нему по законам выживания других племён и народов. Это было собиранье Сибири и России в единое тело.

Но вернёмся к Ермаку. За годы своего атаманства он хорошо изучил особенности ближнего и дальнего боя ордынцев, стратегию и тактику их военных действий; хитросплетения внешней и внутренней политики; сам не раз с успехом использовал наиболее удачные их приёмы. Ну вот, к примеру: что отличает набег степняков от военного похода европейского войска? Прежде всего стремительность, мобильность, неожиданное появление тех, кого неприятель не ждёт, грозный вид, пугающие крики и выстрелы... Так ведь и поход Ермака через Уральские горы можно набегом назвать. Всего за два месяца пройти такой путь, да ещё и без крупных столкновений с местными жителями, втайне от имевшего везде глаза и уши Кучум-хана... Это надо суметь!

А вот другой пример: обманный или выборочный бой. Суть его в том, что один из противников, а то и оба, не хотят сражаться по-настоящему; колют, рубят, стреляют куда попало, лишь бы со стороны казалось, что сражаются они насмерть...

Именно так, на мой взгляд, и сложился первый бой дружины Ермака с защитниками Кучум-хана. Основное войско его сын Алей увёл на русскую сторону – грабить Чусовские городки; а под началом племянника Кучум-хана Маметкула осталась сотня наёмных уланов и вспомогательные отряды сибирских князьков. Уланы заняли оборону в засеке из поваленных деревьев на берегу

Иртыша у Чувашева мыса. А под ним выстроила пограничную полосу судоходная рать Кучум-хана. Каких только челнов там не было! Каюки, юмы с диковинными берестяными парусами, большие и малые дощатые лодки из кедра, долблёнки из осины, берестянки, селькупские анты и антоки, ветки... Дождь стрел посыпался с них на флотилию дружины Ермака. Казаки бросили вёсла и ответили ружейными залпами. Порядок боя у них отработан до мелочей. Один заряжает пищаль, другой стреляет. Один заряжает, другой...

– ...Не попадает, – подсказал Игорь Худяков. – Да и как попадёшь, если сторонники Кучума все на одно лицо – и зависимые, и независимые.

– Зато одежда у всех разная, – терпеливо объяснил Виктор Петрович. – У хантов, остяков, обских татар, вогулов – всё больше дорожные малицы, колёки, шубы и полушубки из оленьих шкур мехом наружу, прямоугольные накидки до пояса, штаны из ровдуги или рыбьей кожи с чешуёй... А сторонники Кучума, его ударная сила, сплошь в доспехах. Совсем как мишени в детском стрелковом тире! Одни в наборных латах, прикрывающих грудь и спину, другие в кольчужных рубахах до колен, третьи в кожаных кафтанах, крытых плитками на колечках, четвёртые в бехтерцах, куюках, юшманах... Они-то в засеке на Чувашевом мысу и укрылись. Так что пришлось казакам почти вплотную с судовой ратью местных племён сойтись. Тут и захочешь выстрелить мимо, но как? Вспомните потрясающую картину Василия Ивановича Сурикова «Покорение Сибири Ермаком». Куча-мала – иначе не скажешь. Челны казаков от тяжести по дну скребут. Сибирцы в толпу сбились. Накал их чувств трудно передать. Здесь и смех, как вопль. И отчаяние. И надежда. Но следов крови нет.

Казаки не спешат высаживаться на берег и вступать с сибирцами врукопашную. Медленно, но неуклонно они вытесняли аборигенов с прибрежной полосы...

Посчитав это за неуверенность в своих силах, Маметкул решил сомкнуть линию обороны. По его знаку уланы разгородили в засеке проходы и, устрашающе крича, высыпали на берег пеше и конно.

Не давая им соединиться с судовой ратью Кучум-хана, казаки и раз, и другой, и третий пальнули по бегущим из пищалей, отлитых наподобие малых пушек с сошником, а остальные поддержали их залпами из ручниц. Это смешало бросившихся было в атаку уланов. Но тут на их глазах споткнулся о метко посланную с головного струга пулю Маметкул. Его подхватили телохранители и, прикрывая со всех сторон щитами, ходко понесли к челнам.

И сразу наступление захлебнулось, рассыпалось, повернуло вспять. Походные князьки велели своим воинам прорвать плотное кольцо, в котором они оказались. Опередив их, казаки сами разомкнули цепь из стругов, выпуская противника на иртышский простор. И те, как стая птиц, радуясь освобождению, весело заплясали на волнах в своих быстрых судёнышках.

Видя бегство вспомогательного войска, покинул свой наблюдательный пункт на взгорье Чувашева мыса удручённый происходящим Кучум-хан...

Чудо свершилось! На закате дня 26 октября 1582 года дружина Ермака вступила в Кашлык, покинутый его обитателями и защитниками.

Ханский дворец венчал широкую береговую кручу Иртыша. Издали он напоминал вырезанную из камня фигурку свернувшегося клубком соболя. Да и

сама круча казалась выложенной из камня. Но стоило казакам подняться наверх, всё вокруг обрело иные очертания и краски. Дворец превратился в земляной вал с расписными стенами над неглубоким рвом. За ним на вершине уступа высилась мечеть, шла черед нарядных построек для приближённых хана и его челяди. В них было темно и пусто. Зато в палатах дворца полыхали десятки светильников. В открытые двери врывался холодный поднебесный ветер с первыми хлопьями ослепительно белого снега и оседал на стенах, украшенных яркими коврами и позолоченным оружием.

Лишь часть казаков успела прогуляться по брошенному его обитателями дворцу. Подошедшие следом станичники сгрудились было в переходах, но тут же повернули назад. Очень уж хоромы хана показались им малы и в плечах узки! Пришлось отставшим казакам занять постройки за рвом. Иные из них ворчать стали:

– Ребята в ханском гнезде, поди, уже вовсю «дуванят» (делят трофеи после удачного набега), а у нас тут шаром покати...

– Уймись вы, балаболы, – шумнул на них есаул Богдан Брызга. – Или забыли уговор – вести себя, как положено русским воинам: ничего самовольно не брать, грубостей не делать. Мы ж не разбойники какие... А что положено победителям, мы, конечное дело, возьмём и поровну поделим. Так у всех народов заведено. Всему своё время.

– Ай да Богдан, ай да краснослов! – развеселились казаки. – Чешет, как пописаному. А ведь ещё недавно первый в дружине «дуванщик» был... Глядишь, скоро и мы, равнясь на него, в есаулы выйдемся...

К полуночи посланные «в подсмотр» (в разведку) охотники принесли долгожданную весть: Кучум-хан на личном судне «убежал в поле» (то есть в одно из своих владений в Среднем Прииртышье). Его примеру последовали остяки (обские люди), ханты, вогулы. Последними вернулись в свои улусы, разбросанные вокруг Кашлыка, наиболее верные Кучум-хану обские и иртышские татары.

Выслушав срочные донесения, атаманы разошлись по своим станицам. Теперь можно и отдохнуть. Но ещё долго ханский дворец гудел, как растревоженный улей. Ещё долго победный сон казаков не брал. То здесь, то там вскакивали они с крытых коврами лежанок, размахивали руками, отчаянно спорили, хвалили себя, пушкарей, а то и лучников Кучум-хана, много стрелявших, да мало попадавших. Но ведь когда Ермак научал казаков хитростям *выборочного боя*, не многие поверили, что они им могут пригодиться. Однако ж пригодились. И не только они...

Пересудам не было конца. Они затянулись за полночь. Но и тогда нашлись горячие головы, готовые хоть сейчас отправиться в погоню за Кучум-ханом.

Пришлось вмешаться Ермаку.

– Спать, братцы, спать! – прошёл он дворец из конца в конец, обещая: – Доколе сами не проснётесь, поднимать вас не велю. А как встанете, присесть не дам...

– Сколько проспала тогда казаки, в летописях не сказано, – помолчав, с улыбкой оглядел палатку Виктор Петрович, – зато доподлинно известно, что на четвёртый день после памятного боя у Чувашева мыса в Кашлык припожаловал хантыйский князец Бояр с реки Демьянки. В дар Ермаку и его дружине

он примчал запряжённый оленями санный обоз. Чего только не было на санях: отборная речная рыба, чёрная икра, оленьё мясо и копчёное оленьё сало, особо любимое хантами, лесная и озёрная дичь, ягоды и кедровые орехи. С помощью отдельных слов, жестов и выразительной мимики Бояр неплохо изъяснялся по-русски.

Оказалось, четверть века назад, когда властители Сибирского ханства Едигер и Бекбулат решили стать подданными Московского государства, в Кашлыке побывал посланец русского царя Дмитрий Непейцын. Бояр помогал ему «исчислить всех чёрных людей, которые бы ясак сполна в царскую казну давали», и в деловых поездках его сопровождал.

– Я в твои люди не стрелять, – заверил Бояр Ермака. – Я с твои люди дружить хочешь.

– Золотые слова, князь, – обнял его Ермак. – А не боишься, что Кучум-хан об этом узнает? Он скор на расправу.

– Зачем боюсь, если ты рядом будешь?

– Тоже верно, – согласился Ермак. – В таком разе напomini мне, мил-человек, какой ясак сибирские народы обязались тогда Московскому государству платить?

– Тридцать тыщев соболей на каждый год, – с достоинством ответил молодой полнотелый Бояр. В пышной шапке из рыси и красочных одеждах он и впрямь был похож на боярина.

– А сколько соболей с вас Кучум-хан берёт?

– Ой, много, – вздохнул Бояр и начал складывать пальцы. – Совсем разорил. Но сколько ему ни дай, всё мало...

– Вот об этом и расскажи всем своим близким и знакомым. Пусть знают, что мы сюда с миром пришли. Чтобы Сибирь опять рядом с Москвой стала. Спасибо, Бояр. Наша дверь и душа открыты тебе...

На другой день атаманы собрали общий казачий круг. Места для всех в ханском дворце не хватило, пришлось вынести походное знамя на широкий гостевой двор между рвом и береговой оградой. Там ему самое место. Расправлять ярко-синее, обшитое красной каймой полотнище не пришлось, оно само под ветром развернулось. И тогда видны стали стоящие один против другого на задних лапах вырезанные из белых холстин единорог с конским туловищем и грозно рыкающий лев, царь зверей. Кого каждый из них олицетворяет, окружающие и сами не знают...

День выдался холодный, ветреный, но это не остудило пыл казаков. Наговорились вдоволь, однако войсковой приговор изложили кратко: привести «к шерти (дать клятву на верность) и ясак с живущих тут иноязычных людей по их верам взять на том, что бысть им под высокою царьскою рукою до веку, покамест Русская земля будет стоять... и зла никакого на всяких русских людей не думать и во всём стоять в прямом постоянстве».

А ещё войсковой круг постановил: до прихода больших холодов и скорого возвращения из Пермских земель сына-наследника Кучум-хана Алея с отцовским войском срубить на Карачин-острове близ устья Тобола зимовой городок для дружины. Негоже ей и далее пребывать в ханском дворце. Не затем она здесь, чтобы хозяйничать, а чтобы хана Кучума на место поставить.

Сказано – сделано. Уже в конце ноября половина дружины перебралась в тёплые землянки и срубы в устье Тобола. Обустроились в них по-домашнему, друг на друга повнимательней глянули... Боже, исхудали-то как, на себя не похожи стали. Зипуны рваные, заплатка на заплате, обувь износилась, шапчонки повитерлись, запасы, взятые займы в Кергедане у Строгановых, поистожились: ржи – всего несколько мешков, масла и вовсе не осталось. А ведь казаки – народ не бедный. Каждый из них свою долю трофеев на общем сборе получил. Есть на что новую одежду пошить или выменять, а заодно и угоститься на славу.

Но Ермак условие поставил: одевайтесь, утепляйтесь, всем необходимым обзаводитесь, но без гульбы и глупых задирок. А кому силы и удаль молодецкую девать некуда, пусть вступают в промысловую артель. Запасы-то на будущее надо делать? – Надо! Вот и держайте: тайга-то за окном!..

Тут есаул Богдан Брязга слово вставил: татары про чудо-озеро Абалак бают. Рыбы-де там видимо-невидимо, с утра до вечера вёдрами можно черпать. И недалеко: от Кашлыка до Абалака пятнадцать вёрст ходу...

Ермак ему в ответ:

– Тебе Абалак и проведывать, Богдан. Но в оба гляди. Маметкул со своими людьми где-то рядом бродит. Рана, полученная им у Чувашева мыса, зажила. Но он из тех, что пока за неё не отомстит, не успокоится. Не знаю, как ты, а я его дыхание всё время рядом чувствую.

– Ладно, батька, учту, – пообещал есаул. – Не в куклы играем...

Пятого декабря, затемно, со всеми предосторожностями, его отрядец дошагал до озера Абалак. А там уже Маметкул со своими подручными побывал. Людей у него больше, чем у Брязги. Сделали они на берегу крепкую засаду, следы старательно снегом присыпали, да, видать, не везде, как надо. Казаки на подходе это заметили – и не дали себя, как кур, перерезать. Завязалось неравное сражение. Со стычкой у Чувашева мыса его и не сравнить. В том бою больше видимости было, чем напора. А тут ярость против горла встала: грудь на грудь, копьё на копьё, сабля на саблю. У кого больше силы и выдержки? Кто ловчей и удачливей?

То эти верх берут, то другие. То издали бьются, то врукопашную сходятся. Передохнут малость – и опять. Лишь пополудни одному из казаков удалось из этого противостояния выбраться. Кое-как дотащился он до городка близ тобольского устья и крикнул товарищей на помощь. Те пятнадцать вёрст в один присест отмахали и кучумычей в пух и прах разнесли. Глянули вокруг: батушки-светы... Снег всюду взят и кровью раскрашен. В стволах деревьев стрелы, как ежиные иглы, торчат. А по другую сторону кора на стволах пулями изрыта.

Вот вам два боя – у Чувашева мыса и у Абалакского озера. По мнению большинства исследователей, успех похода Ермака и его дружины определила победа на Абалаке. А мне думается, у Чувашева мыса. Почему? Да потому, что она показала: Ермак не с народами Сибири пришёл биться, а с Кучум-ханом и его родичами.

Уже в первом сражении он применил тактику *обманного боя*. Казаки стреляли много, но стремились действовать на расстоянии, сабли в ход не пускали и постоянно давали сибирцам вырваться из окружения. Почувствовав это,

защитники Кашлыка из числа хантов, остяков, вогулов, селькупов тоже стали «драться без охоты».

Зато в полную силу – до последнего вздоха – бились казаки с отрядом Маметкула, подстерёгшего их на Абалаке. Это были хорошо обученные уланы в «крепких доспехах».

А теперь сравним потери того и другого боя. Они приведены в поминальной книге Тобольского архиепископского Синодика, составленного по «сказкам» (расспросам) оставшихся в живых участников тех баталий. Так вот: в сражении «под Чувашею убиенных не бысть» (выходит, только раненые), а «под Обалаком» пали восемь казаков и есаул Богдан Брязга. Погибших в бою положено было поминать «вечной памятью большой». Это высшая награда того времени. Разница, как видим, есть, и существенная. Она и дальше даёт о себе знать.

За три года своего пребывания в Сибири Ермак и его товарищи побывали во многих городках и улусах на Иртыше, Демьянке, Оби, Тоболе, Тавде и других реках; и голодали, и холодали, и в осаде изнурительной чуть не полгода просидели, но *«мнози языцы окрест живущие татаровя, остяки и вогуличи приношаху к ним многие запасы и от ловитв своих от зверей и от птиц и от рыб со всякое довольство изобильно»*.

По-разному встречали их *лучшие люди* (правители) сибирских племён и улусов. Одни в знак верности Московскому государю за неимением царской сабли, как положено по христианскому обряду, целовали казацкую, и вносили в казну «соболий ясак» (царский налог). Другие в знак преданности Кучум-хану или племенным вождям перекрывали пути к своим улусам, «учиняли бои», «хватали казацьи лодки крюками» и «всякие другие нападения учиняли», считая их, по наговору, захватчиками.

Приведу цитату из Кунгурской летописи. Речь в ней идёт о «ясашном походе» одного из ермаковских отрядов на Нижнюю Обь: *«А кои бои и были по дороге на низ пловучи, и тех всех описать трудно подробно: вои (воинов) убитых нет, а раненых каждый бой многащи»*. Уж не о выборочных ли боях здесь идёт речь? Стрельба велась с двух сторон, как у Чувашева мыса, но погибших нет.

А вот одно из хантыйских преданий о Ермаке: «Остяки с Ермаком не воевали. Когда Ермак пришёл, то наш вождь встретился с ним, встали напротив друг друга и поменялись, передавая из рук в руки лук и ружьё: тот нашему ружьё, а наш – лук».

В другом сибирском предании говорится, что один из татарских князей-мергеней Елыгей отдал Ермаку свою красавицу дочь в наложницы, но атаман не принял его дара и другим не велел...

А на реке Тавде Ермака ждал враждебный приём. Вогулы (манси) под началом князья Лабуты устроили на его пути засаду. Но атаман по другой дороге её обошёл и обрушился сзади. В плен попал вогульский есаул Инчихм, но тут же был отпущен вместе с другими пленными. Это произвело большое впечатление на побеждённых. Затем Ермак побывал в святилище Чандырь, общался с его жрецом и шаманами, присутствовал на «великом болванском молении» и проявил такой искренний интерес к быту, верованиям, обрядам, изобразительному искусству местных жителей, что один улус за другим стал

давать «шерть» (клятву) на верность Московскому государству, а Чандырский жрец предсказал Ермаку победу над Кучум-ханом.

«По своей охоте» русское подданство приняли Белогорские ханты, царство которых состояло из двенадцати городков на Оби, а управлял ими «большой» кодский князь Алачей; вогульские князьки Ишбердей и Суклем, владения которых находились в урочище, со всех сторон защищённом непроходимыми Яскалбинскими болотами, и другие предводители сибирских племён.

В 1584 году, когда был пленён самый опытный и высокородный военачальник Кучум-хана Маметкул, Ермак встретил его с почтением, равным его известности, окружил вниманием и заботой, предложил перейти на службу к русскому царю, подлинному властителю Сибири. Маметкул усмехнулся: «Ты не царь, чтобы раздавать должности, Ермак. Ты пока атаман. Не забывай об этом». «Но и слово атамана что-то значит», – ответил Ермак. Год спустя, уже после гибели Ермака, Маметкул был доставлен в Москву, принял православие, стал князем, получил щедрые земельные владения и высокий чин в царском войске.

А казаки, исходившие и «исплававшие с Ермаком чуть не всё Сибирское царство», признавались летописцу Савве Есипову, что ходили по нему «свободными стопами», иными словами, спокойно, уверенно, как по родной земле. А спокойствия в Сибири ещё не было. Его ещё предстояло установить. Но Ермак сделал главное: своей преданностью Отечеству, силой духа и мысли, мужеством и умением родниться с другими народами он «выбил меч из рук завоевателя Кучум-хана». За это и погиб на Вагае, заслужив от народа вечную память.

Похоронен Ермак на Иртыше, ниже устья Вагая, у татарского селения Баишево, рядом с шейхами и сибирскими борцами за ислам. Это было священное для мусульман кладбище, самое почитаемое в Сибири. Так и хочется добавить: *«И нарекоша его богом и погребоша по своему закону»*. А известный сибирский военачальник Аблай-паша вспоминал: *«Егда же был мал и утробю болен и даща мне земли с могилы его (Ермака) пить, здрав явихся до ныне; егда же земли с могилы взято и еду с нею на войну, побиваю; егда же нет земли, тощ возвращаюсь»*.

Имя Ермака было зарукой данному слову и никогда не нарушалось.

С тех прошло много лет. Образ Ермака, нарисованный нашим учителем Виктором Петровичем, врезался в память, открыл нам, старшеклассникам, много нового и поучительного. Как-то вдруг мы осознали, что история не терпит пропусков малых и больших, вольных и невольных. Всё в ней важно и взаимосвязано – начало и конец событий, любовь к Отечеству и его истории, верность делу и долгу, умение жить по законам дружбы и взаимопомощи, веры и единства. Это они окрыляют человека, помогают ему «переплыть» через горы поднебесные, шагать дальше «свободными стопами», силой духа и силой воли увлекая за собою других.

У каждого времени свои краски, своя история, своя правда. Нельзя судить о событиях далёкого прошлого по меркам сего дня. Об этом предупреждал нас ещё Н. М. Карамзин: «Мы должны судить о героях истории по обычаям их времени». И сам не отступал от этого правила.

Возьмём его фразу из «Истории Государства Российского»: «Три купца

(Строгановы) и беглый атаман волжских разбойников (Ермак) дерзнули без царского повеления именем Иоанна (Грозного) завоевать Сибирь». По мнению Карамзина (крупнейший дворянский исторический писатель XVIII века), лишь государь вправе решать для себя и своих подданных вопросы войны и мира. Ибо сказано: каждому – своё; что положено царю, не положено атаману. А Ермак дерзнул мимо Иоанна Грозного войну с ханом Кучумом, потомком Чингизхана, затеять, всевластию московского самодержца народный патриотизм противопоставить. Это ли не вызов царю и сословной России того времени? Это ли не особый тип народного героя?

Вступившись за честь Московского государства, Ермак тем самым и за честь Сибири вступился. Не мог не вступиться. Обещание Иоанна Грозного взять её «под свою высокую царскую руку» он воспринял как обязательство, долг, причём не личный, а государственный. Таков русский человек: если дал слово, на нём хоть терем строй – выдержит!

Особо запомнилось нам предостережение Виктора Петровича – не доверять историческим вымыслам и формальной логике, с помощью которой они чаще всего и делаются. Что такое формальная логика, мы тогда смутно представляли. Вот он популярно и объяснил:

– Это когда доказательства ведутся по формуле: у Петра борода, и у козла борода, значит, Пётр – козёл.

Мы невольно разулыбались:

– С козлом – это интересно. Побольше бы таких формул, и наука на ум быстрой бы шла.

Но Виктор Петрович нахмурился:

– В таком случае вот вам другой пример, строго по теме. Многие и до сих пор думают, что Сибирское ханство было государственным образованием западно-сибирских татар, а Кучум-хан – татарин. Отсюда следовало, что основным их защитником от нападения разбойных казаков под началом атамана Ермака был опять-таки Кучум. На самом деле Кучум – один из заметных на общем историческом фоне потомков Чингисхана по бухарской родословной ветви, иначе говоря, узбек.

Дальше – больше. Захватив Сибирское ханство, принявшее к тому времени подданство Московского государства, Кучум бросил вызов Москве. Иоанн Грозный вынужденно уклонился от войны с ним, а Ермак проявил неожиданную для него инициативу. Создалась сложная ситуация. Она и помешала историкам сразу определить, в чём заключалась главная заслуга Ермака – в «завоевании Сибири», её «присоединении» или всё же в «возвращении» России и «собирации воедино»?

Кем только не довелось быть Ермаку за свою, в общем-то, недолгую, но удивительно яркую жизнь! И простым волжским казаком, и «большим атаманом», и предводителем знаменитой казачьей дружины, и народным заступником, как Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский, выбившие из Москвы польских интервентов, претендующих на русский престол, и выдающимся военачальником из славного ряда полководцев... А разве не под его руководством Сибирь вновь принесла «шерсть» (клятву на верность) Московскому государству и стала собирать «царский яск»? Разве не дипломатические способности Ермака позво-

лили ему подружиться с жителями Сибири, проникнуться их заботами (крайне обедневшее племя татар-туралинцев он, например, освободил от уплаты непосильного для них налога (ясака), проявить живой интерес к их обычаям, верованиям, быту, культуре. Разве не Ермака русский народ несколько веков ставил рядом с былинным Ильёй Муромцем?

«Сибирская одиссея Ермака»

Первую и наиболее достоверную биографию Ермака создал известный ленинградский учёный, доктор исторических наук, автор более 50 книг по русскому средневековью и Смутному времени Руслан Григорьевич Скрынников. Особой популярностью пользуется созданная им серия биографий русских царей и народных героев. В неё вошли «Иван Грозный», «Борис Годунов», «Василий Шуйский», «Три Лжедмитрия», «Михаил Романов», «Минин и Пожарский», «Ермак», «На страже Московских рубежей», «Смутное время» и два оригинальных учебных пособия, посвящённых Руси IX–XVII вв.

По количеству созданных им книг может показаться, что он, скорее, популяризатор отечественной истории, чем её исследователь. На самом же деле Скрынников в первую очередь талантливый исследователь, крупный историограф, сделавший немало открытий в науке, а ещё профессиональный писатель, умеющий живо, доказательно, и, как говорится, «из первых рук», повествовать об исторических событиях.

В 37 лет он защитил докторскую диссертацию «Опричнина Иоанна Грозного». При работе над ней в писцовых книгах Казанского края Скрынников обнаружил сведения о ста без малого княжеских семьях, уже в первый год опричнины отправленных в ссылку – подальше от Москвы. Их состав свидетельствовал, что опале подверглась исключительно княжеская аристократия. Отсюда напрашивался вывод: Иоанн Грозный сокрушал её могущество за «неправды многие» и противодействие его начинаниям.

Не менее сложным и трудоёмким оказалось восстановление синодика (поминального списка) бояр и прочих лиц, казнённых Иоанном Грозным, а незадолго до своей кончины им же помилованных. Более того, Скрынников не только перечислил имена всех (кроме трёх) жертв царя, но и указал места и обстоятельства их гибели. Это помогло ему восстановить опричный архив, утраченный после смерти Иоанна Грозного.

Так вот, изучая политическую и социальную историю Русского государства того времени, Скрынников вышел далеко за её рамки и создал сложный образ противоречивого царя-реформатора, много сделавшего для укрепления России. Следующей его книгой стала история «злосчастливого царя» Бориса Годунова, правление которого, в первые годы на редкость спокойное и успешное, вдруг полыхнуло первой русской Смутой. Вот почему Скрынников писал о нём с искренним сочувствием, заметно смягчая ту оценку, которую давали другие историки:

«Борис Годунов был щедро одарён талантом государственного деятеля.

И всё же ему не удалось предотвратить гражданскую войну... Победа досталась авантюристу, принёсшему России неисчислимые бедствия».

Увлекла Скрынникова и другая тема, требующая серьёзной доработки, – присоединение Сибири к России. В ней оставалось ещё немало пропусков, разночтений, «зыбких первоисточников» и «ходячих рассказов», далёких от действительности. Ей он и посвятил свою следующую монографию. Называлась она «Сибирская экспедиция Ермака», и вышла в 1982 году в сибирском отделении издательства «Книга» под редакцией академика А. П. Окладникова....

Два года спустя, в 1984 году, мне выпала честь познакомиться с Русланом Григорьевичем. Случилось это в Доме творчества Союза писателей СССР «Пицунда» (Абхазия). Он прилетел из Ленинграда с дочерью Лидой, тоненькой яснолицей девочкой лет двенадцати, ещё не тронутой, как и он, южным загаром. Увидев его, я невольно вспомнил моего школьного учителя Виктора Петровича Красикова, благодаря которому много лет назад совершил незабываемый «сибирский поход с дружиной Ермака». Скрынников был тоже среднего роста, сухощавый, узкоплечий, в зелёной дорожной безрукавке. Копна начавших сесть волос рассыпалась на затылке двумя волнистыми прядями. Ему в то время было 53 года, мне на 11 меньше.

– Здравствуйте, Виктор Петрович, – думая о Красикове, поздоровался я с ним и осёкся: – Виноват, оговорился... Здравствуйте, Руслан Григорьевич!

– И вам здравствовать... – доброжелательно оглядел меня Скрынников. – Из каких краёв в столицу солнца пожаловали?

– Из Томска.

– Хороший город, – улыбнулся он. – Университетский. И звание у него памятное: Сибирские Афины. – Затем, непонятно к чему, добавил: – Тогда вы должны знать Тояна Эрмашетова...

– Ну как же, – оттолкнувшись от знакомого каждому томичу имени, подтвердил я, – очень даже знаю. По его челобитию Борис Годунов велел Томск поставить.

– О, да вы к тому же историк, – одобрительно заметил Скрынников.

– Не совсем... Окончил-то я и впрямь историко-филологический, но по диплому числюсь исключительно филологом.

– Значит, сюда... – указал он на здание Дома творчества писателей, – вас занесло попутным филологическим ветром?

– Но сначала помотало на газетных ветрах, – уточнил я. – Зато вы, как я знаю, прирождённый историк.

– Что ж делать? Так вышло, – развёл руками Руслан Григорьевич, и повинился: – Только вы не подумайте, что я вас разыгрываю. Это мои студенты анкету для первокурсников составили: «Знаешь ли ты свой город и себя самого?»... Вот я и решил поупражняться на досуге... Кстати, что за человек Виктор Петрович, с которым вы меня перепутали?

– Замечательный человек! – заверил его я. – Учитель с большой буквы. Фронтвик. Участник Сталинградской битвы. К тому же – гвардии подполковник. Ермаковед.

– В таком случае мы подружмся, – пожал мне руку Скрынников. – Не прощаюсь, – и энергично зашагал дальше.

В тот же день мы обменялись авторскими книгами. Руслан Григорьевич подписал мне ЖЗЛовское издание «Минина и Пожарского», я ему – свои «Рассказы о Томске». Начинались они именем и деянием Тояна Эрмашетова, князя племени эуштинских татар, по примеру правителей Сибирского ханства Едигера и Бекбулата принявших в 1604 году подданство Московского государства...

– А почему вы назвали Виктора Петровича ермаковедом? – поинтересовался Скрынников.

Узнав, почему, он выразил желание послушать, что сохранила моя память от уроков Красикова. Желательно в том порядке и теми же словами, какими он говорил. Ведь у каждого учителя своя манера изложения учебного материала и свой объём информации, а у каждого ученика – свои герои и свои способы запоминания.

– Одним словом, эксперимент, – догадался я. – Ну что ж. С вами это как-то понятней и почётней... Но мне надо хоть немного подготовиться, собраться с мыслями...

– Понимаю и поддерживаю, – кивнул Скрынников.

К моей радости, память меня если и подвела, то меньше, чем я ожидал. Руслан Григорьевич слушал внимательно, где-то бережно подсказывал, где-то поправлял, давая собраться с мыслями. А когда речь зашла о польских источниках, согласно которым летом 1581 года Ермак был не на Урале, а под стенами Могилёва, Скрынников оживился:

– Между прочим, статья историка Шлякова, на которую ссылался ваш Виктор Петрович, опубликована не где-нибудь, а в журнале Министерства народного просвещения ещё царской России. Ныне такое издание – библиографическая редкость. Не знаю, как оно к нему попало, важно, что он нашёл ему достойное применение. Восхищаюсь людьми неожиданного, пусть и непонятного для других, поступка... Того же Шлякова взять. Судя по всему, и он не совсем историк, скорее, любитель с учительским уклоном...

– Почему вы так решили? – не понял я.

– Да потому, что ошибку в датировке он предложил исправить простейшим образом: считать началом похода Ермака 1 сентября следующего, 1582 года. Не потому, что так оно и было, а потому, что так могло быть. Но это не научный подход. Нужны доказательства, а их нет. Этим и воспользовались сторонники той последовательности событий, которая дана в Строгановской и Кунгурской летописях. Чтобы не менять её, они выдвинули не очень оригинальную гипотезу. Согласно ей, существовали два казацких атамана с нередким в ту пору именем Ермак, да ещё Тимофеевич. Один Ермак волжский, другой донской; один вольный, как птица поднебесная, другой на службе у царского правительства; один и впрямь Ермак Тимофеевич, другой – атаман правой руки воеводы донских казаков Василия Янова, того самого, что в списке могилёвского коменданта значится перед именем Ермака. Нехитрый вообще-то приём – запутать, отвлечь внимание коллег... Но он сработал. И осталась нужная науке статья Шлякова в потёмках далёкого прошлого.

– Стало быть, и у историографов не всегда и не всё мирно бывает? – не удержался от шпильки я.

– Ничего удивительного, – усмехнулся Скрынников. – Особенно если спор идёт в разных коллективах и растягивается на десятилетия. Взять статью Шлякова. Я, к примеру, ознакомился с ней лишь через 75 лет после её публикации. И, откровенно говоря, чертыхнулся на тех «стариков», которые всё это время вид делали, что её как бы и нет. Сколько драгоценного времени из-за их самолюбия упущено! Неужели никому из них не пришло в голову, что гораздо легче уточнить, где в 1581 году были Иван Кольцо, Микита Пан, Савва Болдыря и другие ближайшие сподвижники Ермака? – На Самарском перевозе ногайцев вместе с Василием Пелепелицыным громили, вот где! Простые люди, казаки тогда не по календарю жили, а по таким вот памятным событиям. Их и надо было искать – в Синодике, в «Повести о Сибирском взятии», в разного рода правительственных документах...

Я так и сделал. Для начала собрал все даты, которые удалось найти в разных источниках, сравнил их, стал выстраивать хронологию похода с первых шагов после перемирия Москвы с Речью Посполитой, заново исследовать совокупность различных источников. Противоречивые или просто неточные сведения сами собой из общего ряда выпали, а их место заняли ранее не известные данные. Вот с чего я работу над монографией начал. Спасибо Шлякову, это он мне своим могилёвским списком ключ к передатировке «Ермакова хождения» помог найти, – голос Скрынникова благодарно дрогнул: – Но мы, кажется, отвлеклись?

– Вот и хорошо, – признался я. – С тематическими отступлениями и разговор живее...

Скрынников согласно промолчал.

В следующий раз он подключился к моему пересказу, когда речь зашла о том, что кроме уже известных летописей, по мнению ряда учёных, остаётся не найденным пока «архив Ермака».

– А по-моему, он уже найден, – улыбнулся Скрынников. – Причём довольно просто. У каждой летописи есть свой автор-составитель. От того, кем он был в жизни, во многом зависит достоверность его хроники. Вот, скажем, главный архиепископский дьяк Савва Есипов, записавший «сказы» (воспоминания) ветеранов «Ермакова взятия». Это, скорее всего, добросовестный исполнитель порученного ему тобольским архиепископом дела. А поручено ему было воспеть подвиг Ермака и его дружины «во имя христианизации языческой Сибири». Что касается Строгановской летописи, то она восславляет прежде всего роль в походе Ермака Торгового дома купцов и солепромышленников Строгановых. Вот я и стал приглядываться к Погодинской летописи...

И что же? Чувствую: в основу её положена летопись Саввы Есипова, но с изрядным количеством вставок, взятых из других источников. И больше всего таких вставок сделано с осени 1583 года, когда в Москву прибыл отряд сеунчиков (сеунч – весть о победе) под началом казака Черкаса Александра. Он доставил Иоанну Грозному донесение Ермака о взятии Сибири и первый её ясак в царскую казну.

В Есиповской летописи процитированы лишь несколько слов из этого донесения: «царя Кучума и с вои (с воинами) его победиша». А в Погодинской летописи приведена вся фраза: «сибирского царя Кучума и с его детми с Алеем да

с Алтынаем да с Бишымом и с вои его победиша и брата царя Кучума царевича Маметкула разбиша ж»...

И таких вставок в Погодинской летописи оказалось немало. Большинство из них взяты из документов, составленных в Посольском приказе, ведавшем тогда и сибирскими делами. А поскольку интерес к Ермаку и его дружине у москвичей был тогда огромный, то именно Черкас Александров и 25 его спутников и стали главными информаторами о том, с чего начался поход Ермака и как он развивался в минувшие годы. А встречались они не только с приказными сидельцами, но и с монахами Чудова монастыря, где сделали поименные вклады в его казну отборными соболями, а своего прямого начальника, молодого казака Черкаса Александрова, самого, кстати, щедрого из них, величали не иначе как сибирским атаманом Черкасом. (Вот и в Погодинскую летопись он вошёл то как казак, то как атаман.) На основании свидетельств «сеунщиков» в Посольском приказе был сделан посольский отчёт о состоянии дел в «государевых сибирских землях», и вновь они кусочками вошли в Погодинскую летопись.

– А главное, – подчеркнул Скрынников, – в ней чувствовался слог деловых бумаг – грамот, отписок, расспросов, отчётов; весьма подробно был расписан путь через Камень в Сибирскую землю – с указанием, казалось бы, мелочей (по течению или против течения надо плыть, налево или направо сворачивать)... Складывалось впечатление, что автор Погодинской летописи – человек довольно осведомлённый в делах царского двора, с довольно широким кругозором. Он знал, например, второе имя «владыки вселенной» Чингизхана, которое мало кто знает – Темир Аксак... В то же время у него не было речевых повторов и штампов, характерных для большинства летописей.

Вновь и вновь перечитывая труд этого безвестного книжника, я пришёл к выводу, что он был вхож в Посольский приказ, а возможно, и служил там. Это позволило ему – пусть и частично! – воссоздать в Погодинской летописи утраченный «архив» Ермака. Читателю и исследователю она даёт верные ориентиры. Ныне эта летопись хранится в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в С.-Петербурге.

Пользуясь случаем, я спросил Скрынникова, почему летопись, найденная Семёном Ульяновичем Ремезовым в Кунгуре, называется «краткой»? Только потому, что она переписана его рукой?

– Были, вероятно, и другие причины, – ответил Скрынников. – Мне кажется, Ремезов хотел, чтобы она воспринималась как набросок к его «Истории Сибирской». Об этом говорит прежде всего время написания летописи. Ремезов побывал в Кунгуре через 119 лет после Ермака, уже при Петре Первом. К этому времени он исходил «Ермакову Сибирь» вдоль и поперёк, составил свою знаменитую «Чертёжную книгу», в которой нарисованы все сибирские реки, озёра, населённые пункты, урочища, собрал «сказы» казаков и татарские предания, притчи о «подвигах» ермаковцев, описание ясажного похода вниз по Иртышу... Всё это так или иначе вошло в Кунгурскую летопись, но уже не глазами стороннего летописца, а скорее, зорким и творчески активным взглядом писателя. Подход его к историческому материалу за минувшее столетие с лишком, надо думать, изменился. Вот он и решил улучшить текст: ошибочные

сведения убрать, вновь выявленные включить. А убрал он данные о численности дружины, времени её перехода из одного урочища в другое, маршруте и населённых пунктах, где она побывала, но при этом более детально, с именами хантыйских и остяцких князьков, расписал ясашный поход. Мне кажется, «краткой» Кунгурская летопись названа потому, что Ремезов вложил её в свою «Историю Сибирскую» – как более краткое и более современное изложение. Вот и я придерживаюсь той точки зрения, что это литературное приложение к главному труду Ремезова. Его писательские способности хороши с эмоциональной, повествовательной стороны, но именно они затрудняют работу исследователя. Для учёного, как показывает опыт, важны более ранние источники, не испытывавшие на себе влияния художественного творчества...

Мы ещё долго беседовали, позабыв о времени, но влажный зной Пицунды напомнил нам о себе.

– По-моему пора охладить горячие головы, – предложил Скрынников, – а то мы само море проговорим. Время пообщаться ещё будет.

И мы отправились купаться, благо, море от жилого корпуса Дома творчества отделяла лишь стена камышовых зарослей, похожих на бамбук. Там на деревянном мостике Скрынникова терпеливо поджидала Лида.

Море было удивительно тихое, парное, затянутое вдоль берега вязким слоем медуз.

– Осторожно! – пошутил я. – После Невы и Балтийского взморья здесь и обжечься недолго.

– Ничего, – весело хлопнул ладонью по воде Скрынников. – Я привычный. Родился-то я в Кутаиси, душой прикипел к Ленинграду, но погреться в родные края тянет... Специфика!

...Разговор мы продолжили лишь через день; так вышло.

– Спасибо за Ермака, – задним числом поблагодарил меня Скрынников и пожал руку. – Очень интересный разговор получился. Ваш Виктор Петрович уникальный педагог. Слушал ваш пересказ и поражался, как точно он выстроил урок, как умело поделил его на тематические узлы, как естественно переходил от одного к другому, скрепляя в неразрывную цепочку. И речь у него, как я понял, нестандартная, и комментарии содержательные. Но главное – его убеждённость: Ермак – герой на все времена. Вам и вашему городу очень повезло – иметь такого педагога.

– Это уж точно, – в тон ему подтвердил я. – Мы после того рассказа о Ермаке и по истории, и по географии за ум взяли. Я даже стихи под настроение написал.

– Ну-ка? ну-ка? – оживился Скрынников. – Хочется в исполнении автора послушать.

Отнекиваться я не стал: сам напросился, самому и расхлёбывать.

– «Урок географии» – объявил название своего сочинения я и стал читать:

*Свой предмет уроком биографии
называл учитель географии.
Чувствуя, что понят не вполне,
Всё забыв, пускался в объяснения:*

– Био – это к жизни отношение.
 Гео – отношение к земле.
 Графия – рисунок, описание...
 Изучайте карту мироздания.
 Не даётся сходу? Ну и пусть...
 Я, к примеру, понял в сорок пятом,
 Как к земле, как к жизни отношусь.
 Двадцать три мне было в День Победы...
 Впрочем, я сегодня не об этом.
 Я хотел сегодня о другом...

Свой предмет уроком биографии
 Называл учитель географии.
 Землю – домом... Я люблю свой дом.
 Он один на всех. На человечество...
 Есть у сердца лишь одно Отечество.
 И, ступая на его порог,
 Я смотрю вокруг, запоминая...
 А вокруг клокочет жизнь земная,
 Продолжая вечный свой урок.

– Всё правильно, – одобрительно кивнул Скрынников. – Не удивлюсь, если и стихи о Ермаке у вас есть.

– О Ермаке нет, – смутился я. – Не дорос ещё.

– Не расстраивайтесь. До поры до времени это простительно. А если со стихами не получится, прозой наверстаете... – и переключился на другое: – Так, говорите, лейтенант Забелин погиб?

– Его письмо Виктору Петровичу переслали с пометкой: погиб смертью храбрых в боях за село Каренац на Дунайском плацдарме. А сам Виктор Петрович после Кременчугского госпиталя свою гвардейскую Сталинградскую дивизию как раз на правом берегу Дуная догнал. В тех боях она ещё и гвардейской Дунайской стала, а он – помощником начальника разведки. Тогда и орден Красного Знамени получил, и новое ранение... А после Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию освобождал. День Победы встретил в Австрии. И всё это в 23 года! Можете себе представить, как мы им гордились, как завидовали, особенно после того палаточного лагеря...

– Могу! – подтвердил Скрынников. – И как же вы решили отличиться?

– Не отличиться, – уточнил я, – а отметить День памяти Ермака... Второй сезон в нашем лагере кончился в конце июля, а Ермак погиб 5 августа. Вот и задумали мы проплыть в этот день по Ульбе через весь город до Перекопи на Иртыше. Наша Перекопь чисто условная. На том месте, где она находится, и впрямь была прорыта канава, похожая на волок. Она и стала нашим заключительным ориентиром.

– А начали заплыв где?

– Ну как бы это объяснить... – замылся я. – В то время у нас в Усть-Каме-ногорске престижным считалось прыгать с коммунального моста, само собой,

вниз головой, а не по-барски – ногами вниз... Мост старый, дно под ним битым камнем в арматурных сетках уложено. Бдительная милиция самых заядлых прыгунов для их же пользы регулярно вылавливала...

А стартовать мы решили с берега у коммунального моста, чтобы не сказали потом, что побоялись огласки. Но тут случай помог. Береговая разведка донесла, что охраны на месте не видно. Мы, недолго думая, забрались за ограждение среднего пролёта и, как горох, посыпались с моста – кто вниз головой, кто ба-рином-солдатиком. Говорят, эффектно получилось.

Через городплыли гордо и сноровисто. Но скоро уставать стали. Ульба – река холодная и своенравная, чуть расслабишься, на середину течением снесёт. А Иртыш рядом. Не видно его, но ощущение такое, будто подводный еле слыш-ный гул на тебя надвигается. Вот и стали мы к берегу прижиматься, искать полосу не затронутой течением воды.

На Иртыше и вовсе из сил выбились. Воды нахлебались вдосталь. Вовке Ры-жикову дважды ногу судорогой сводило. У кого ссадина, у кого кровь из носу. Но в целом благополучно до Перекопи добрались. А там уже ребята из нашей команды: на велосипедах одежду привезли...

Осталось самое главное – Ермаку и погибшим с ним казакам свечи поста-вить. В поминальной книге XVII века, по словам нашего Виктора Петровича, указаны Яков, Роман, два Петра, Михаил и Иван. Всем им положена «вечная память большая и возглас большой». Что мы и сделали. А в песне Рылеева «Смерть Ермака» две строчки изменили. Вместо «И пала грозная в боях...» спели:

*И будут жить теперь в веках
Ермак и вся его дружина.*

Спасибо, Вик-Пет нам объяснил, что при внезапном нападении ордынцев казаки Ермака не потому к стругам бросились, что за себя испугались, а пото-му, что в бою так положено: продолжая сражение, ускользнуть от неприятеля. Атаман в таком случае с поля боя уходит последним. Или навсегда остаётся на нём. Так случилось и на этот раз...

– И какие последствия были у вашей инициативы? – спросил Скрынников.

– С каждым из нас разбирались отдельно. Сначала дело разгонисто шло, по-том о Вик-Пета споткнулось. С ним очень-то не поспоришь. К тому же гвар-деец, Сталинград защищал... Помню, представительница гороно волю своим чувствам дала: дескать, если бы каждого героя из учебника так оригинально отмечать, у нас все только бы и делали, что с вышек прыгали... «Или отлично учились», – отсутствующим голосом подсказал ей Виктор Петрович. Тут все её коллеги по строгой комиссии поневоле разулыбались. В конце концов огласке наш заплыв решили не предавать, а нас оштрафовать – посредством родителей – за нарушение порядка в общественном месте. Чтобы другим неповадно было.

– Мудрое решение, – похвалил Скрынников, – а Виктору Петровичу надо было бы «Благодарственное письмо» вручить. Подумать только, ведь это пер-вый известный мне случай, когда под влиянием учителя, но по собственной инициативе школьники Ермака почтили!

– Это ещё не всё, – досказал я. – Как потом мы узнали, в дни, когда шло это

разбирательство, из Алма-Аты пришли документы на присвоение Красикову Виктору Петровичу звания «Отличник народного просвещения Каз. ССР». А чуть позже его директором нашей школы назначили.

– Значит, заслужил, – порадовался за него Скрынников. – Кстати, хочу уточнить: рассказывая про обманый или выборочный бой, ссылаясь ли Красиков на конкретные источники? Очень уж смелое предположение...

– Конечно, ссылаясь. И не раз. Разве не об этом говорят малые потери с обеих сторон в сражении у Чувашева мыса и в других, более мелких стычках? Я уж не говорю о законах степей или таёжного Севера. В каждой книге о природе, о древних землянах и междоусобных расправах их можно в достатке найти.

– Но ни в одной из них, – возразил Скрынников, – я не встречал обманного боя, согласованного обеими сторонами. Речь в книгах идёт о бое, обманном в прямом значении этого слова. А вдруг мы имеем дело с преувеличением, вызванным подростковой фантазией или склонностью всё перестраивать на свой лад? Виктор Петрович вырос в детском доме, а там на первом месте, как правило, приключенческая литература – про индейцев, папуасов, о северных народностях... Ребята так к сотворчеству тянутся, что могут потерять грань между реальностью и собственными домыслами. Как это было у Семёна Ремезова при написании краткой Кунгурской летописи. То, что хорошо для литературного произведения, не всегда желательно в исторической летописи.

– Не спорю, Руслан Григорьевич. Вам, как исследователю, видней. Но я в подростковом возрасте тоже книгами про индейцев, папуасов и других детей природы, можно сказать, обчитался. И не жалею об этом. Они большой заряд душе и знаниям дают. И не только я, многие убеждены, что между Ермаком и коренными народами Сибири существовал негласный договор о ненападении. И звучал он примерно так: «Добром пришёл – добром встречен». Это как «Добром иду – добром встречайте». С одной стороны приветствие, с другой – пароль. Я и у Распутина спросил: «Как по-твоему, Валентин Григорьевич, можно считать это конкретным источником?». Он ответил: «А почему бы и нет?».

– За конкретный источник спасибо, – кивнул Скрынников. – Но я не совсем понял: вы с Распутиным *на ты*?

– Не то чтобы *на ты*... – стал оправдываться я. – Мы ведь как познакомились? Год назад он мой очерк о Томске в газете «Советская культура» прочёл. И захотелось ему сказать мне спасибо. Ну и написал, что теперь любое слово о Сибири, о сибирских городах и сёлах очень нужно, а у меня не любое... Вот такой человек!.. А ещё он написал: «...надеюсь, ты не в обиде, что пишу на «ты», о чём в свою сторону и тебя прошу»... А я моложе его на пять лет. Ну и как тут быть? Отказываться?

– Поздравляю, – протянул мне руку Скрынников. – Считайте это знаком почёта. А меня за пристрастный вопрос извините. И вернёмся к прерванному разговору.

– Нынче Распутин книгу очерков и рассказов о Сибири писать задумал, – повеселел я, – а Томск – один из первых сибирских городов. Вот и выпало мне Томск исторический ему показывать. К тому времени в Новосибирске вышла ваша монография о сибирской экспедиции Ермака с предисловием Окладникова. Мы с Распутиным и в неё, и в сибирские летописи успели заглянуть. Очень

ему понравилось, как сдержанно, но чётко вы по тем историкам прошли, которые чем больше «разгадывают истину», тем больше её запутывают. Ведь ни одна историческая личность столько споров среди учёных и государственных мужей не вызывала, сколько Ермак. Зато никто так не любил его и не восхищался им, как простой разнонациональный народ!

– Святые слова, – согласился Скрынников. – Но сделать это не так просто. Дело ведь не только в рабочих ошибках учёных, но и в их позициях, а они нередко выходят за пределы науки...

– А ещё мы с Распутиным говорили о том, что Ермак – это тот национальный герой, к которому школа и вузы ныне в своей общественной жизни, к сожалению, практически не обращаются. Не так давно встречался я со старшеклассниками одной из томских школ, завёл разговор о Ермаке и ахнул: знают они о нём с пятого на десятое. Спрашиваю: а Верещагина из кинофильма «Белое солнце пустыни» помните? Разом встрепенулись: Верещагина помнят! И то, как он (артист Луспекаев) контрабандистов за борт богатырски бросал. Его знаменитые слова «За державу обидно!». И сразу тишина в классе: «А разве Ермак за державу сражался?» – спрашивают. Пришлось рассказать, как он Сибирь Московскому государству вернул... Ребята просят ещё пример из какого-нибудь фильма привести. Ладно. Привожу. Знаменитый путешественник, исследователь Дальнего Востока Владимир Клавдиевич Арсеньев и его проводник, охотник-гольд Дерсу Узала, для которого огонь, птица, зверь – всё человек. Их связывала чистая, бескорыстная, полная веры, преданности и сердечной заботы дружба. Именно такая дружба с коренными народами Сибири и помогла Ермаку развернуть её в сторону Московского государства.

Я даже размечтался: а что если для начала провести открытый урок по Ермаку хотя бы в нескольких сибирских школах, скажем, в Тобольске, Тюмени, Сургуте, Томске, Енисейске, Красноярске... Под девизом: «Представить сегодня Советский Союз без Сибири так же невозможно, как Советский Союз и Сибирь без Ермака».

– И как отнёсся к вашей идее Распутин?

– Одобрил, конечно. А вы, Руслан Григорьевич, что скажете?

Я настроился изложить ему суть идеи, пришедшей мне в голову ещё в то время, когда я работал редактором Томской областной газеты «Молодой ленинец». В те годы подобные мероприятия не казались сложными. Я мог рассчитывать не только на свой опыт, но и на поддержку школьных организаций, обкома комсомола, отделов народного образования, журналистов из других городов. Но идей было слишком много, а времени на всё не хватало. Вот и ушёл я из газеты «на вольные литературные хлеба», так и не осуществив свою давнюю мечту. Знакомство со Скрынниковым всколыхнуло меня.

– Идея замечательная! – одобрил и он. – Я – с вами! Скажу больше. Ваш учитель Виктор Петрович и его урок – это готовый сюжет для рассказа. Или повести. Не удастся организовать открытый урок в школах – не огорчайтесь. Вам есть чем его заменить. А мне после нашего разговора захотелось вернуться к книге о Ермаке и написать её заново, более художественно.

...Два года спустя я получил от Руслана Григорьевича небольшое письмо. В нём говорилось:

Дорогой Сергей Алексеевич!

В Новосибирске вышла моя книга о присоединении Сибири – второе издание, сугубо учёная и скучная («Сибирская экспедиция Ермака» – С. 3.). Параллельно я написал художественную книгу «Сибирская одиссея Ермака»: результаты исследования, облечённые в занимательную художественную форму. Будьте добры узнать в Вашем томском издательстве, не возьмут ли они мою рукопись, 15 п. л. Для издательства: сибирская тематика, сибирский герой и более того – наш национальный русский герой. Фактически это будет первая достоверная биография Ермака.

18/XI – 86 г. Р. Скрынников

В издательствах страны перестройка началась раньше, чем в партийных и советских органах. Они стали «делать бизнес», выпуская на резко вздорожавшей бумаге вместо книг региональных и российских писателей «актуальную», зарубежную, детективную и другую пользующуюся повышенным спросом литературу. По этой причине места для книги Руслана Скрынникова «Сибирская одиссея Ермака» в тематическом плане Томского книжного издательства на ближайшие годы не нашлось. В Москве и Ленинграде рукопись автору тоже вернули. Ермак вдруг стал «устаревшим» героем.

И всё-таки справедливость восторжествовала. В октябре 2008 года «Сибирская одиссея Ермака» была опубликована в Электронной библиотеке ЛИТ МИР. А в 2009 издательство «Молодая гвардия» выпустило книгу Руслана Скрынникова «Ермак» в любимой серии «ЖЗЛ». Посмертно. Я воспринимаю её как завещание писателя идущей следом молодёжи.

Обелиск на Чукмане

В 1782 году, впервые за двести минувших лет, Россия отметила одно из ключевых событий в своей истории – вхождение Сибири в Государство Московское. Могла не отметить и на этот раз, как случалось прежде, если бы по велению правившей в ту пору Екатерины II (Великой) в «царствующем граде Сибири Тобольске» по соседству с его белокаменным кремлём на Троицкой горе не развернулось строительство Дворца Наместника, иными словами, торгово-промышленного управления Сибирской губернии.

Его торжественное открытие с приглашением высоких гостей из других губерний и «лезущих вперёд» зарубежных стран, по замыслу императрицы, должно было показать, как велика, богата, миролюбива Россия, как сильна она единством входящих в неё языков и народов.

Стоило нерасторопным советникам Екатерины заглянуть в архивы, нужный пример тотчас нашёлся. И относился он ко времени не слишком далёкому, но и не слишком близкому, а именно к тому, что требовалось.

Спрашивается: разве не Ермак и его дружина числом в пятьсот сорок человек сделала первый шаг за Каменный Пояс (Урал), чтобы освободить от ига Кучум-хана вероломно захваченную им Сибирь? Разве не его последователи двинулись дальше и на одном дыхании (всего за 57 лет) дошли до берегов Тихого

океана, а затем повернули назад, присоединяя к Руси-заступнице, Руси-освободительнице, Руси-собирательнице всё новые и новые земли, пока не превратили её в великую европейско-азиатскую державу по имени Россия? Разве не Сибирь стала снабжать её дорогими мехами, красной рыбой, золотом-серебром и другими бесценными богатствами? И разве не с такого наместничества, как нынче в Тобольске, начинал когда-то Ермак в Сибири? Три года управлял он ею, подводя «под высокую царскую руку» Иоанна Грозного местные народы, сдруживал их, собирал в российскую казну ясак (налог), подтверждавший подданство Российскому государству и участие в её хозяйственных расходах.

Приурочить открытие Дворца Наместника к полузабытому юбилею «Ермаковой Сибири» (так его называли в народе) труда не составило...

И случилось чудо. Люди разных языков, верований и занятий вдруг вспомнили легендарного атамана, да так ясно и подробно вспомнили, будто лично с ним были знакомы.

Взять мальчишек из Нижнего города. Разбившись на отряды Ермака и Кучума, словно острыми саблями, они теснили друг друга к берегу Иртыша ивовыми прутьями – и там победно сбрасывали неприятеля в воду. В таких схватках главное – убедить себя, что и они, подобно казакам ермаковой дружины, не льком шиты и готовы постоять за русскую землю.

А в театральных кругах Тобольска так и вовсе праздник наступил. Сразу два небезызвестных автора исторические драмы о сибирском походе Ермака не в Санкт-Петербург, Омск или Москву, где уже были свои публичные театры, представили, а в отстающий от них по этой части Тобольск. Правда, и в Тобольске спектакли в домах знатных горожан уже ставились, но весьма редко.

Один из авторов этих сочинений П. Казанский зарекомендовал себя как автор развлекательных, комедийно-назидательных пьес для небольших частных театров и балаганов Ирбитской, Енисейской и других главных на Сибири ярмарок. Драма его называлась «За Каменный Пояс» и повествовала о справедливых разбойниках, ставших в силу обстоятельств слугами царя. В ней было много удачных сцен, но ещё больше неудачных.

Гораздо интересней оказалась драма «Ермак» дьякона Софийского собора Ивана Федоровского. Вырос он в семье дворового человека Тобольской архиерейской школы, где в начале XVIII века возник первый в Сибири церковный театр. Актёрами в нём были учителя и ученики архиерейской школы и младшее духовенство. А спектакли по произведениям Симеона Полоцкого, Феофана Прокоповича и других видных духовных деятелей того времени они ставили на открытой площадке у архиерейского дома на Чукманском бугре, неподалёку от тобольского кремля. Там-то вольным зрителем Федоровский-младший и выучился сценическому и актёрскому искусству. Сам он был невидным, хлипким на вид человечешкой, но голос имел густой, басовитый. На людях дьякон появлялся редко. До поры до времени мало кто его знал. И вдруг все узнали – и стар, и млад. И зауважали – как «провозвестника» идущего им навстречу из глубины времён Ермака со своей дружиной...

В такой вот обстановке сам собой возник замысел: поставить Ермаку памятник в Тобольске. Где же ещё? Здесь навсегда остались его корни.

Замысел упал на благодатную почву. Нашлись охотники взять на себя это

сложное, хлопотное дело. Но едва начались сборы пожертвований, из С.-Петербурга в Тобольск прибыл доверенный человек Екатерины II. При личной беседе с излишне самостоятельными тобольскими благотворителями он сказал:

– Императрице видней, кого, за что, как именно следует награждать её подданных. – И ласково попросил: – Не лишайте её такого удовольствия.

Эти слова станут понятны, если вспомнить, что уже на следующий день после вступления Екатерины II на престол (октябрь 1762) Сенат поручил Академии наук подготовить проект памятника императрице. (Свой вариант представил тогда и М. В. Ломоносов). Однако через год, узнав о таком для неё подарке, Екатерина запретила столь «чрезмерное внимание к своей особе», но повелела при этом увековечить Петра I. В Москву был приглашён французский скульптор Фальконе, талантом которого и сотворён знаменитый «Медный всадник» в С.-Петербурге.

Зато при Екатерине II в России расцвело искусство усадебных памятников. Посвящено оно было, как правило, царским особам, посетившим имение того или иного сановника, владельца усадьбы, его родственников или благотворителей. Основная масса таких памятников сосредоточилась в окрестностях С.-Петербурга (Царское Село, Павловск), возле Москвы (Архангельское, Кузьминки, Остафьево), вблизи Киева, Полтавы и других царских резиденций. На первом месте среди гостей имена фаворитов Екатерины II – Орлова, Потёмкина, прославленного полководца Суворова, героев Крымского, Чесменского и других сражений... Но эти памятники стали известными прежде всего потому, что здесь гостили люди высшего света. Атаман Ермак к их числу явно не относился, а потому в число избранных не попал. Народным героям в ту пору монументов ещё не ставили.

Но вернёмся к Дворцу Наместника. Его открытие прошло ярко и показательно. Жаль вот только, что сама Екатерина II и некоторые из именитых гостей не смогли на нём поприсутствовать. Зато каким проникновенным молебном собравшиеся почтили Ермака и его дружину, как душевно провозгласили им *Вечную Память*...

Годом позже в Тобольске была поставлена драма Ивана Федоровского «Ермак» – первая в Сибири. Она пользовалась успехом, и не малым...

А пятьдесят лет спустя, к 250-летию «Ермаковой Сибири», Николай I лично повелел *«поставить в Тобольске памятник Ермаку, подвиги которого открыли первый путь к обогащению, извлекаемому ныне из Сибири»*.

Однако и на этот раз соорудить его решено было на деньги, собранные подписными листами – у купцов, промышленников, торговых людей. Не покупались на святое дело Строгановы, Демидовы, Голицыны и другие богатейшие люди России. Ещё 41 тысячу рублей серебром к «всемирному сбору» добавил сам император Николай I – с пометкой: *«для удовлетворения окончательных потребностей по сооружению памятника»*.

В то время особым авторитетом в академических кругах С.-Петербурга пользовались братья Брюлловы. Старший из них, Александр Павлович, был признанным рисовальщиком, акварелистом, литографом, портретистом, одним из ярких представителей русского классицизма, построившим ряд зданий

в Петербурге, к тому же профессор архитектуры. Он-то и взялся спроектировать обелиск Ермаку в виде остроугольной колонны из светло-серого мрамора, на высоком постаменте, общей высотой 16 метров. Подходящая плита была тут же найдена и отправлена для обработки на Горноштитский мраморный завод неподалёку от Екатеринбурга.

Что касается Брюллова-младшего, Карла Павловича, знаменитого художника-живописца (его мы знаем по классическим полотнам «Вирсавия», «Последний день Помпеи», «Всадница»...), мастера гравюры, то он получил не менее ответственное задание. Руководство Российской Императорской академии художеств озаботилось тем, что до сих пор среди материалов по отечественной истории нет «достоверного изображения» Ермака, зато широкое хождение получили «портрет какого-то неизвестного рыцаря» с именем атамана и другие «незнаемые лица». У самого Ермака не было времени думать, каким его будут представлять потомки, да и художника у него в дружине не имелось. Вот и решено было поручить Карлу Брюллову создать обобщённый портрет атамана, на который бы равнялись как опытные живописцы, так и начинающие рисовальщики, скульпторы, резчики, лубочники, вышивальщики и прочие народные умельцы. А придерживаться в работе ему следовало описаний и «рисунков в Ремезовской, Тобольской или сибирской летописи, в которой Ермак два раза представлен во всеоружии своем», равно как и «драгоценных памятников Московской оружейной палаты...».

В декабрьские морозы 1835 года в Тобольск прибыла мраморная колонна (пока ещё в разобранном виде), посвящённая Ермаку. Весила она 192 тонны. Для доставки её пришлось соорудить санный поезд и запрячь в него 400 лошадей. Встречать необычный обоз вышел весь город. Мужики снимали шапки, низко кланялись начальству и друг другу: «Господи, событие-то какое! Накопец-то...».

Поначалу обелиск решено было поставить на Плац-Параде тобольского кремля. А то ведь непонятно получается: Плац-Парад у города есть, а монумент, от которого лучше всего начинать парады и праздничные шествия, отсутствует...

Но пошли шёпоты: «А по чину ли будет обелиском казацкому атаману государевы парады открывать?». И вмиг разговоры о Плац-Параде прекратились, будто их и не было. Стали обсуждаться другие подходящие места – такие, как Панин бугор, а то ещё и посад нижнего города... Но тоже безуспешно.

В начале июня 1837 года Тобольск посетил «первородный сын императора Николая I», цесаревич Александр II (в отечественную историю он войдёт как «царь-освободитель»). При его отце в России было установлено около ста памятников. Не удивительно, что к обелиску Ермака цесаревич отнёсся с повышенным вниманием и тут же выразил желание осмотреть подходящие для этого площадки.

Плац-Парад ничем его не заинтересовал, зато пленил расположенный в нагорной части Тобольска мыс Чукман, что означает «высокое место», «бугор». Чувашев мыс, возле которого Ермак одержал решающую победу над войском Кучум-хана, расположен по другую сторону Троицкой горы. С Чукмана его не видно, зато хорошо просматривается нижний город с его «семиречьем», уходя-

щее за край земли Заиртышье и Московская дорога на протяжении нескольких вёрст. Более того, здесь, на Чукмане, сходятся Никольский и Казачий взвозы. Место тихое, напитанное историей, способствующее раздумьям о судьбах России, Сибири и её народов.

– Значит, здесь ермакову памятнику и стоять! – высказал своё веское мнение цесаревич.

Но оказалось, обстоятельства к этому не располагали. Полвека назад в Тобольске случился большой пожар. Более тысячи «обывательских» (жилых) домов выгорело, а вместе с ними 14 церквей, архиерейский дом и духовная семинария с многочисленными службами... Архиерейский дом, издавна имевший «на бугре Чукман» часть своих владений, перебрался туда, а рядом решил «возродить» духовную семинарию. Синод выделил на это 20000 рублей. Строительство каменного здания семинарии началось... Однако вскоре после этого тобольскую кафедру возглавил другой архиепископ. Он посчитал, что доставлять воду в бочках-сороковках на мыс высотой в 33 сажени (около 800 метров) для епархиальной казны слишком расточительно, следует поискать более близкое к реке место. Воспользовавшись этим, губернские власти намерились выкупить Чукман у епархиального ведомства, чтобы установить там «Ермакову колонну», но их не устроила цена купчей крепости, равная сумме, внесённой Синодом на строительство духовной семинарии.

Вникнув в создавшееся положение, цесаревич упрямо повторил:

– Иного места для памятника лично я не вижу. Но, думаю, не стоило бы святым отцам забывать, что значит Ермак для России и православия. Разве не он открыл ему путь в Сибирь?..

Уже после отъезда цесаревича из Тобольска по предложению архиепископа Амвросия сумма купчей крепости была снижена до 2000 серебром. Вопрос был решён окончательно.

Открытие обелиска Ермаку состоялось 23 августа 1839 года. В полдень, когда на колокольне Софийского Успенского кафедрального собора ударил большой колокол и начался благовест, во храм (специально из Омска) прибыл генерал-губернатор Западной Сибири Пётр Дмитриевич Горчаков. Его сопровождали тобольский гражданский губернатор Иван Дмитриевич Талызин, ректор тобольской духовной семинарии Евфимий, другие чиновники и священнослужители, а также воины Сибирского линейного полка, купцы и мещане.

Благовест со звоном в Успенском соборе дружно подхватили приходские церкви. И началось шествие к обелиску. Певчие впереди несли соборные хоругви. За ними по двое в ряд следовали певчие в облачении приходских церквей, затем дьяконы, хор певчих, священники с Евангелием и иконами. Но вот в этот ряд встроились генерал-губернатор и губернатор, члены казённой палаты и суда, губернского правления и прочих присутственных мест, а следом воины Сибирского линейного полка.

Возле церкви святителя и чудотворца Николая архимандрит Евфимий под молебен ко Господу окропил знамя Сибирского линейного полка. И тотчас с обелиска Ермаку на Чукмане шумно обрушилось белое покрывало, и собравшиеся спозаранку горожане получили наконец возможность в подробностях рассмотреть устремлённую ввысь, по-воински скромную мраморную пирами-

ду. Её украшали лишь вырезанные на залитых солнечным светом гранях пальмовые ветви, венки на постаменте с датами похода Ермака – увы! неточные – и надпись: «Покорителю Сибири Ермаку».

На Чукмане в это время ступить было некуда, так много на нём собралось горожан. Подножие монумента сплошь было усыпано цветами. С чугунных столбиков оградки свисала парадная цепь, очерчивая круг, за который вообще-то не следовало заступать, но многие по-свойски заступали. Внутри в почётном карауле замерли солдаты всё того же Сибирского линейного полка.

И тут «трижды по трижды», как положено, собравшиеся грянули «вечную память» Ермаку. И зазвучали «самодельные», а потому по-особому берущие за душу речи в его честь и память.

От полноты чувств народ дружно прослезился, а кто-то и обниматься стал. А в тесный коридор между «публикой» и обелиском, под звуки марша, будто на Плац-Парад у Тобольского кремля, уже вступила колонна искусных в строевом деле пехотинцев-линейщиков. Их возглавлял генерал-губернатор Западной Сибири Горчаков. Трижды обойдя вокруг обелиска, он трижды выкрикнул ликующее «ура!». Эхом «ура» подхватили собравшиеся...

А вечером была дана праздничная «иллюминация», не очень удачная, правда, но памятная: «От широкого ярко пылавшего круга, опоясывавшего ограду памятника, огни разноцветными лучами взбегали на самую вершину монументальной пирамиды и здесь раскинулись великолепной звездой»...

К этому времени на сибирских и уральских ярмарках уже появились лубочные рисунки с изображением Ермака, бумажные иконы, «писанные домашним способом», шкатулки с росписями, лепные, резаные и кованые изделия, а для ребятишек – «Ермаковы свистульки». В Тобольске от этого свиста хоть уши затыкай. Но старшие ласкали свистунов взглядами: «*Пуцай посвистят себе на здоровье мальцы; глядишь, Ермаком вырастут...*». А простым тоболякам поглянулись те из глиняных фигурок и строгих гравюр, на которых Ермак изображён в казацкой папахе и, подобно запорожским казакам, с трубкой в зубах.

Но особое внимание собравшихся привлёк мещанин Захар Дедюхин, всю свою жизнь проживший на Чукмане. Он припожаловал на открытие обелиска с портретом Ермака работы Карла Брюллова. Шёл и рассказывал налево и направо, как хорошо было бы увеличить этот портрет и поместить с четырёх сторон на постаменте.

– С четырёх-то зачем? – спрашивали его. – У человека на всё про всё одна голова.

– А затем, люди добрые, – отвечал Захар Дедюхин, – чтоб не только тулово, но и лик Ермака мы со всех сторон видели.

Его ответ замечателен не только своей логикой, но и тем, что он свёл воедино имена выдающихся художников – скульптора и живописца, так много сделавших для обращения потомков к великому наследию Ермака...

Весной следующего года городские власти решили провести на Чукманском мысу первые народные гуляния. Но вместо благодарности получили попреки от привередливых жителей нагорной части Тобольска.

– Это что за убогость? – возмущались они. – Аллей нет. Деревья то здесь, то там сухими палками торчат. О прогулочных дорожках и говорить совестно

– ухаб на ухабе, только ноги ломать. Какие уж тут гуляния? А скамейки для отдыха где? Музыкантам присесть не на что, не то что уважаемым людям. И хоть бы один цветник для удовольствия глаз и умягчения дыхания завели. Нешто так следует похвальный памятник Ермаку содержать?

Но столь безрадостное начало народных гуляний окончилось вполне благополучно. Горожане «третьей руки», ничем особым не примечательные, зато умеющие всё делать своими руками, уже на другое утро взялись за грабли, лопаты, топоры и пилы. Одни дорожки чистят и ровняют, другие порченые деревья корчуют, третьи из своих столярных запасов скамейки под вид диванов ладят – с высокими спинками и резными опорами. Голь на выдумки хитра. Кому не охота перед соседями отличиться?

А жёны трудовой части «верхнего Тобольска», обычно молчаливые и затурканные, вдруг голосистыми сделались, приглядными. Каждая из дома кулёк цветочных семян принесла. Они их со стороны Никольского взвоза высадили, как раз напротивobelиска Ермаку. И получился цветник, но пока «подземный», зато такой узорный и многоцветный, что загодя петь хочется.

Под такое по-артельному жизнерадостное настроение асессор (член) строительной комиссии Жилин умудрился, как бы между прочим, организовать Общество любителей сибирского садоводства. Чем оно хуже Общества любителей воскресных или народных гуляний? Русский человек сызмала садовод и огородник. Дай ему землю да подходящий посадочный запас, из него враз земледелец вылезет, а тут такая благородная цель – общественный сад возлеobelиска самому Ермаку устроить. Отсюда он свой поход в Сибирь начал, здесь Кучум-хана одолел, сюда вернулся, чтобы достигнувшую с его помощью Тёплого моря – Тихого океана – Россию и в новой своей жизни надёжно охранять.

Перед именем Ермака кто ж устоит? Вот и стали окрестные купцы, торговцы, служащие, ремесленники вносить добровольные вложения в продолжение благоустроительных работ. Первым делом закупили саженцы морозоустойчивых деревьев – елей, сосен, кедров, берёз, тополей, ив, и под руководством губернского садовника высадили их, чтобы они образовали то хвойные, то лиственные аллеи, обрамлённые белыми ивами просторные поляны и причудливые дорожки между ними. Одновременно устроили несколько цветников с беседками для отдыха. Обелиск Ермаку обнесли решёткой, изготовленной мастерами художественного литья Каменского чугуноплавильного завода. Такими решётками принято украшать дворцы и памятники царствующим особам.

Так вот день за днём, год за годом рос и преображался «Сад Ермака». Каждый год в нём появлялось что-нибудь новое. Особенно впечатлила посетителей просторная, с обогревом, оранжерея в его северном крыле. Это было царство цветов и тропических растений, название которых сразу и не выговоришь, а сочетание красок и запахов словами не опишешь. Однако самой большой достопримечательностью оранжереи стали ананасы, более десяти лет вызревавшие здесь. Их вкус довелось отведать самым деятельным членам Общества сибирских садоводов, сумевших к тому же посадить возле оранжереи клёны, сирень и другие не свойственные Тобольску деревья. Вот и убедите верующих людей, что без живительной силы «Сада Ермака» это не могло сделаться.

Другой редкостью стал построенный по примеру Лондона и Москвы деревянный «вокзал» – иными словами, павильон для музыкальных выступлений и театральных постановок. Сочетание ярких природных красок, звуков, запахов, вдохновенных слов и завораживающей музыки влекли сюда людей разных вкусов, возрастов, интересов, заряжали бодростью и единомыслием. К тому же, это было место, с которого вдали между береговых бугров, похожих на горы, склонами своими напоминающими Швейцарию, смутно выдвигалась Вершина и её предместье, овеянное местными сказаниями.

Рядом с обелиском цветник обступила живая изгородь из кустов малины, рябины, смородины, а в южном крыле гористого сада, вровень с обелиском Ермаку, поднялась крытая в китайском стиле беседка, из которой открывался чудесный вид на Иртышское Заречье.

Затерялось во времени имя народного умельца, который подарил саду скульптурное изображение Ермака, вырезанное из дерева, по образцу Карла Брюллова. Особыми художественными достоинствами оно не отличалось, но нашло живой отклик в душах простых горожан. Во время воскресных и народных гуляний скульптура появлялась то на одной из аллей сада, то на другой, а в будние дни находилась в оранжерее. Она стала её символом.

Своего расцвета «Сад Ермака» достиг в середине 70-х годов XIX века, а потом стал потихоньку угасать. Менялись городские и губернские власти, сокращались расходы на его содержание. Состарились, ушли на вечный покой самые деятельные члены бывшего Общества любителей сибирского садоводства. Сад стал приходить в запустение. Не удивительно, что при таком положении дел сгорела оранжерея, начали зарастать сорной травой аллеи...

Именно таким увидел Чукман другой цесаревич, Николай Александрович, в недалёком будущем последний русский император Николай II. Он побывал в Тобольске 63 года спустя после памятного визита Александра II. Сад был ещё привлекателен, однако должного впечатления на именитого гостя не произвёл. И даже искусно вырезанная из клыка моржа копия обелиска Ермаку, которой одарил его городской голова Трусов, оставила цесаревича равнодушным. В ответ он посоветовал Трусову окружить «колонну Ермака» воинской арматурой (то есть пушками), ведь именно они олицетворяют силу и могущество власти.

Уже назавтра по бокам обелиска стояли пушки с горками ядер. А через пятнадцать лет, в годы первой русской революции (1905–1907) их и след простыл. Зато сквер Ермака стал постоянным местом собраний, митингов и политических манифестаций. Значит, сила разящего слова и рабочей солидарности куда крепче, чем сила пушек и снарядов...

В годы Первой мировой войны, как сообщали местные газеты, «прибывшие в Тобольск военнопленные в короткие сроки преобразили вид города. Приведён в благоустроенный вид и Сад Ермака. Дорожки усыпаны песком, лопух выкосили...».

Затем грянула Великая Октябрьская социалистическая революция. Вместе с утвердившим свою власть народом из одной исторической эпохи в другую шагнули Ермак и его дружина. И вновь оказались в ряду правофланговых. Рядом с ними, в трёх братских могилах, в Саду Ермака похоронено более двухсот борцов за советскую власть. Так распорядилось время...

Парк «Ермаково поле»

Чем парк отличается от сада, Елфимов уяснил ещё в детстве, заглянув из любопытства в «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Даля. «Парк, – говорилось в нём, – чистая ухоженная роща для гулянья, а иногда для содержания дичи; обычно огораживается». А «сад – это участок земли, засаженный стараниями человека – деревьями, кустами, цветами, с уютными дорожками и разного рода и вида затеями; сад бывает плодовый или потешный, для прогулок; сады картофельные и овощные...».

Отсюда и пошло садово-парковое искусство, иначе говоря, умение соединить *рощенный* в природных условиях лес и посаженный стараниями человека сад, подбирая при этом деревья для разных почв и климатов, дополняя их зелёные массивы скульптурными и архитектурными композициями, тенистыми аллеями, живописными водоёмами, ландшафтными, историческими, мемориальными панорамами.

Именно это искусство на склоне лет вдруг потеснило всё, чем Елфимов жил и занимался прежде. Словарь Даля стал для него настольной книгой. Время от времени он погружается в неё, чтобы насладиться и впрямь живым, образным, а порой «потешным» языком, сравнить былое с тем, что утвердилось ныне, воспринять, как сказку, свои детские представления, что-то вспомнить, чему-то порадоваться, а чему-то и попечалиться.

Вот, скажем, утверждение Даля, что парк – это «чистая ухоженная роща для гулянья». Но в книгах известных русских писателей прошлого парк, а значит, и роща – это, как правило, приусадебный участок заповедного, непременно лиственного леса. Потому она и чистая, как светёлка, потому и ухоженная не только трудом садовых работников, но и бережно протоптанная ногами его владельцев. А Елфимов вырос в таёжной Сибири, где властвовал хвойный лес, и лишь на тёплых окраинах его сопровождал смешанный. Даже припоселковые и пригородные рощи и парки здесь особым порядком и чистотой не отличались. Лес шёл на строительство, на отопление, на нужды фронта.... Всего не упомнишь. И всё же приятно было думать, что и у нас, в Сибири, когда-нибудь появятся настоящие города-сады.

Зато и впрямь были «картофельные и овощные сады», «плодовые или потешные, для прогулок» участки земли, «с уютными дорожками и разного рода и вида затеями» (скорее всего, речь здесь шла о детских садах и площадках для подвижных игр), с тёплыми «садовнями» (оранжереи, теплицы, питомники) и «зимними садами» в глиняных горшках на окнах.

А «поле, – как вычитал позже у Даля Елфимов, – это простор за городом», «площадка, окружённая лесом, без посева», «равнина, противопоставляемая лесу, горам, болотам, селениям», а также «поле науки, труда, исследования и поле сражения». То самое «поле, где две воли: чья сильнее». Однако из россыпи пословиц на эту тему Елфимов выделял самую неброскую и миролюбивую: «Кому на бою божья помощь, тому на бою божья милость». Таким, по его мнению, был обманчивый или выборочный бой у Чувашева мыса в 1582 году...

Неудивительно, что задуманную для «Парка «Ермаково поле» галерею памятников Елфимов собирался открыть монументом знаменитому художнику-

передвижнику Василию Сурикову, потомку сибирских казаков, создавшему незабываемую по силе воздействия картину «Покорение Сибири Ермаком». Фигура живописца виделась Елфимову изваянной в полный рост, в будничном костюме, с походным мольбертом, но внимание зрителей в первую очередь должны привлекать не эти второстепенные подробности, а его взгляд, устремлённый из реального мира в мир творческих раздумий над очередным живописным полотном... Да вот неудача: подобный памятник уже был установлен, и не где-нибудь, а в Москве, на Пречистенке – напротив Академии художеств, и не рядовым скульптором, а народным художником, лауреатом Государственной премии Михаилом Переяславцем. Для Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» он уже создал запоминающиеся высокохудожественные памятники Ершову, Достоевскому и Дунину-Горкавичу.

Как быть в таком случае?

Переяславец пошёл навстречу Фонду – согласился создать парковый вариант своего выдающегося творения. Место для него было выбрано удачно: береговое взгорье, поросшее *вольной* травой и пихтовым редколесьем, а по-бок, вровень с монументом, поднялась ослепительно белая берёзка – знак того, что сражение на другой стороне Иртыша Подчувашева мыса, так реалистично изображённое Суриковым, несмотря на яростную ожесточённость боя, должно окончиться восстановлением прерванного Кучумом объединения Сибири с Московским государством и возникновением страны по имени Россия. Увы, не все подобные повороты истории осознаются и исправляются сразу. К иным приходится возвращаться вновь и вновь, подкрепляя их новыми фактами и доводами, оспаривая старые.

Историческое полотно Сурикова увидело свет в 1896 году. Мастерство художника потрясало; оно давало возможность всем и каждому стать свидетелем судьбоносного события, которое заметно повлияло на становление России. Однако название картины («Покорение Сибири Ермаком») восторгу части просвещённых зрителей заметно поубавило. По их мнению, оно не соответствовало героическому образу Ермака и его дружины, сложившемуся в народе за 314 лет после взятия Сибири. В том, что это было «взятие», а не «завоевание», «порабощение» или «покорение», большинство авторов исторических обзоров и общих трудов были единодушны. Непреложным было и то, что войны, которые когда-либо вела Россия, были прежде всего оборонительными, а не наступательными.

Но времена меняются, а с ними и оценки тех или иных событий. Не раз поменялись они и по отношению к Ермаку. Вот как в одной из сибирских летописей описывается начало его похода за Камень. Узнав «о воровстве и злом непокорстве» волжских и донских казаков, царь велел их ловить и вешать, но «иные аки волки разбежались по Волге вверх», с ними был их «старейшина атаман Ермак Тимофеев». Вверх – это и есть в Сибирь. И там «сяде в царстве Сибирском, ко царю же к Москве посла с сеунчем казаков пятьдесят человек... а к Ермаку повеле государь написать не атаманом, но князем сибирским». Ну а поскольку волжские и донские казаки, по мнению московской власти, сплошь были разбойниками, то и «старейшина» их, атаман Ермак, был не лучше.

Анархистская закваска казацкой вольницы Ермака отмечалась многими учёными, в том числе такими именитыми, как историограф С. М. Соловьёв, академик Г. Ф. Миллер, автор знаменитой «Истории Сибири» (Ермака и его сподвижников он называл «разбойниками с большой дороги») или Н. М. Карамзин, ставивший знак равенства между сподвижниками Ермака и испанскими конкистадорами, захватившими Мексику и Перу, а самого Ермака именовал «российским Пизарро»...

Вот и Кондратий Рылеев, автор песни «Смерть Ермака», отдавая дань подобным оценкам, вложил в уста атамана такие слова, обращённые к «товарищам его трудов, побед и громкозвучной славы»:

*Вам нужен отдых; сладкий сон
И в бурю храбрых успокоит:
В мечтах напомним славу он
И силы ратников удвоит.
Кто, жизни не щадя своей
В разбоях, злато добывая,
Тот думать будет ли о ней,
За Русь святую погибая?*

С такой оценкой не согласился М. В. Ломоносов. «О сём деле, – возражал он, – должно писать осторожно и помянутому Ермаку в рассуждении завоевания Сибири разбойничества не приписывать». По его мнению, главная заслуга в присоединении к России нового огромного края за Уралом принадлежала вольным казакам и русским поморам. (С этим связано историческое предвидение Ломоносова о том, что «могущество российское прирастать будет Сибирью и северным океаном».)

Ломоносова поддержали многие его современники и последователи. Выдающийся сибирский просветитель П. А. Словцов назвал поход Ермака «возобладанием Сибири», А. Н. Радищев «приобретением», «печальник Сибири» Н. М. Ядринцев – «подарком, который народная масса преподнесла России». М. Горький писал: «Русский народ... присоединил... к Москве огромную Сибирь руками Ермака и понизовой вольницы». А уже его точно найденное слово «присоединение» окончательно закрепило традиционное определение: «присоединение Сибири к России». Ему соответствовал научный термин: «вольно-народная колонизация», иначе говоря, природное и хозяйственное освоение пустующих земель. Этот термин использовал и А. И. Герцен. Присоединение Сибири к России он называл «бескровным завоеванием», а само завоевание считал «подвигом цивилизации». Конечно же, этот подвиг разительно отличался от тех, которые сотрясали Северную и Южную Америку, Африку, Новую Зеландию и другие земли и континенты. Там цивилизованные европейцы огнём, мечом и обманом покоряли «нецивилизованные» племена и народы, обращали их в рабство или загоняли в бесплодные резервации.

Что касается Сурикова, то свою картину он подписал теми словами, которые были высечены на обелиске Ермаку в Тобольске, куда он приезжал для работы над своим живописным шедевром. Это была надпись на первом па-

мятнике народному герою, в известном смысле историческая. Её он и решил придерживаться...

С тех пор многое в нашем отечестве переменялось. По-иному, чем во времена Василия Сурикова и его предшественников, стала рисоваться эпопея вхождения сибирских народов в состав Московского государства. Историки и государственные мужи сошлись наконец во мнении, что Ермак был не «разбойным атаманом», а великим патриотом, выразителем духа свободы русского народа, его твёрдости и неутомимости в достижении мира и добрососедства с жителями Зауралья. Тут-то и добралась до исторических названий наших городов и весей, улиц и предприятий, памятников и символов вышедшая из берегов перестройка 90-х годов прошлого века...

Один из первых показательных погромов произошёл в городе Ермаке (ныне Аксу) Павлодарской области северного Казахстана. Тамошние реформаторы снесли памятник великому «открывателю Сибири», поставленный, как значилось на нём, «от благодарных потомков целинников». Как сейчас помню этот выразительный монумент: на высокой каменной глыбе, опершись о её гребень левой ногой, со скрещёнными на груди руками, стоял могучий казачий атаман, по-отечески озирая просторы бескрайней «Сибирской России». Показывая снимки этого и других памятников Ермаку, наш незабвенный учитель географии Виктор Петрович Красиков подчеркнул, что теперь Ермака с полным правом можно считать одним из первых советских целинников. И надо же такому случиться: националистический самосуд над образом Ермака произошёл в одном из самых славянских городов трудового целинного края...

Как написали мне школьные товарищи, узнав о событиях в городе Ермаке, наш учитель Виктор Петрович, к тому времени уже пенсионер, отправился туда защищать справедливость. До конца жизни он оставался воином, гвардейцем, героем Сталинграда...

Между тем выпады против Ермака, а значит, и против «Сибирской России» стали множиться, причём разными, весьма изощрёнными способами. Вот один из них. Известный скульптор Юнус Сарфардиар, живущий ныне в Англии, через крупного сибирского предпринимателя в дар аэропорту Толмачёво (город Новосибирск) преподнёс скульптурную композицию «Ермак». Достаточно было одного взгляда, чтобы понять: это не Ермак, а, скорее, его противник Кучум или племянник Кучума Маметкул. Об этом говорила его одежда (небольшой среднеазиатский шлем на головном платке, кольчуга с характерными надплечниками, сапоги, меч в левой руке), а главное – вставший на дыбы боевой ордынский конь с *пятью* ногами (явно мультипликационный приём, помогающий изобразить неудержимый бег и горячий нрав скакуна). А волжским и донским казакам коня в их повседневных разъездах заменяли струги или речные челны. На них дружина Ермака «перемахнула» разделяющий Европу и Азию знаменитый Камень (Урал). На них казаки передвигались по Оби, Иртышу и их многочисленным притокам. Словом, всё говорило о том, что дар Сарфардиара был двусмысленным, всё побуждало вспомнить латинскую поговорку: «Бойтесь данайцев, дары приносящих».

Руководители аэропорта Толмачёво не испугались. Установили. Правда, в

некотором удалении от пассажирских потоков и с таким наклоном, чтобы конь выглядел не вздыбленным, а скачущим.

Вариант той же скульптурной композиции «Ермак» был подарен и Томску. Однако депутаты Томской городской Думы после многодневного обсуждения решили, что возле спортивного комплекса «Ермак» в центре города уместней изваяние с нейтральным названием «Преодоление». Оно, по их мнению, лучше отвечало месту и назначению скульптуры.

Попутно вспомним, что поначалу Сарфардиар намеревался установить своего «Ермака» в Ташкенте, не знаю, правда, под каким названием. Если под другим, это было бы понятно. Но тогда непонятно, почему власти Ташкента и президент Узбекистана и на такой вариант не согласились. Скорее всего, не захотели омрачать отношения с Россией. Ведь именно Ермак положил начало солидарным отношениям между ними, протянув руку помощи Сибири, принявшей российское подданство.

В начале нынешнего «перестроечного» века эхо событий в городе Ермаке докатилось до Тюмени. В первом номере альманаха «Тобольск и вся Сибирь» было опубликовано открытое письмо сопредседателей Союза писателей России Валерия Ганичева и Валентина Распутина, председателя Союза художников России Валентина Осипова, Станислава Куняева, Владимира Крупина, Константина Скворцова и других ведущих писателей России.

«Горькая новость пришла из Тюмени, – говорилось в нём. – В городе, славном своим трудовым и историческим вкладом в судьбу государства Российского, депутаты Законодательного собрания отказали в установлении памятника великому первопроходцу сибирского края Ермаку Тимофеевичу. Тому самому казаку-воину, который и открыл этот богатейший край для России, предопределив будущее движение народа по его просторам к Тихоокеанскому берегу, заложил основу содействия русского православного народа и коренных народов Сибири.

Что же стало причиной этого отказа? Отсутствие казённых и общественных средств? Невозможность достойного художественного воплощения монументального образа героя? Или места нет в Тюменской земле для такого памятника, чтобы виден был всем и вся?

Увы, ни то, ни другое, ни третье... Очевидно, за годы перестройки и реформации последних двух десятилетий совершенно опустился уровень исторического сознания наших соотечественников, неправильно представляющих ход истории на дальних российских рубежах. С позволения сказать, в России и в до-революционное, и в советское время первопроходческий подвиг и образ Ермака считался наивысшим примером утверждения «дружбы народов» и самоотверженного исполнения государственного дела. Серьёзным учёным-историкам и каждому школьнику, гимназисту, студенту известно, что интересы и претензии Кучума к Ермаку Тимофеевичу со товарищи были исключительно материальные, и никаких интересов местного населения, а тем более намерений государственно-строительных сей хан не имел. О том немало свидетельств написано.

Надо полагать, что и песни о Ермаке депутаты Законодательного собрания Тюмени, как и суть исторического деяния в Сибири героя-первопроходца, забыли.

Конечно, в наше трудное время нет важнее дела, чем мир и дружба между народами России. Только вот, поощряя националистические настроения, забыли уважаемые депутаты, что с таких «резолуций и итогов голосования» межнациональная рознь и начинается. Мы-то хорошо помним, к чему привело уничтожение скромного памятника генералу Ермолову в построенном на Кавказе русскими и чеченцами городе Грозном. С молчаливого попустительства местных властей разгорелось пламя местного терроризма.

Что же касается других примеров положительного свойства, то вспомним о восстановленном памятнике атаману Платову в Новочеркасске, Петру I в Таганроге и многим другим преумножителям славы российской. Обошлось ведь без инцидентов со стороны инакомыслящих коммунистов и представителей татарского, еврейского, калмыцкого, греческого и других народов. Нам кажется, что и депутатам Тюменской администрации не стоит опасаться появления Ермака на тюменских просторах. Четыреста с лишним лет его присутствие в русской истории ещё никому не повредило и повредить не может.

Ошибки же надо исправлять, на то они и ошибки!».

Не секрет, что своё решение депутаты Законодательного собрания Тюменской области приняли под давлением представителей «Национально-культурной автономии сибирских татар» земли Тюменской». Оговоримся: далеко не всех членов этой автономии и далеко не всех сибирских областей. Вот мнение главы Омской татарской культурно-национальной автономии Рафаэля Забирова:

«Ермак принёс сюда государство Российское, чему мы рады. Поэтому, я думаю, таким людям, как Ермак, мы сейчас обязаны тем, что у нас прекрасная страна, крепкая, сильная. Мы живём в мире. Мы не делились, мы делали общее дело – государство Российское мы поднимали все вместе. Нам нечего делить, мы должны радоваться, что у нас такая прекрасная страна!».

А член редколлегии альманаха «Тобольск и вся Сибирь», один из самых деятельных помощников Елфимова Игорь Алексеевич Иванов, в знак несогласия с тюменскими депутатами решил установить памятник Ермаку в Сургуте. Должность у него немалая: генеральный директор ООО «Газпром трансгаз Сургут». А Ермак и вовсе национальный герой России. Тем, кто это забыл, не мешает напомнить.

В другое время найти скульптора, способного изобразить Ермака во всю его историческую мощь, помог бы Елфимов, а ныне у него и для своего парка «Ермаково поле» памятника нет. А раз так, вряд ли он чем-то сможет помочь. Но посоветоваться с ним всё-таки следует. Их теперь многое связывает, и в первую очередь фонд «Возрождение Тобольска», который прямо на глазах становится фондом «Возрождение Сибири»...

С тем и отправился Иванов к Елфимову.

Опасения его оказались напрасными. Елфимов встретил высокого гостя дружески и уже в начале встречи заверил:

– Считай, Игорь Алексеевич, что скульптор у тебя уже есть. И отличный скульптор! Правда, мы с ним давно не виделись. Вот я и думаю: не лучше ли тебе самому первый разговор с ним провести? Дальше видно будет, что и как.

– Так и сделаем, Аркадий Григорьевич. Ты командуй, а я подключусь. За мной дело не станет, – повеселел Иванов. – Но скажи откровенно: твои планы

я своим вторжением не очень нарушу? Тебе ведь не меньше, чем мне, нужен сейчас опытный скульптор *по имени Уже*. Так ты его, кажется, наименовал?

– Остроумно! – от души рассмеялся Елфимов. – Но если быть точным, не «уже есть», а конкретно Кубышкин Константин Владимирович, 1974 года рождения, сын города Орла, выпускник художественного института имени В. И. Сурикова – по мастерской хорошо известного тебе профессора Переяславца, произведения которого стали достопримечательностью Тобольска, а в парке «Ермаково поле» растёт посаженная им именная липа № 4.

– Исчерпывающее уточнение! – эхом рассмеялся Иванов. – Но ты не ответил на мой вопрос. Не нарушит ли это твоих договорённостей с Кубышкиным?

– Не знаю... Надеюсь, что нет, – посерьёзnel Елфимов. – Да ты сам посуди, – и поведал ему такую историю.

– Случилось это во *времена оны*... Мэром Тобольска в ту пору был Куйвашев, а я ещё только организовывал благотворительный фонд. Общих вопросов у нас хватало. Один из них касался монумента у здания военкомата: каким ему быть? Вот Куйвашев и попросил меня пригласить авторитетного скульптора, чтобы всем вместе поразмыслить на эту тему. Я пригласил, в курс дела ввёл, дал возможность гостю самому ознакомиться с достопримечательностями города. А под конец о своей давней мечте проговорился: поставить не архитектурный, как на Чукмане, а скульптурный памятник Ермаку. О том, где именно, речь не шла. И без того ясно было, что в городе, где уже воздвигнута в его честь памятная колонна, это может вызвать понятные возражения. На слуху были другие варианты. Их мы и обсудили в первую очередь. Таким образом, деловой контакт со скульптором состоялся.

Уже из Москвы он позвонил мне. Голос звонкий, приподнятый; я его сразу и не узнал. Обо всём рассказать торопится, всему свою оценку дать. От Тобольска в восторге. От Сибири тоже. Самолёты не любит. То ли дело железная дорога – без конца и без края. Для человека с воображением это музей под открытым небом, театр без сцены, школа, не поделённая на классы, кинолента, которую снимаешь сам... Словом, пространство, запахнутое настезь, чтобы каждый мог смотреть, слушать, узнавать и удивляться...

Тут Елфимов сделал выразительную паузу и, словно любуясь открывающимся впереди пейзажем, продолжил:

– А за окном проносятся поля, мелькают дороги, накатывает таёжное разнoлесье. Его сменяет череда высоких елей. Они словно ввинчиваются в поднебесную высь, стараясь не отстать от поезда, но всё же отстают, стремительно уменьшаются в размерах, но перед тем, как исчезнуть, удивлённо-прощально разворачиваются вслед уходящему составу. Одно лишь мгновение, но сколько в нём силы, стремительности и невозвратности, сколько противоречивых чувств рождает оно!.. Вот и загорелся Константин желанием повторить это движение в своей скульптурной композиции. И ведь повторил! И, на мой взгляд, весьма талантливо. В этом я убедился, побывав у него в мастерской несколько месяцев спустя. Представь себе: с высокой тумбы глядит на тебя небольшая, сантиметров семьдесят, модель. Сразу понятно: это Ермак – простоволосый, с короткой кустистой бородой, в том самом «развороте сверху вниз», который

так ясно привиделся Кубышкину в поезде Тюмень – Москва. Кожаный кафтан поверх доспехов снизу распахнут, за правое плечо мирно закинута пицаль, левая рука приподнята, как для объятия, так и для противодействия, если понадобится. Осталось сделать всего один шаг с возвышения, на котором он стоит (скажем, с казачьего струга), – и он ступит на сибирскую землю, не знающую пока, что это и есть её заступник...

Тут Елфимов выдержал ещё одну паузу, на сей раз печальную...

– Осталось показать Куйвашеву пробный вариант скульптуры... Но его с повышением в должности именно в это время перевели на Урал. До создания самого памятника в натуральную величину дело так и не дошло. Ситуация сложилась хуже некуда. В глазах Кубышкина я был полномочным представителем городской администрации. Естественно, он рассчитывал, что именно я как-то решу возникшую проблему. А у нас в фонде денег совсем не было, одни кредиты и долги тяжкие... С тех пор мы и не виделись. Он остался ни с чем, а Тобольск (в моём лице) угрызения совести мучили. Но Константин молодец! Вот уж и правда, сын Орла, – не только города, его взрастившего, но и символической царь-птицы. Другой бы на его месте стал ходить по инстанциям, а он, ни слова не говоря, на другой сюжет переключился. И вот пожалуйста: Гран-при на выставке «Молодые художники России» недавно получил, а заодно золотую медаль Союза художников России. Видел я его работу по интернету – прекрасное произведение. И название с подтекстом: «Кулачный боец». Была когда-то такая профессия, со своими правилами и кодексом чести...

Иванов на шесть лет моложе Елфимова. Окончил Ленинградский политехнический институт по специальности «турбиностроение». Порой ему кажется, что Аркадий ещё из студенческого возраста не вышел – всё ему ново, интересно; своё драгоценное время он готов тратить на далёкие от его прямых обязанностей дела. Но именно это окружающим его людям и нравится. Сегодня это настроение почувствовал и Иванов.

– Слушаю я тебя и радуюсь, Аркадий Григорьевич, – признался он, – Вырос ты, помудрел, но заводным, как и раньше, остался: привык трудиться на износ, наработками своими разбрасываться. Мой тебе совет: знай меру. Ну вот хотя бы с Кубышкиным отношения восстанови. У тебя свой парк «Ермаково поле» сиротствует, а ты готов почти готовую скульптуру Ермака мне отдать. Хочешь, чтобы я вместо тебя теперь совестью угрызался?

– Хочу! – подтвердил Елфимов. – Но при этом поневоле сравниваю свои силы и возможности с твоими. У тебя, я знаю, быстрее дело сладится, да и нет пока что в Сургуте памятника Ермаку... Так что записывай координаты Кубышкина и действуй...

Через неделю Иванов позвонил Елфимову из Москвы:

– Приветствую тебя, Аркадий Григорьевич! Только что побывал в мастерской Кубышкина. Сразу скажу: модель скульптуры превзошла мои ожидания. Она словно врезана в пространство. Именно таким и был шаг Ермака из века в век. Кстати, Кубышкин тебя добрым словом вспоминает. Да. Считает тебя в какой-то мере соавтором этой работы. Так что жди: когда памятник будет готов в полную величину, позовём тебя на смотрины. А может, и раньше...

Следом за Василием Суриковым постоянным обитателем тобольского «Пар-

ка «Ермаково поле» стал «всей Сибири радожитель», названный так Семёном Ремезовым в его «Чертёжной книге Сибири». Не будем пока называть его имя, поскольку в ту пору он был ещё только небольшой деревянной скульптурой, созданной мастером ваяния из города Ялуторовска Тюменской области Владимиром Шараповым. В числе своих многочисленных работ Шарапов привёз её в Тобольск, где в галерее «Вольница» торгового комплекса «Ермак» благотворительный фонд «Возрождение Тобольска» вот уже пять лет каждый месяц открывал новые имена живописцев, графиков, скульпторов, фотохудожников. На этот раз вслед за персональными выставками Владимира Иглового (Тобольск), Николая и Людмилы Старых (Иркутск), Сергея Павского (Томск), Германа Травникова (Курган), Андрея Машанова (Омск) дошла очередь и до Владимира Шарапова.

Его сложные, многозначные, эмоционально насыщенные композиции встретили такой живой и благодарный отклик собравшихся, что скульптор расчувствовался и решил подарить фонду одну из своих выставочных работ – «какая понравится».

– Ну что ты!.. что ты!.. – растерялся Елфимов, – Володя, милый, дорогой... Ты – художник, какие у тебя материальные недостатки? На что это похоже? Будто я с кистенём выхожу на большую дорогу и граблю простодушного творца...

– Аркадий Григорьевич, я же искренно... – чуть не плачет Шарапов. – Не обижай...

Не выбирая, Елфимов взял с выставочной тумбы небольшую деревянную фигурку «Ангел», стоящую ближе других, и потребовал:

– Тогда подпиши!

Скульптор неумело подписал: «От Шарапова получил в подарок 17.03.2010».

Оставшись один, Елфимов принялся рассматривать так неожиданно доставшуюся ему скульптуру. Ангел – значит вестник, заступник, небожитель... Ещё на выставке в торговом комплексе «Ермак» Елфимов слышал, как по-разному оценивают её любители и знатоки изобразительного искусства... Многие обратили внимание на несоразмерность фигуры «Ангела»: шея и туловище заметно вытянуты, бёдра шире, а ноги полнее и короче... Кто-то высказал предположение, что верхняя, бестелесная часть ангела в полёте вытягивается, а нижняя не успевает оторваться от земли.

Один из зрителей вполшёпота заметил:

– А у Шарапова олицетворение женской красоты – лебединая шея и высокая, прямо-таки утончённая талия. Не случайно и «Ангел» у него женщина... – и вдруг догадался: – Так это же и есть «всей Сибири радожитель»!

Завязалось оживлённое обсуждение: а не отстывает ли Шарапов от исторической традиции? Ведь ангел испокон веков мужского, а не женского рода...

Елфимов тоже отметил эту женскую, охранительную, материнскую сущность скульптуры Шарапова. Пусть не всё в ней гармонично, зато всё необычно, одухотворённо, многозначно: вдохновенное лицо, заботливый взгляд, вазой сложенные на груди руки, а в этой вазе букет крупных полевых цветов, вровень с плечами готовые к полёту крылья. А если смотреть на Ангела сбоку, да ещё издали, он покажется рослой, деревенского вида девушкой, в длинном светлом одеянии, с грузом за плечами. Что это за груз, волен домыслить каж-

дый; может быть, редкостная икона, а может, обычная связка дров. Ведь никто точно не знает, как выглядит ангел. У каждого он свой...

Тоболяку Алексею Витальевичу Белоусову, согласившемуся стать консультантом Елфимова по архитектурным вопросам, «Ангел» тоже лёг на душу. Белоусов – член Союза архитекторов России, трижды лауреат Международного фестиваля «Зодчество», человек философического склада. Он уже создал для парка волшебную лёгкую, сквозную «Соловьиную беседку», навеянную мелодиями композитора Александра Алябьева. Возле неё, в логу, под кустами черёмухи и тала, переплетёнными побегам хмеля с зелёными шишечками, тотчас поселились варакуши и звонкоголосые алябьевские соловьи. И вот новая задача: выбрать подходящую смотровую площадку для Ангела, сотворённого из современного полимербетона и увеличенного до нужных размеров...

На этот раз ландшафт крутого иртышского берега сам подсказал Елфимову и Белоусову, где его можно установить. Ну конечно, у проёма, врезавшегося в ровную линию берегового откоса. Сначала здесь осыпалась земля, потом образовалась воронка, затем она превратилась в выемку, заросшую снизу травой и прибрежным кустарником. Теперь, когда «радожитель» для парка счастливо найден, у обоих одновременно родилась мысль: а что если сверху поставить широкую видовую веранду двух уровней с Ангелом на постаменте, символизирующим единство верхней и нижней части Тобольска?..

И стало ясно: это – самое лучшее и долгожданное решение. Место тоже самое лучшее, историческое... Как тут вновь не вспомнить берущие за душу строки Семёна Ремезова, на этот раз из «Служебной чертёжной книги»:

*Уподобися пресловуций первоначальный
сибирский город Тобольск
Ангелу именем
зрящем лицом на запад...
...Правое крыло Тобол да степи,
левое – Иртыш с подперием...
Одеян светлым воздухом,
еже евангельским учением.*

Чем не стихи?

А в июне 2010 года один из первых городов, а затем нефтеградов Сибири Сургут собрался в деловой своей части, чтобы открыть памятник Ермаку работы скульптора Константина Кубышкина. Он был установлен у корпоративной гостиницы «Ермак», замыкающей череду геометрически соединённых между собою многоэтажных жилых корпусов, и до поры до времени укрыт от любопытных взглядов собравшихся горожан плотным пологом. Кого только здесь не было – ветераны войны и труда, городская интеллигенция, служащие, представители власти, сотрудники «Сургутгазпрома», учителя, школьники и гости города!.. Чеканя шаг, сдвоенным строем промаршировали к памятнику учащиеся Сургутского казачьего кадетского корпуса. Форма у них новенькая, в ремнях, с узкими красными лампасами на брюках, руки в белых парадных перчатках. Впереди красное знамя с эмблемой корпуса, освящённое самим Па-

триархом всея Руси Алексием. Вот они – потомки Ермака Тимофеевича, продолжатели его дел, бравые казачата...

Грянула торжественная музыка. Тяжёлый полог соскользнул вниз, и над людским морем во весь свой скульптурный рост вознёсся атаман Ермак. Высота 2,85 метра (с пьедесталом ещё выше); в эти мгновения фигура его показалась поднебесной. Пространство у гостиницы словно раздвинулось; бронзовая фигура заиграла зеркальными бликами.

Опережая голос ведущего, кадеты и дюжие газпромовцы, как сто семьдесят один год назад воины Сибирского линейного полка в честь установленного на Чукманском мысу обелиска Ермаку, трижды выкрикнули ликующее «ура!». Просветлённые общими чувствами тоболяки вслед за ними возгласили Ермаку «вечную память».

И митинг начался.

Елфимов, прибывший на торжество с товарищами по благотворительному фонду «Возрождение Тобольска», глаз не мог отвести от скульптурной композиции «Ермак». Ещё один весомый шаг во глубину Сибири сделан. Можно не сомневаться: будут и другие. Пример Сургута впечатляет.

Но не только эта радость окрыляла его. В благодарность за многолетнее сотрудничество (по подсказке Игоря Алексеевича Иванова) скульптор изготовил для парка «Ермаково поле» уменьшенную копию своей работы «Ермак». Так же в своё время поступил его учитель Михаил Владимирович Переяславец: поняв, что парку Елфимова не хватает мемориального произведения «В. И. Суриков», он сделал для него уменьшенный вариант своего памятника, стоящего в Москве на Пречистенке...

В том же году за скульптуру «Ермак» Константин Кубышкин был награждён дипломом Российской академии художеств. Ныне он автор монументальных произведений на тему отечественной истории в Красноярске, Иркутске, Старом Осколе, Южно-Сахалинске, Симферополе, Москве, Ангарске и других городах России.

А его «Ермак» стал своего рода визитной карточкой Сургута...

В этом месяце Сергей Алексеевич Заплавный отметил юбилей – 12 мая ему исполнилось 80 лет. Томская областная писательская организация и редакция нашего журнала от всей души поздравляют Сергея Алексеевича с днём рождения и желают здоровья, счастья, бодрости, а также дальнейших творческих успехов!

Дмитрий Барчук

МАЙДАН ДЛЯ ДВОИХ

Отрывки из повести

Ресторан назывался «Криивка», что в переводе на русский означало убежище. Как и подобало настоящему подполью, вход в него был тщательно замаскирован. Обыкновенная, ничем не примечательная арка в здании, построенном ещё во времена Австро-Венгрии, в Старом городе. Спуск вниз по крутой лестнице. Массивная деревянная дверь без стука не откроется.

– Паспорт? – спрашивает хриплый голос изнутри.

Моя рука тянется к нагрудному карману за краснокожей книжицей.

– Здесь документы не нужны. Паспорт – по-украински означает пароль, – объясняет мне подруга и громко кричит: – Слава Украине!

Дверь со скрипом отворяется, и небритый мужик в полевой военной форме с немецким автоматом Второй мировой войны на груди сурово приветствует:

– Героям – слава!

Из помятой фляжки он наливает нам по стопке медовухи.

– И вы всем так наливаете? – спрашиваю я.

– Всем, – отвечает привратник, но предупреждает, что если эта медовуха попадёт в рот москаля, то сразу рвота, и никакая реанимация не поможет. Я не всё понимаю, но Катя помогает с переводом.

– Не бойся, пей. Ничего с тобой не будет. Это просто прикол такой.

Окинув нас для остротки свирепым взглядом, охранник открывает потайную дверь в книжном шкафу. Мы спускаемся ещё глубже вниз, в настоящее подземелье.

– Ресторан стилизован под штаб украинской повстанческой армии. Это самое популярное место во Львове. Его ежегодно посещает около миллиона туристов со всего бывшего Советского Союза.

Катя проводит меня по узким бревенчатым коридорам псевдопартизанского бункера в сводчатый кирпичный зал. На стенах висит старое оружие, националистические плакаты. В нише выбивает морзянку ламповая радиостанция. За дощатыми столами сидят приличного вида люди, едят, выпивают.

Тоже садимся за пустой стол. Подлетает бойкий хлопчик в полевой форме и, подавая меню, что-то лопочет по-украински.

Я заказываю фирменное блюдо и триста граммов горилки. Естественно, по-русски. И сразу заходит бандеровский патруль.

– Слава Украине! – кричит на весь зал шуцман, услышав в ответ «Героям – слава!», направляется ко мне: – Тут появилась информация, что среди вас есть москалик.

Спрашивает, сотрясая у меня под носом маузером:

– Может, ты знаешь, где – москаль?

Я понимаю, что это – игра, но она мне неприятна. Видел бы это мой прадед! Молчу, как партизан.

– А ну скажи «пиво»!

– Пиво, – автоматом отвечаю я.

– Ага, ты есть москаль! – радуется шуцман и велит бросить меня в карцер.

Несмотря на Катины протесты, меня отводят в тёмную камеру рядом с туалетом.

Зарешёченное окошко в двери распахивается, и бандеровец даёт мне выбрать:

– Короче, москаль, если споёшь нам украинскую песню – отпустим, а нет – пристрелим.

Кроме «Червону руту» Софии Ротару я ничего из украинской эстрады не знаю, но и этого хватает. Меня выпускают из карцера.

– На первый раз – прощаем. Но если ещё раз попадёшься, пощады не жди.

На столе уже дымятся сковородки с запечённым под сыром мясом, полевая фляжка небрежно валяется рядом. Я разливаю горилку по чаркам и без тоста, не дождавшись Катю, выпиваю. Потом ещё и ещё. Официант приносит вторую фляжку. Когда снова входит патруль, я уже изрядно пьян. Забирают парня из-за соседнего стола. Он даже радуется экзекуции. Я неуверенно встаю со скамьи и во всеуслышание заявляю:

– А в Бухенвальде-то какая натура простаивает! Там бы не в карцер москалей и жидов, а сразу – в крематорий! И название фашисты придумали. «Дорога на небо»!

В зале устанавливается гробовая тишина. Патруль оставляет свою жертву и подходит ко мне.

– Вы пьяны, молодой человек. Пожалуйста, покиньте наше заведение, – на чистом русском и на полном серьёзе предлагает мне воскресший из ада украинский националист.

Но меня уже не остановить. Во мне проснулся мой прадед, воевавший с «оуновцами» семьдесят лет назад.

– А почему на твоей форме нет знаков отличия, служивый? Клиенты не поймут? Но коли начали стёб, то уж идите до конца. Дивизия СС «Галичина»!

Меня хватают под руки, волокут по кротовым норам и вышвыривают на улицу.

– Тебе повезло, что ты – наш гость, москаль, – сквозь зубы произносит здоровяк и, оглядевшись по сторонам, со всей силы бьёт меня под дых.

Я падаю на мостовую, из подвала выскакивает испуганная Катя и помогает мне подняться на ноги.

– Ты слишком категоричен. Никакой пропаганды фашизма я здесь не вижу. Обыкновенная историческая реконструкция, – отчитала она меня с утра.

Но я стоял на своём и не собирался каяться:

– Как ты не понимаешь, что вас исподволь приучают к нацизму!

– Пить надо меньше! – фыркнула она и замкнулась.

Мы не разговаривали целый день, всю дорогу от Львова до Киева. Но дома мы помирились, мама Кати была в отъезде.

За две с половиной недели нашего воссоединения это была уже вторая серьёзная размолвка. Будь на месте Кати любая другая девушка, я бы давно с ней расстался. Все её недостатки я видел. Слишком большое значение она придавала деньгам, материальному статусу. А для меня деньги всегда являлись средством, но не целью. Когда они у меня водились – я их тратил, когда не было – жил экономно. Копить, откладывать – это не в моём характере. Об её толерантности к украинскому нацизму я вообще не говорю. В этом вопросе мы были крайними антагонистами. Чтобы я спал с поклонницей Степана Бандеры?! Но ведь сплю же, занимаюсь с ней любовью. Стоит ей провести пальчиками по моей руке или прошептать на ухо ласковые слова, я забываю обо всём, и ничего больше не вижу, кроме сочных спелых губ и белой нежной шеи...

– Женидьба – дело серьёзное. Ты познакомил бы меня с невестой? – сказал мне отец по телефону.

– Нет проблем, батон. Прилетай в Киев в начале ноября. Мы с Катей как раз вернёмся из Трускавца. Представлю тебя и ей, и маме. Они – очень гостеприимные, будут тебе очень рады. Хоть развеешься.

Поезд из Трускавца в Киев пришёл рано утром. Мы только успели забросить вещи к Кате домой, принять душ, переодеться, и вместе с её мамой поехали в аэропорт. Оксана Марковна лихо управлялась с переключателем на механической коробке передач компактного американского джипа, и город она знала хорошо, поэтому мы быстро проскочили центр, объехав пробки по второстепенным улочкам.

Отца я узнал не сразу. Обычно склонный к полноте, сейчас он выглядел каким-то высохшим и маленьким. Особенно рядом с рослой Катиной мамой, бывшей волейболисткой. Но прежний лоск старался сохранять. Чёрный плащ от «Версаче», кожаный саквояж, может, и ввели моих киевлянок в заблуждение относительно материального статуса их обладателя, но я-то знал, что этим вещам – уже добрый десяток лет, ничего нового отец себе давно уже не покупал.

– Привет, папа! Вот знакомься. Это – Катя. А это – её мама, Оксана Марковна.

– Очень приятно, – устало улыбнулся мой предок и снял фуражку.

У него почти не осталось волос. Короткая стрижка была мерой вынужденной, дабы скрыть залысины.

– А это – Владимир Святославович, мой отец.

– Ух ты! С таким именем, как у крестителя Руси, вам точно нужно жить в Киеве! – радостно выпалила Катя. – У Данилки, впрочем, тоже – имя громкое. Даниил Галицкий!

– Насчёт жизни не знаю. А вот погреться на киевском солнышке после сибирских холодов я точно не возражаю.

– И что, у вас уже так холодно? – спросила Оксана Марковна.

– С утра было минус тридцать.

– Надо же! Такие морозы в начале ноября! – удивилась старшая Иванова.

Мне Киев очень нравился. И не Россия, и не Европа, а так – серединка на половинку. Древние православные храмы с золотыми куполами, монументальный мемориал Славы на берегу Днепра – всё вроде по-нашему, по-славянски

и по-советски. Прохожие на улицах говорят на русском, экскурсии по памятникам архитектуры – тоже. Много сходства с Москвой. Та же столица, но компактная и какая-то домашняя. Крещатик – Тверская, Подол – Арбат. «Динамо» Москва – «Динамо» Киев. Но едва уловимые отличия всё же проскальзывали: и в архитектурном облике старинных зданий, и в тесноте центральных улочек, и в самом воздухе, напоенном запахом высохших листьев и ароматом свежего кофе. Кофейни здесь встречались на каждом шагу. Возле станций метро мололи и варили кофе даже на автомобильных и мотоциклетных фургонах под открытым небом. А может быть, тёплый южный климат, другие деревья – каштаны и вязы – вводили приезжего человека в заблуждение относительно отличия матери городов русских от других больших поселений некогда необъятного отечества.

Ужинали мы в японском ресторане. Батя с Марковной произносили тосты за нашу с Катей любовь, пили украинский коньяк и закусывали его дальневосточными экзотическими блюдами.

– Инвестиции в киевскую недвижимость с последующей сдачей её в аренду – самый выгодный бизнес, – убеждала моего отца будущая теща. – Только не надо ухмылок! Сейчас квадратный метр хорошего жилья в Киеве стоит, как в вашем Томске. Через каких-то четыре года затраты полностью отбиваются, и вы получаете квартиры в европейской столице бесплатно. Не забывайте, что Украина вот-вот вступит в ЕС. Тогда наша недвижимость взлетит в цене до небес!

Утром мой отец исчез. Ему постелили в гостиной, но, проснувшись, я заглянул туда: диван был собран, одеяло и простыня аккуратно лежали в стопке. Солнце стояло уже высоко, и часы показывали начало одиннадцатого. Я позвонил ему на мобильник, но он был вне зоны доступа. Перезвонил отец только через час, когда мы с Катей и Оксаной Марковной уже собирались отправляться на его поиски.

– Данила, как твои будущие родственницы относятся к опере? – как ни в чём не бывало спросил мой пропавший родитель.

Поинтересовавшись их мнением, я ответил, что – положительно.

– Замечательно! – отозвался отец. – Я купил четыре билета в оперу. Дают «Женитьбу Фигаро». Классика! Начало – в 19 часов. Не опаздывайте.

– А ты, собственно, где? – я задал вопрос.

– Гуляю по Киеву.

– И давно?

– С шести утра.

От транспорта и сопровождения он отказался, сказал, что встретимся вечером возле Оперного театра.

Он сидел на лавочке под фонарём, усталый, но довольный. Радуюсь, как мальчишка, доложил нам, что отстоял заутреннюю службу в Успенском соборе, ходил по пещерам в Лавре, завтракал в монастырской столовой, гулял по парку Победы над Днепром. София Киевская, Михайловский собор, Майдан независимости, Крещатик. Даже в кино мой батя успел сходить.

– И как вам Киев? – поинтересовалась Оксана Марковна.

– Замечательный, красивейший город! Только в нём очень много обозлённых людей.

Театр, где застрелили премьер-министра империи, реформатора Столыпина, вызвал у меня настоящий восторг. Прежде я никогда не бывал в Опере. А тут – золотая лепнина, массивные бронзовые люстры, занавес из тяжёлого красного бархата и скрипучие кресла, обтянутые подстать занавесу. Арии певцов на итальянском языке. Настоящая эпоха Возрождения!

Я не ведал за своим отцом музыкального пристрастия и был приятно удивлён его эрудиции в оперном искусстве.

Прошёл дождь, тротуары блестели лужами в электрическом освещении, холодало, пар шёл изо рта. Мой отец говорил очень громко, почти кричал, как пьяный:

– Друзья мои, лучшие в мире оперные театры – вовсе не в Милане, Вене, Нью-Йорке, Москве, Санкт-Петербурге или Сиднее! Поверьте, я там был. Такой душевности, камерности, гармоничного сочетания пения и архитектуры нет нигде, только на Украине. В Киеве, во Львове и Одессе!

Новый год мы встречали в Киеве.

– Только в центр, пожалуйста, не суйтесь! А то там – настоящая революция. Недетские беспорядки. Хотя «Евромайдан» и «Антимайдан» объявили перемирие на Новый год и Рождество, но я почему-то ни тем, ни другим не верю, – наказывала мне Оксана Марковна перед уходом к подруге. – Ты, Данила, – мужчина, следи, пожалуйста, за этой революционеркой. А то её точно на баррикады понесёт.

Но её предостережения оказались напрасными, после полуночи моя экзальтированная невеста потащила меня на Майдан Незалежности.

– Ты ничего не понимаешь! Это на Европейской площади, может быть, проплаченные политиками «активисты», а на Майдане – сам народ! – уверяла она меня на подходе к палаточному городку сторонников интеграции Украины в Европу.

Новый год, безусловно, внёс свои коррективы в майданный быт. В окружении праздничных иллюминаций, сверкающих ёлок и гирлянд, сам палаточный лагерь с кострами казался декорацией к какой-то рождественской сказке. Тем более – многие из палаток светились изнутри, как будто в них проживали гномы или тролли. Часть революционеров всё ж разъехались по домам, встречать праздник с семьями. Война – войной, а обед – по расписанию. Но самые стойкие бойцы отрядов самообороны остались на площади Независимости. А вдруг милиция нарушит перемирие и, пользуясь праздниками, снесёт их палаточный лагерь.

Здесь тоже праздновали Новый год. Небритые мужчины в пуховиках, утеплённых спецовках и даже старых горнолыжных костюмах с закопчёнными из-за длительного нахождения у костров лицами радовались и поздравляли друг друга. Среди них встречались и женщины в бесформенной одежде, перевязанные платками, больше похожие на рыночных торговок, чем на революционерок.

Катя уверенно направилась к одной из палаток. Навстречу вывалился подвыпивший парень.

– Привет, Катюха! Жрачки принесла?

– А як же!

– Хлопцы, нам закуски принесли! – прокричал он в палатку.

Кастрюля с котлетами исчезла в брезентовом домике.

– Вот, Данила, познакомься. Это мой однокурсник из магистратуры Игорь.

А это – Данила, мой жених.

Парень сразу протрезвел.

– Из Москвы, что ли?

– Да.

– И каким ветром тебя сюда занесло?

– К невесте приехал на Новый год.

– А мы вот тут второй месяц уже чалимся.

– А как же учёба?

Игорь закурил и предложил мне. Я отказался.

– Декан пообещал отчислить. Теперь нам обратной дороги нет. Если победим, то и декана, и ректора заменим, а нет – они нас в шею выгонят.

На открытие Зимних Олимпийских игр в Сочи билеты достать мне не удалось. Зато подфартило с церемонией закрытия. Ради этого я даже отказался от олимпийского хоккейного финала. И угадал, наша сборная всё равно вылетела из турнира раньше, проиграв американцам.

С работы меня отпустили только на неделю. Катя прилетела в Москву вечером, а наутро мы улетели в Сочи.

Я обалдел, когда увидел город, где не был семь лет. Современные стадионы, скоростные автобаны, толпы иностранцев. Пальмы, синее море, откуда дует тёплый ветер. Можно ходить в одной рубашке, а поднимешься немного в горы – укрытые снегом высоченные хребты, лёгкий морозец, настоящая зима!

Кате тоже очень понравился Сочи.

– Здесь даже круче, чем в Альпах! Лазурный берег отдыхает! – восхищённо говорила она.

Дважды ездили в горы. Посмотрели женский биатлон. К Катиной радости медаль завоевала украинская спортсменка. В мужском гигантском слаломе лыжники из бывшего Союза не блистали. Но впечатлённая соревнованиями Катя уговорила меня взять напрокат горные лыжи и дала мне первый урок по скоростному спуску. Она летала по склону, как ракета. Я же постоянно падал, хорошо хоть лыжи не сломал. Но какой был кайф – снять с ног тяжелейшие горнолыжные ботинки!

– Данила, Данила, проснись! «Евроньюс» передаёт. В Киеве вооружённое восстание. «Беркут» стреляет на поражение. Десятки убитых!

Она судорожно набрала телефон матери. Та долго не отвечала, видать, спала. Нервничая, Катя отгрызла длинный покрашенный ноготь. Наконец Оксана Марковна взяла трубку.

– Мама, мамуля, как ты там?

Мать успокоила дочь, как могла. Что в их районе всё спокойно, стреляют только в центре, из дома она далеко не выходит, только в магазин. Пока ситуация не успокоится, Кате лучше в Киев не возвращаться.

В этот день на стадион мне пришлось идти одному. Невеста осталась в номере и не отрывалась от телевизора. Смотрела только новости по CNN и BBC.

На экране телевизора прыгали торжествующие правосеки и скандировали во всё горло:

– Москаляку – на гиляку! Кто не скачет, тот – москаль!

Мою возлюбленную словно подменили. От былых радостных восторженных глаз не осталось и следа. В них теперь поселилась глубокая печаль.

В Москве она немного отошла. В «Охотном ряду» мы купили ей очаровательную короткую норковую шубку и модные итальянские сапоги. Из-за беспорядков в Киеве свадьбу решили сыграть в российской столице. Она обещала прилететь на 8 Марта, и мы должны были подать заявление в загс.

Но не прилетела. Я звонил ей по несколько раз на дню. Вначале она ссылалась на учёбу, потом – на нездоровье матери, затем – бабушки, дедушки. А в итоге заявила:

– Извини, Данила. Мы не можем быть вместе. Мы – слишком разные. Ты любишь свою страну, а я – свою.

– Да при чём здесь наши страны? – взорвался я. – За тысячу лет они то расходились, то снова сходились. Страны живут в другом измерении, а люди – в другом. Да, я люблю свою страну, но мне это не мешает любить тебя! Главное, что мы любим друг друга, и что бы ни происходило в мировой политике, мы должны быть вместе!

– Но твоя Россия оккупировала наш Крым. Тот Крым, где мы встретились с тобой! Понимаешь, его больше нет!

– Но мы-то есть!

Молчание. И короткий ответ:

– Я – патриотка Украины. Прощай.

Я сошёл с ума. Не мог ни работать, ни есть, ни тренироваться. Думал только о ней. Она постоянно стояла перед моими глазами. Я знал, я чувствовал, что Катя – не такая. Она – добрая, нежная, ласковая. Она – моя родная женщина. Просто её околдовали, напустили на неё порчу демоны. Или кусочек льда из-под колесницы Снежной Королевы попал ей в глаз, и её сердце сковало льдом. Только я могу спасти её. Стоит мне её обнять, расцеловать, и её замёрзшая душа оттаёт, колдовские чары спадут, и ко мне вернётся моя прежняя тёплая Катя.

В пятницу сразу после работы я поехал в Шереметьево. Купил билет на первый рейс до Киева. Полтора часа над облаками пролетели как мгновение.

Аэропорт Борисполь, ставший мне родным за последние девять месяцев. А вот и та милая девушка из погранслужбы, неоднократно строившая мне глазки, интересовавшаяся, не прихожусь ли я родственником её школьному учителю-историку по фамилии Козак? Встаю в очередь к её пропускной кабинке. Подходит мой черёд. С улыбкой, как старой доброй знакомой, подаю свой паспорт, и нарываюсь на растерянный взгляд:

– Извините, но вам въезд в Украину запрещён.

Я начинаю качать права, девушка вызывает старшего офицера и просит меня отойти в сторону и не задерживать очередь.

Ко мне подходят двое: майор-пограничник и штатский в кожаной куртке. Просят мой паспорт, внимательно его рассматривают и возвращают. Офицер объясняет:

– Ничем помочь не можем. Мужчинам в возрасте от 16 до 60 лет, являющимся гражданами России, въезд на территорию страны запрещён. Просим вас перейти в зону вылета и приобрести билет обратно в Москву.

– Но по какому праву?

– По праву военного времени, москаль, – штатский правила приличия не соблюдает, националист, скорее, с Западной Украины. – На Донбасс, поди, намылится? Пострелять захотелось. Да будь моя воля, я бы тебя тут же шлёпнул, как собаку. Твоё счастье, что ты – на нейтральной территории.

Как бы мне ни хотелось съездить по этой наглой физиономии, но я себя сдержал и решил схитрить:

– Какой Донбасс? Да я – такой же москаль, як ты. Москаль – по фамилии Козак, умора. Я к невесте прилетел. Она всю зиму хлопцев на Майдане кормила. Знаешь, кто у ней батька? Я только позвоню, она тут же приедет и заберёт меня.

Националист смутился. Видно было, что на погранпункте он всё решает, командир пограничников – так, исполнитель.

– А звони! Побачим твою дивчину.

Я трижды набираю Катин номер, но она так и не отвечает. Звоню Оксане Марковне – тоже молчание.

Бандеровец ликует:

– Что, москаль, не по зубам тебе наши жинки? А ну, ноги – в руки, и вали скорее в свою Москву, пока мы их тут тебе не обломали.

– Я боялась, что они сломают моему мужу ногу или руку. А ему через неделю в рейс. Убить бы не посмели. Там же гаишники стояли рядом. Но пинали ногами жестоко, без жалости. А потом заставили жевать придорожный песок и приговаривали: «Жри, жидовско-москальская морда! Передай своим одеситам, так будет со всяким, кто украинскую землю предаст». Отдохнули в Трускавце, называется. Чтобы я ещё хоть раз поехала к западенцам, да ни в жисть! А Саша кое-как довёл машину до Одессы, поставил в гараж и слёг на три дня. А потом встал и заявил, что ни в какой рейс он не пойдёт, а поедет на Донбасс и будет, как говорил Путин, «мочить в сортире» этих сволочей. Он же – родом из Мариуполя. Там – его родители, сёстры. А нас с Гавриком и больной бабушкой кто кормить будет? Меня из театра уволили, на съёмки никто не приглашает. Да и не буду я пропагандировать фашизм! Все живём на его капитанскую зарплату. Я хотела уйти с ним в рейс, чтобы не видеть всё это безобразие, так нет – не выпустили. Боятся, что сбежим.

Я слушал мать с упоением, как она мою исповедь, и в груди становилось тепло, на глаза накатывались слёзы, но зрение моё возросло многократно, я видел то, чего раньше никогда не видел или старался не замечать. Очень родного и близкого мне человека, женщину, давшую мне жизнь, и очень любившую меня. Я словно вернулся домой после долгой войны.

– Мама, мамочка, прости меня! – я разрыдался и упал перед ней на колени.

Она сидела на стуле, гладила меня по голове узкой ладошкой и приговаривала:

– За что мне тебя прощать, сынок? Жизнь так сложилась. В молодости мы все – максималисты, видим родительские ошибки и строго спрашиваем за них, а проходит время, и сами теряем голову, такого накуролесим, что расплавляемся потом всю жизнь. Увы, но в области чувств ни мужчины, ни женщины – сами себе не хозяева, они играют пьесу, написанную провидением. В ней может быть много актов, но финал всегда один, – удручённо произнесла актриса.

Она нервно затушила окурочок в пепельнице.

– А теперь вот и ты влюбился. И, как водится у Козаков, с надрывом, вразнос! Ты уже третий из этого рода приезжаешь на Украину за женой. Смотри, твоим предшественникам это больно аукнулось. Тем более, Катя – ещё та штучка! Но я ни в коем случае не собираюсь тебя отговаривать, переубеждать. Знаю, что занятие это бесполезное. В любви мы учимся только на своих ошибках, и то – не всегда.

Хлопнула калитка. Но собака на привязи молчала.

– Это – Гаврик. Из школы пришёл. Что-то рано, – всплеснула руками мать, ожидая и боясь первой встречи своих сыновей.

Но её страхи оказались напрасными. В комнату ворвался раздумавшийся от бега, крепко сбитый коренастый подросток. Невысокий, темноволосый, с носом-картошкой, но нашими, бархатными, глазами.

– Гаврила! – протянул мне ладонь с растопыренными пальцами.

– Данила, – представился я столь же церемонно и пожал руку брата.

Мать с умилением смотрела на нас:

– Какие вы – разные. Но как похожи!

От проявления дальнейших эмоций её воздержал вопрос проголодавшегося школьника.

– Ма, а что у нас на обед? А то я на физре так набегался, что корову проглочу.

– Иди мой руки, Робин Бобин. На первое – борщ, на второе – тефтели с овощами.

– Фу, опять – овощи. Лучше бы пюре из картошки сделала.

– Ешь что дают. Вот мы завтра с Данилой поедим в Киев, будешь перед бабушкой выбрыкивать, а передо мной – не надо, – строго сказала мама.

– Я тоже хочу в Киев, – заканючил брат.

Я с удивлением посмотрел на мать.

– Вы... то есть ты – со мной?..

– А ты что думал: я тебя одного через пол воюющей страны отпущу? Да тебя с российским паспортом СБУ сразу арестует, только сунешься на вокзал или аэропорт. Я тебе оформила приглашение, я за тебя и в ответе.

– И что же делать?

– На машине поедим, – твёрдо решила мать. – Правда, из меня ещё тот водитель. Но права есть. С божьей помощью доберёмся. Мне же тоже интересно посмотреть на твою избранницу!

Против такого аргумента возражать было бесполезно.

- Я неплохо вожу. Могу подменить. И права у меня с собой.
 - Вот и договорились. Завтра с утра и поедем.
 - Данила, а ты футбол любишь? – спросил меня Гаврик, допивая компот.
 - Конечно. Я даже в прошлом году в Праге был на розыгрыше Суперкубка УЕФА. Когда «Бавария» по пенальти обыграла «Челси».
 - Ух ты! – выдохнул от зависти подросток. – А на чемпионат Европы к нам не ездил?
 - Только на матчи в Донецк. А ты что спрашиваешь: киевское «Динамо» к вам приехало?
 - Нет. Харьковский «Металлист». Но игра будет жаркой. Давай сходим?
 - Я – не против. Если мама отпустит.
- Она улыбнулась и согласно кивнула головой.

Мой брат оказался совсем не простым школяром. Едва мы вышли со двора и помахали провожавшей нас матери, домашняя маска мигом слетела с его лица, и передо мной предстал во всей красе юный агитатор-антифашист.

– Ты что, всерьёз подумал, что мы пойдём на футбол? Это – отмазка для маман. Сейчас в Одессе такое творится! Решается судьба Новороссии. Или мы объявим свою республику, как в Крыму и на Донбассе, и останемся частью русского мира. Или нас нагнут бандеровцы и установят здесь свои фашистские порядки.

Он достал из кармана ветровки две георгиевских ленточки, одну прикрепил булавкой себе на грудь, а другую отдал мне.

– Вчера одна провокаторша из нацистов сожгла на Вечном огне две такие же. Они называют нас «колорадами», по расцветке огородных вредителей. А для нас – это память о Великой Отечественной войне и символ сопротивления неофашизму.

Я тоже пристегнул знак отличия на лацкан пиджака и поинтересовался:

– Так куда же мы всё-таки идём?

– Как куда? – удивился Гаврик. – На Куликово поле. Там – наш одесский «Антимайдан». Сегодня будет митинг антифашистов. Все одесские патриоты соберутся. Поступила информация, что «правосеки» готовят провокацию. Под видом футбольных фанатов из Харькова к нам понаехали радикалы со всей Украины. Только вчера из Киева пятнадцать автобусов с евромайданщиками пришло. Боятся Дня Победы!

В центре много улиц были оцеплены милицией и перекрыты для движения транспорта. На одном из перекрёстков собралась толпа.

– Наши! – с гордостью произнёс брат и потащил меня в гущу.

Он пользовался здесь авторитетом. Солидные мужики здоровались с ним, как с равным. А молодёжь даже подчинялась его приказам.

– Привет, Гаврош! Как дела, Гаврош? Зададим фашистам жару, Гаврош? – слышалось с разных сторон.

Неожиданно из переулка вышел капитан милиции и отозвал Гаврика в сторону. Брат представил меня, сказал, что я – из России, тогда блюститель порядка заговорил без утайки:

– Будьте осторожны. Готовится серьёзная заваруха. Это – никакие не фут-

больные фанаты, и даже не активисты «Правого сектора», а переодетые в гражданку военные из специальных батальонов. Они вооружены битами и цепями, у многих топоры и пистолеты. На головах каски, а лица – под масками. Их – тысячи. На Соборной площади яблоку некуда упасть. Будет не мирное шествие, а побоище. Предупреди товарищей, Гаврош.

– Я вас умоляю, товарищ милиционер, не паникуйте. Шо имели, то сказали. Гаврик знает за облаву, – с развязностью одесского хулигана ответил юный карбонарий.

Милиционер скрылся так же внезапно, как и появился. Гаврош стал искать глазами командиров, но все они были возле импровизированной трибуны. Один оратор сменял другого.

– Одесса помнит погромы и власть под пятой румынских оккупантов. Украинский национализм и неонацизм мало чем отличаются от румынского фашизма. Поэтому мы будем стоять до конца. Пока нога последнего оккупанта не покинет наш город. И власть в Одессе будет одесская. Мы не согласны ни на каких гауляйтеров из Киева.

– Украинскому государству нельзя игнорировать ментальные различия между Западом и Юго-Востоком страны. Так исторически сложилось, что мы – разные. Мы говорим на разных языках, у нас разные взгляды на наше общее прошлое, но у нас одно государство. Жители Юго-Востока страны имеют право защищать свои традиционные ценности, свой язык, свою историю, своё право быть такими, какие мы есть. Но сегодня мы обязаны найти возможность урегулировать ситуацию мирно, без крови. Поэтому я обращаюсь ко всем одесситам – русским, украинцам, представителям других национальностей – с просьбой воздержаться от кровопролития. Сегодня наше общее будущее и целостность государства зависят от благоразумия, мудрости и сдержанности.

В нашей колонне самым резким был плакат: «Одесса! Гони Бандеру в шею!», но когда я увидел шествие радикалов, то первое сравнение, пришедшее на ум, было с маршами гитлеровских молодчиков. Единичные лозунги «За единую Украину» и «Слава Украине!» терялись среди чёрно-красных транспарантов «Смерть врагам», «Москалей на ножи» и портретов Степана Бандеры. А на тротуаре симпатичные дивчины, весело смеясь, разливали из канистр по бутылкам зажигательную смесь – «коктейль Молотова».

На Греческой площади нас атаковали бандеровцы. Ловко орудуя палками и битами, они легко расчленили нашу колонну на две части. Кому-то удалось забежать в супермаркет и забаррикадироваться там, но большинство отступило – на Куликово поле. Милиционер сказал правду: силы оказались не равны. Радикалы, осознав своё превосходство, крушили всё на своём пути. Падающих противников забивали насмерть. Палаточный лагерь «Антимайдана» был раскурочен и подожжён.

– Отступаем в Дом профсоюзов! – успел передать мне команду чумазый от дыма и сажи братишка.

Я ринулся за ним, но сильный удар в затылок поверг меня наземь. Не знаю, сколько времени я пролежал без сознания, а очнулся, когда здание уже всё пылало. Задыхавшиеся от дыма люди выпрыгивали из окон со второго и третьего этажа. На них тут же, как стервятники, налетали бандеровцы, с криками

«Умри!» и «Слава Украине!» добивали несчастных топорами и битами. Не щадили никого: ни стариков, ни женщин. Я видел, как один толстяк в каске и бронежилете стрелял из пистолета в людей. Как другие brave радикалы бросали в окна бутылки с «коктейлем Молотова», закатывали в двери горящие автомобильные шины, разворачивали пожарные машины, мешали пожарникам тушить пламя. В одном из дымящихся оконных проёмов я увидел искажённое болью лицо брата, но оно быстро исчезло в огне.

Георгиевская ленточка сорвалась с моего пиджака, видимо, когда я упал. Это меня и спасло. А потом капитан, что подходил к нам с Гавриком в начале демонстрации, вывел меня за оцепление и на милицейской машине отвёз на Фонтан.

Уже темнело. Цветущие деревья в сумерках выглядели зловеще, как на кладбище. Мама одиноко сидела на лавочке возле дома и ждала сыновей.

– Вот, Майя Александровна, принимайте сына, – виновато произнёс милиционер, помогая мне вылезти из «уазика».

– Спасибо, Паша. А где Гаврик? Уже так поздно, а его всё нет.

Капитан потупил взгляд в землю.

– Он оказался в Доме профсоюзов. Будем надеяться на лучшее.

Но лучшего не случилось. Ни в одну из городских больниц семнадцатилетний подросток не поступал. А в морге ответили, что можете приехать на опознание тела.

Мама вернулась утром. С чёрным лицом, впалыми глазами, и вся – седая. Я тоже не спал всю ночь. По «скорой» увезли в больницу с сердечным приступом её мать, и я остался в доме один.

Белая, как привидение, она бесшумно подошла ко мне и беззвучным голосом сказала:

– Он задохнулся от угарного газа. Только обрела одного сына, но потеряла другого. Теперь ты у меня остался один, Даня. Не бросай меня.

Да как я мог её бросить в таком состоянии! Мать – в больнице, муж – в плаванье посреди Тихого океана. Такова участь моряков, даже на прощание с самыми близкими людьми просто физически порой попасть не могут. Спасибо маминим родственникам и друзьям, они помогли в трудную минуту, организовали похороны.

43 одессита погибли в тот день от рук националистов, но в городе говорили о сотнях жертв, что власть прячет в подвалах целые горы трупов. Гаврика хоронили с другими погибшими. Панихида превратилась в настоящий митинг против киевской хунты. Молчаливая чёрная живая лавина грозно растекалась вслед за гробами по улицам самого весёлого и бесшабашного черноморского города, а вдоль берегов этой траурной скорбной реки с каменными лицами стояли автоматчики из национальной гвардии.

Местные власти даже выделили матери материальную компенсацию в несколько тысяч гривен. В городе был объявлен трёхдневный траур по погибшим.

Я позвонил на работу и попросил продлить отпуск без содержания ещё на неделю в связи с гибелью брата.

Поминки на девятый день организовали дома. Несмотря на горе, а может, и благодаря ему я быстро освоился в Одессе. На Фонтане все принимали меня,

как брата Гавроша, и даже торговки на Привозе делали для меня особую скидку. Ведь людская молва распространяется быстро, особенно – в Одессе.

За столом собрались в основном одноклассники и единомышленники Гаврика. Поминки не обошлись без политики.

– В офисе киевского президента нашу Хатынь назвали «провокацией ФСБ». Дескать, ватники сами себя подожгли и отравили каким-то газом. Человек в здравом уме до такого даже не додумается.

– Это ещё что! Я на сайте «Правого сектора» такое вычитал! Вот распечатку сделал. Послушайте: «В этот день небезразличная общественность ликвидировала шабаш путинских наёмников и рядовых дегенератов в Одессе. Пьяницы, наркоманы, другие люмпены, а также проплаченные российские активисты и засланные диверсанты позорно бежали от разгневанных украинских граждан». Во как! Полный бред!

Ни в какой Киев мы с мамой, естественно, не поехали. На следующий день после поминок прилетел из Манилы отец Гаврика. Я оставил маму на попечение мужа и вернулся в Москву. Мне расхотелось знакомить её с Катей.

В Киев я всё-таки дозвонился. Катя соизволила взять трубку. Мне так многое нужно было ей сказать, но, едва услышав её родной певучий голос, я забыл обо всём и только, как попугай, твердил, как сильно люблю её. Она слушала меня долго, а потом тихо и грустно сказала:

– Я тебя тоже полюбила, Дан. Но мы – теперь по разные линии фронта. Прости.

Звонок оборвался. Больше её номер доступен не был.

После этого разговора я вообще сошёл с ума. Одесская трагедия, гибель брата отрезвили мой мозг, а общение с Катей, её признание в любви навели новое наваждение. Я снова думал только о ней. Но теперь это чувство окрасилось в цвета ненависти к украинским нацистам, убившим моего брата и укравшим мою любовь.

Границу наш отряд численностью около сотни бойцов переплыл ночью на лодках по Северскому Донцу. Затем на трёх автобусах нас привезли в Донецк. В военкомате полностью экипированную роту с радостью зачислили в состав ополчения и поставили на довольствие. В первом бою под ударами украинских «Градов» мы потеряли восемь человек убитыми и шестнадцать ранеными. Из Донецка прислали нового ротного, кадрового военного, пять лет отслужившего во Французском иностранном легионе и семь – в чеченском СОБРе. Мне очень пригодились знания, полученные на военной кафедре университета. Навыки, приобретённые на армейских сборах, я сохранил, поэтому легко подтвердил звание лейтенанта и свою военную специальность – «командир мотострелкового взвода». Цевьё автомата Калашникова сразу легло мне в ладонь, словно я с ним никогда не расставался.

Любой нормальный человек, прошедший войну, старается о ней не вспоминать. Я – не исключение. Не буду смаковать ужасы. Я – не садист, психическое здоровье мне ещё пригодится. Чтобы не сойти с ума на войне, надо относиться к ней, как к опасной работе. Ведь работают люди спасателями, шахтёрами,

пожарниками, вулканологами. Надо просто хорошо делать свою работу. Без рефлексии. Цинковые гробы во Львов, Ивано-Франковск, Винницу, Житомир, Киев совсем не способствовали укреплению дружбы между народами. Но не я первым начал это кровопролитие. Какая могла быть жалость к тем, кто сжигал заживо людей на Куликовом поле в Одессе, кто из самолётов расстреливал мирных жителей в Донецке, кто в Краматорске засовывал в зад мужикам арматуру, а потом сбрасывал на дно шахты, как гитлеровцы – молодогвардейцев. Кто насиловал женщин, расстреливал из пушек и танков стариков и детей. Какая антитеррористическая операция! Это – настоящий геноцид жителей Юго-Востока, истребление собственного народа.

Наш ротный прошёл много «горячих точек» по всему миру, но такого, как на Донбассе, он не видел нигде. Под огнём «Градов», «Ураганов», «Точек «У» наша рота потеряла много бойцов. Это – чудо, что мы выжили под Саур-Могилой, когда хохлы утюжили своей артиллерией каждый квадратный метр в районе падения «Боинга». Там был настоящий Сталинград. Конституционный порядок таким способом на собственной территории не наводят. Это – война на истребление.

Украинские войска старались избегать прямых боевых столкновений. Из-за низкого морального духа личного состава. Большинство солдат не понимали причин и целей этой войны. А долбить из пушек и танков издалека – вроде бы как на учениях. И если бы мы не стреляли в ответ, они сохранили иллюзию безнаказанности. А так прилетало и по ним, у них тоже не было запасных жизней, как в компьютерных играх, они умирали навсегда. Только страх возмездия останавливал карателей.

Иловыйск, Дебальцево, Донецкий аэропорт... Сотни украинских парней погибли на полях сражений, а ещё больше попало к нам в плен. Если бы не приказы командиров остановить наступление, то мы давно были б в Киеве. Но после каждой победы следовала команда сверху – перейти к обороне. Политики в высоких кабинетах начинали торг.

Донецкий аэропорт я помню современным красавцем, когда он принимал гостей Евро-2012 со всего мира. Трансокеанские лайнеры взлетали и садились каждые пятнадцать минут. Многоцветье флагов, многозвучье языков. А сейчас – сплошные руины. Откуда ещё и стреляют.

Аэропорт уже находился под нашим контролем, но в подвале ещё оказывали сопротивление национальные гвардейцы. Моему взводу была поставлена задача – провести разведку боем подземных коммуникаций. Под Дебальцево много бойцов ранило. Им на смену пришли местные добровольцы. Отряд получился смешанный: половина – старожилов, половина – новобранцев. На стрельбах новички показали себя неплохо, но как поведут они себя в условиях реального боя, я не знал. Нам выдали приборы ночного видения, и мы по одному спустились в подземелье. У меня с детства страх перед всякими подвалами, и я очень не люблю темноты.

Я отправил вперёд пятерых добровольцев из Сибири. Парни выросли в тайге и были хорошими охотниками. Тыл замыкал Барса со своими европейскими воинами-интернационалистами. Сам же остался посередине колонны, окружённый в основном новобранцами. Неожиданно впереди завязался бой. Ви-

дать, сибиряки нарвались на противника. Началась перестрелка. Сверкающие очереди трассирующих пуль освещали подземелье.

Только приказал солдатам залечь, как под лопатку мне уткнулся автоматный ствол.

– Спокойно, командир. Не дёргайся. Сдай оружие по-хорошему. Нельзя быть таким доверчивым.

Меня обезоружили и стащили с головы прибор ночного видения, прежде чем я успел разглядеть лица предателей. Но по голосам я понял, что это – мои новобранцы.

Если в их задачу входил мой захват, то кричать, звать на помощь Барсу и сибиряков было бесполезно. В узком проходе диверсанты положили бы всех, ведь мои бойцы наверняка постарались бы не стрелять по своему командиру. Похитители приказали мне спуститься в канализационный люк, потом свернули в какой-то боковой тоннель, и ещё долго шли по нему, пока не попали в столб пробивающегося сверху дневного света. Ещё ткнув для острастки меня в бок автоматным стволом, перебежчики приказали мне подниматься по железной подвесной лестнице наверх.

Выйдя на свет божий, я оказался в каком-то перелеске, разрушенное здание аэропорта чернело вдаль, на расстоянии километра. Меня окружали бойцы в камуфляжной форме с жёлто-синими нашивками на рукавах.

Потешный карцер в львовской «Криивке» аукнулся мне настоящим тюремным застенком у бандеровцев. За время своего плена я сменил три тюрьмы. Славянск, Днепропетровск, Киев. Общие камеры, одиночки, карцеры. Везде – избиения и пытки. Из кормёжки – тюремная баланда, хлеб да вода. Меня допрашивали разные следователи от отъявленных садистов до вполне интеллигентных образованных людей. Относительно себя я ничего не скрывал. Откровенно рассказывал про любовь к Кате, гибель брата в Одессе, что пробрался в Донбасс и записался добровольцем в ополчение по своим убеждениям. Относительно военных тайн был нем, как рыба, за что и получал побои и увечья. К Киеву я уже недосчитался трёх зубов, сильно болели рёбра, часто кружилась голова, и случались обмороки. Я таки достиг своей цели: оказался в Киеве. Но только не в роли воина-освободителя, а в качестве военнопленного.

– Георгиевским крестом и орденом «За воинскую доблесть» бандитская власть простых террористов не награждает. Вы хоть понимаете, Данила Владимирович, что вы – военный преступник? – задал мне риторический вопрос следователь, мой ровесник, в киевской тюрьме. – По закону военного времени вас могут даже расстрелять.

– Сделайте одолжение. А то все только пугают, но никто не осмелится, – безразличным тоном ответил я.

– Послушайте, Козак, вы же умный человек, юрист, блестящую карьеру сделали, что вас занесло в эту шайку убийц?

– Вы это о чём, пан следователь? О национальной гвардии? Так я там не был.

– Перестаньте ёрничать. Вы прекрасно понимаете, про что я говорю. С нами – вся Европа, весь мир. А Россия после агрессии в Крыму и Донбассе стала страной-изгоем. Скоро в Северную Корею превратится.

– Раньше вы – в Сомали.

Моя дерзость остаётся без ответа. Следователь вызывает конвой.

На следующем допросе меня ждёт сюрприз. Рядом со столом следователя на стуле сидит Катя Иванова. У меня язык присыхает к нёбу. Я не в состоянии выдать из себя даже слова.

– Вот, Козак, к вам – гостя. Надеюсь, хоть она сможет повлиять на вас.

Следователь уходит, и мы остаёмся с Катей наедине. Господи, как долго я ждал этой минуты, сколько мне пришлось пережить на пути к ней. Вот она, милая, родная, желанная, к ней я стремился через смерти и войну.

Катя бесшумно встаёт со стула и подходит ко мне.

– Бедный Данилка, как же тебе досталось! – она проводит кончиками тонких пальцев по моему лицу и шее, но в моей душе ничего не шевельнётся.

Она – пуста, как эта допросная камера.

– Зачем ты здесь? – заставляю себя спросить её.

Она падает мне на грудь и, целуя моё окровавленное лицо, причитает:

– Даня, Данечка, Данила, следователь сказал, что тебя ещё можно спасти. Ты только должен выступить по телевидению с осуждением донецких сепаратистов. Текст уже готов, ты только зачитай его перед камерами. Да, будет суд, но, учитывая твоё раскаяние, тебе дадут условный срок. И ты даже сможешь послужить в украинской армии. И мы, возможно, когда-нибудь снова будем вместе. Нам же так хорошо было вдвоём.

Я – безмолвен, как истукан. Не такой я представлял нашу встречу, не об этом мечтал. Вместо того, чтобы вырвать невесту из лап демонов, сам попался к ним в плен, и теперь она предлагает мне самому стать демоном. Хороша перспектива!

Я отстраняюсь от Кати и ледяным тоном говорю:

– Ты ошиблась, пана. Я Родину на бабу не меняю.

Она испуганно пятится к двери и что есть мочи колотит кулачками по гулкому железу.

2015 год

С полным текстом повести можно ознакомиться на сайте

Томской областной библиотеки имени А. С. Пушкина

<https://elib.tomsk.ru/purl/1-14723/>

Или на сайте военной прозы Луганского информационного центра

http://okopka.ru/b/barchuk_d_w/majdandljadwoih.shtml

У Дмитрия Викторовича 30 мая был юбилей. Искренне поздравляем с 60-летием и желаем крепкого здоровья!

Софья РУБАКОВА

**ЖИЗНЬ БЕССЮЖЕТНА,
И ТОЛЬКО ТЕМ ХОРОША**

* * *

Успеть бы немного
До первого снега:
Не то чтоб дорогу
Осилить с разбега,
Полшага – не дальше!
Полслова – не больше!
До листьев опавших,
До первой пороши,
Где след голубиный
И след человеческий
И невозвратимы,
И недолговечны,
И всем не до смеха,
И всем на работу,
А мне бы до снега
Запомнить хоть что-то,
До скрипа, до хруста,
До боли запомнить,
Как в городе пусто,
Как в комнатах томно,
И холод по коже,
И слабость, и негу,
Которые тоже
До первого снега,
До снега – а дальше
Всё будет в порядке.

Но как это страшно.
И как это сладко.

* * *

Раньше твердила, пряча за тем уныние:
Жизнь бессюжетна и только тем хороша,
Но теперь я живу и вижу вокруг сплошные
Акты, ремарки, поклоны и антраша.

Значит, сюжет. Оперный или балетный,
Литературный – тоже не дай Господь,
Где начинается день, непременно летний,
Или кончается самый счастливый год.
Значит, любовь. Ибо нет без любви сюжета.
Это канон, *ma belle*, так иди к венцу
С тем, у кого ничего кроме бюджета
И эполетов. Белый тебе к лицу.
Значит, финал. Ибо нет любви без финала,
Смятое платье, вечер, письмо, дуэль,
Ты опоздала. Ты ни о чём не знала.
Всё по канону. Нет ничего, *ma belle*.
Станешь монахиней, нищенкой ли, виллисой,
Или уедешь зализывать раны в Рим,
Это уже постскриптум и взмах кулисы.
Значит, об этом позже договорим.
Значит, теперь оставим тебя на верной,
Долгой дороге в сырую юдоль отцов.
А первому, кто заикнётся о постмодерне,
Посмейся в лицо и вдогонку швырни кольцо.
Я же твержу, как безумец, забившись в угол,
Прочь ото всех этюдов и аллонже:
Жизнь бессюжетна, и это её погубит,
Жизнь бессюжетна!
Дайте другой сюжет.

* * *

Здесь не звенеть ключам, не гореть свечам.
Здесь ни святых мощей, ни чужих вещей.
Сердце моё теперь не твоя печаль.
Сердце моё теперь не печаль вообще.
Что тебе сердце? Чёрный свечной нагар.
Яблочный сахар, горькая пастила.
Там, где оно пропустило один удар,
Смерть улыбнулась, но стороной прошла.
Здесь не гореть кострам, не звенеть ветрам,
Здесь не гремит броня, не живёт родня.
Но в незаметных потёках кардиограмм
Что-то ещё случается для меня.

ТОСКА ПО СРЕДИЗЕМНОМУ МОРЮ

Зимую мне снится море. В промёрзшей насквозь квартире
Мне снится одно и то же, всегда с октября по май.
Зимую любое море бездонно, как снег в Сибири,
Бескрайне (как Север Крайний) и может свести с ума.
Мороз обжигает кожу не хуже жары на юге,
В сугробах найти тропинку сложнее, чем в море – брод.
Мой бог простирает длани с Фессалии до Устюга,
Он лёд превращает в воду и вертит круговорот.
В неверном фонарном свете снег кажется тёмно-синим,
И в каждом сугробе мнится извилистая волна.
Зимую любое море становится Средизимним –
Нельзя утонуть, но можно затылком достать до дна.

СВОБОДУ КРОЛИКАМ!

Я эти строки пишу без паники,
С холодной, трезвою головой.
Всё реже всплывает в глубинах памяти
Замыленный, стёршийся образ твой.
Живу нормально. Мне всё до лампочки.
В миру побывала и на пиру.
И даже в моей медицинской карточке
Примерно написано, как умру
(Но там пока далеко от истины –
Болезни лечатся задарма).
А все стихи, что тебе написаны,
Давно позабыла и я сама.
Лишь иногда, не дождавшись отклика,
Чтоб я не смела идти вперёд,
Безумная память тебя, как кролика,
Из шляпы волшебника достаёт.
«Гляди, какие глаза и усики,
А помнишь, однажды в кошмарном сне...»
Всё держит тебя, запасного узника,
В чёрном цилиндре на самом дне.
Но лет прошло уже ровно столько,
Чтоб было не страшно за жизнь свою,
И я с транспарантом «Свободу кроликам!»
Пойду на Сенатскую, постою.

ЭНДШПИЛЬ

От шахматной доски до гробовой
Добраться бы и рухнуть с головой
В простую деревянную коробку
Где никаких занятий не иметь
Но изредка просчитывать в уме
Свой путь как наименее короткий
Как сладко говорить «я не приду»
В незнании прозябая как в бреду
Не видеть ни упрёка ни усмешки
Как сладко говорить «я не умру»
Гамбит подобен смерти на миру
По крайней мере с точки зренья пешки
Расходятся квадратные поля
И падает фигура короля
И некого и незачем утешить
Не партию теряя но контроль
Я прошепчу да здравствует король
Который год да здравствует король
Который год не завершится эндшпиль

* * *

Нелюбимые дети морской стихии
За прибрежным гулом скрывают стоны,
Я хотела писать о тебе стихи, и
Такие, чтоб были тебя достойны,
Чтобы отзвук тихой протяжной песни
По воде дошёл до тебя однажды,
И морская вода обернулась пресной
У тебя в ладонях в минуту жажды,
Затянулись шрамы, свернулись шторы
В шепоток ракушки, шнурком обвитой,
А иначе где мы. Иначе – что мы,
Нелюбимые дети подводной битвы,
О какие камни сбиваем пальцы,
У какой скалы обрели *post mortem*?
Не живут у берега землепашцы.
Только те, кого не забрали в море.

* * *

Ты знаешь: всё не навсегда. Ты к этому готов.
Бросаешь страны, города, друзей, детей, котов,
Ты можешь избежать суда, участия в войне,
Но за тобой идёт беда, и ты идёшь за ней.

Какой ни выберешь маршрут, подвал или чердак,
Однажды за тобой придут, и это будет так:
Задует ветер, треснет лёд, ты выглянешь в окно,
Там будет чёрный вертолёт, а может, «воронок»,

Но нет, скорее, вертолёт – как в песне, голубой.
Неважно, что к тебе придёт. Но это – за тобой.
А может, просто чёрный дым повалит из трубы.
А может, чёрный цвет воды не станет голубым.

А может, чёрный человек покажется вдали.
Но сразу щёлкнет в голове, что за тобой пришли.

О, как отчаянно смешны, когда боимся, мы.
Боимся смерти и войны, болезни и тюрьмы.
В мурашках с головы до ног, дрожим и слёзы льём.
Беда – не чёрный «воронок», а тот, кто за рулём.
Беда – не дым, а тот, кто в печь подбрасывал дрова.
Беда – кто приглашает лечь, но не зовёт вставать.

Иные, зная наперёд, зовут её судьбой,
Поскольку пленных не берёт в погоне за тобой.
Беда не ведает любви и презирает блажь.
Ей просто нравится ловить.
На старт.
Готовься.
Марш.

***Софья Рубакова отметила юбилей 4 апреля.
От всей души поздравляем её с этим событием
и желаем дальнейших творческих успехов!***

Ольга КОМАРОВА

И ТЕРПКАЯ СОЛЬ ТИШИНЫ

СТОИТ ПОЭТ НА ПЕРЕКРЁСТКЕ

Стоит Поэт на перекрёстке.
В нём Заяц пробегает серый,
И, вместе с белым снегопадом, –
Он белым медленно стаёт.

За ним Охотник выбегает
и достаёт свою берданку,
он достаёт свою берданку,
он достаёт, и достаёт.

И сани плавно выплывают:
на них Боярыня с морозу,
на них Боярыня с румянцем
и к подвигу устремлена.

И Всадник настигает сани,
он за Боярыней в погоню,
он за Боярыней на муки,
он за Боярыней в огонь...

Стоит Поэт на перекрёстке.
Ушли уже зелёный, жёлтый,
и красный, и зелёный снова,
и только – белый – Он стоит.

ВОРОНА и ЛИСИЦА

Версия

Вороне где-то Бог послал...
Сперва смутилась,
потом уж так собою загордилась,
так комплиментами осыпала себя, –
куда Лисе!

Лиса проходит мимо! –
Ворона правит бал!
Зовёт гостей и мимов,
и музыкантов, и поэтов
для похвал.
Ура – Вороне – громкий хор вскричал!..
весь сыр ушёл в оплату тех похвал, –
и вновь на ветке сгорбилась
Воронушка уныло.
и снова ждёт,
чтоб Бог послал.
А Он не шлёт!

Ведь надобен же труд да пот,
да самоуваженье,
талант, и к правде-истине влечение, –
а коль на ветке, сгорбившись,
сидеть – ни сыру не видать,
ни песен петь.

* * *

Румяные булки заката
и розово-снежный зефир,
я вас полюбила когда-то,
приняв приглашенье на пир.

Потом будут серые гренки
чумазных российских снегов,
разбитые вусмерть коленки
и поиск счастливых подков,

и чёрствыые хлебы разлуки,
и горькая водка вины,
и – дети!.. И дети, и внуки,
и терпкая соль тишины.

И вот в завершение пира
приму я на посошок
белейший снежок зефировый
да белого света глоток.

* * *

Пережимая морозы,
переживая зиму,
в наших берлогах дышим
корочкой мандарина.

Белым и бурым медведям
хлипкие мы соседи.
Только синички нам верят
да снегири светят.

* * *

Волчице

Твоё звериное чутьё
несёт тебя намётом ровным.
Вытаивает по сугробам
весной наивное зверьё.

Напившись крови, – дальше мчишь
и воем выстилаешь выси...
Охотник твой ещё не вышел!
Родился только что, малыш!..

Но он – охотник – подрастёт,
а ты, волчица, станешь тише.
И треск ствола его услышишь,
а он увидит твой полёт...

Лети, волчица, мчись, кружись
и закусь с сентябрьским ветром!..
Пусть лают выросшие детки
и тоненько пищит Малыш.

* * *

Какого цвета пятница? Седого
серебряного поля в жемчугах.
А – звука? Настроения? Простого,
как пенье перепёлки в ковылях.

Так просто гнёздышко её, пестры яички,
так дикая поляна хороша,
что улетает пятничною птичкой
моя свободная и певчая душа.

У МЕНЯ

Здесь в кофейной чашечке
подают соль.
Здесь получишь чаю
из рук Ассоль.
Подувавшей Ассоль,
не дождавшейся Пера,
что была для поэтов когда-то
Флорой, Таис, Венерой.

ДАЧИ

Детский щебет, птичий свист.
В вист играют у соседей.
Вот придёт починщик Федя
и починит телевиз...

Ор: ругают мужичка,
что явился утром пьяный.
Кто-то тешится кальяном,
кто – играет в дурачка.

Дым кальянный, дух сенной!..
И куражится погода:
Солнце в низких тучах ходит,
глядь, зарядит проливной...
Дождь. Попрятались под крыши.
Жесть грохочет – просто жесть!
Больше ничего не слышу!..
Жисть – жесть – жисть – жесть –
Жиисть!..

* * *

Понагадала мне Дева летучая
смуглой скулы:
«Будешь красивая, умная, жгучая, –
выше хвалы.
Станешь любима и долгожительна,
только учти:
будешь терять их!».
...Любила, да мучила!
Пепел любимых в горсти.

* * *

Старая Кошка и старая Дама
жили на свете довольно упрямо.
Дама уже на ногах не стояла,
и не мяукала Кошка – скворчала.

Дама ворчала,
Кошка скворчала,
лет на двоих
им было немало.

Сами себе не особенно рады,
и от небес не имея преграды,
жили две старых вдали от народа,
живо волнуемы только погодой.

Мир потерялся в пожарных дымах,
плыл в наводнениях на крышах домов,
от пандемии страдал и войны,
Дама терзалась недугом спины.

И какова бы, казалось, мораль?
То ли Планета нешуточно злится?
Кошки, старушки и прочие лица, –
Маленьких Жителей всё-таки жаль...

* * *

Ворона каркнула.
Волчица улыбнулась.
Рысь вздрогнула. И Заяц задрожал.
Все звери для тебя во мне проснулись.
А ты мне только слово и сказал!..
Вставали травы, реки и столетья
меж нами. И клинок лежал.
«Но Он пришёл!», – прокаркала Ворона.
«И – улыбнулся!» – взяла Волчица.
Рысь – прыгнула.
И Заяц побежал...

АМУР

Вот и приходит мужчина к женщине ниоткуда.
Лихо, беспечно топает, насвистывая мотив.
Сверху следит Господь за нею, покуда
свищет стрела Амура, женщину угостив.

Встала столбом. Огляделась. Чего-то ищет.
Где я? – думает. Кто – я? А это – кто?
Рядом мужчинка какой-то беспечно свищет.
Хмыкнула и припечатала: конь в пальто!

И пошагала было, как встарь ходила.
Но проростало в груди её – золотом – острие.
Этот Амур был, к слову, большой мазила!
Да и у Господа срочно сыскалось дело своё.

Вот с той поры и свищет мужик беспечно.
Есть у него и жёнка, и хата, и всё при нём.
Женщина, со стрелой, прикипевшей навечно, –
так и стоит столбом,
так и горит огнём.

Валентина Чубковец

Рассказы

Последнее желание...

По лесу мы уже плутали более двух часов с полными вёдрами брусники. Усталые, досыта насладившись лесным воздухом, искали дорогу домой. Дважды выходили на одно и то же место, делая огромный круг.

– Сбила ты меня, доченька, давеча я тебя правильно повела, а ты на своём настояла, вот и ходим кругами вокруг да около.

Я молча соглашаюсь с мамой, не находя нужных слов в оправдание, удивляюсь, как умело она ориентируется в лесу и как я со своим упрямством увела её совершенно в другом направлении. Хочется бросить ведро, и даже не жалко, что более четырёх часов потратила на сбор ягоды. Но всё же несу. А мама ничего, идёт, бодро идёт впереди, сухонькая, махонькая, а я за ней еле успеваю, и, похоже, ведро ей не в тягость, да и на плечах у неё котомка, тоже нелёгкая. Она привыкшая. Мне стыдно, но виду не показываю, наоборот, пытаюсь упрекнуть её, мол, куда столько ягоды.

– Зима длинная, с собой в город ведёрко-два увезёшь.

– Не нужна она мне, оскому набила от этой ягоды, на год вперёд наелась.

– Это ты сейчас говоришь, а вот зима придёт...

Так мы и пришли к нашему дому, я – недовольная своей тяжёлой ношей и усталая, а мама, невзирая ни на что, радовалась, что наконец-то вышли.

Отец в лес с нами не ходил, наверное, оттого, что тучный был и каждый наклон давался с усилием, да и дома надо было кому-то остаться, за скотинкой приглядеть. Он ещё и покушать приготовил. Помню, как вкусно жарил яйца на шкварках, картошку с грибами, щи варил, борщ, даже помогал пельмени лепить. Умел готовить. На этот раз окрошка и никакого майонеза. А может, тогда его и в помине не было. То ли дело домашняя сметанка, квасок, только что с грядки сорванные огурчики, лучок, он ещё хрен добавлял, на тёрке тёр. Огурцов у нас всегда полно нарастало.

Мама стянула с себя кирзовые сапоги и стала бережно снимать с них и со всей своей одежды непрошенных гостей: червячков, жучков, паучков... Сейчас, спустя много лет, я задумалась над её трепетным собиранием букашек, которых она унесла через дорогу. Мы жили на окраине села, напротив дома – лесок. Нет, она не заставила меня, чтобы я проделала то же самое. Но её незначительный поступок остался в моей памяти. На тот момент ей было далеко за семьдесят. И она, уставшая, продлила жизнь этим насекомым. Многими своими поступками привила мне любовь ко всему окружающему.

Помню, как-то я с ней на кладбище пошла, а оно от нашего дома не близко. Устали, на каждой могилке порядок навели, там только семь её детей захо-

ронено – моих братишек и сестрёнок, а ещё сколько родни... Где подровняли надгробье, листву сгребли, оградки подкрасили. Так она ещё и с других рядом находившихся могилкок взялась траву выдирать.

– Мам, да что ты, пошли уже, это совсем чужие люди, вон заросли какие. Родственники не убирают. А тебе это надо? – возмущаюсь я.

– А все мы, доченька, родственники, и меня когда-то земля примет, вдруг с моей могилки кто-то соринку сметёт, когда ты не сможешь приехать.

– Живи и о смерти не думай, мы тебя в город увезём, там и похороним, когда время придёт.

Со временем мы на самом деле перевезли маму в город. Как-то собрала она нас, дочек, в городской квартире, в которой и прожила-то всего ничего, каких-то лет пять, а то и меньше. Тепло, печку топить не надо, вольная вода льётся, тогда ещё водосчётчиков не было, а у мамы был свой. Она набирала в большую эмалированную чашку воду, в ней-то и мыла посуду. Умела экономить, каждую каплю жалко, говорила она. Ценила водичку, берегла, разговаривала с ней. Теперь и я разговариваю с водичкой, жаль, с мамой не поговорить, разве только мысленно и когда во сне увижу. Давно в мир иной ушла, а мы выполнили её просьбу. Похоронили там, где она просила. Тогда же, когда собрала нас всех, то попросила: «Вы уж, девчонки, как я помру, в Батурино меня увезите, там и схороните рядом с детьми и отцом».

– Ишь, чего захотела, – отшучивались мы, – везти в такую даль, бензин жечь. Ты теперь городская, на городском кладбище и похороним.

Наверное, не поняла она нашей шутки. Взгрустнула. А мы...

Я счищала осеннюю листву совершенно с чужой городской могилки и думала – кто же с маминой-то уберёт.

Чужое имя

«Девяносто два «А», четвёртое окно» – высветился номер очереди на табло. Объявили по громкой связи, затем повторно. Но никто не подходил. Тогда я заглянула в талончик находившейся рядом со мной женщины и говорю:

– Что ж вы сидите, проходите в четвёртую кабинку, – указываю рукой на кабинку, – ваш номер объявили.

– Мой? – удивилась она и, резко соскочив с места, направилась к нужному окну.

– А сумку, сумку-то забыли! – кричу вслед, протягивая ей сумку.

– Да пусть стоит, кому она нужна, – но всё же сумку она взяла.

Через минуту-другую всё та же женщина подошла ко мне с просьбой:

– А вы мне не поможете на сотовый телефон денежку положить? За квартиру взяли, за свет, а за телефон не хотят, говорят, в терминале рассчитываться надо, а я там не умею. Боюсь.

– Конечно, помогу.

И я исполнила её просьбу, хотя сама недавно научилась это делать, тоже боялась.

Вместе вышли из Сбербанка, и пошли рядышком в одном направлении.

Оказывается, она живёт в квартале от меня. Слепяло солнышко, искрился недавно выпавший снег. Было безветренно и совсем не холодно. Мы разговорились. Когда она назвала своё имя, мне только и оставалось добавить:

– Тёзка вы, значит, моя.

– Ага, тёзка-хлёстка, – вырвалось у неё. Почувствовав её негодование, добавила и я:

– Кстати, мне тоже моё имя не нравилось, по-церковному я Лизой должна быть. Это сестра меня так назвала, обманула маму, мама меня дома родила...

Так хотелось рассказать случай с сестриним обманом, но тётя Валя меня опередила:

– А мне моё. Моё не моё...

Она как-то доверительно посмотрела на меня и, сбавив голос, словно кто-то нас подслушивал, продолжила:

– Галя я. Галя, – ещё уверенней повторила она, перейдя на шёпот.

Тут я засомневалась, не зная, как к ней теперь обращаться. Да и неважно, думаю про себя, можно просто на вы, раз так пошло. Галя, Валя – что к чему? Вроде женщина в зрелом возрасте и недурна собой, а – Галя, Валя... Бред какой-то. Вздорные мысли тут же рассеялись. Посмотрев на меня пронизывающим взглядом, подхватив крепче под руку и сбавив шаг, она поведала мне такую историю.

Галина родилась в небольшом посёлке, но не одна, а с сестрёнкой Валею. Близняшки. Как две капли воды похожи, порой мать родная не различала, что говорить о других. В семье скромно жили, старше их ещё два брата, а младше – сестрёнка Нюорочка. Та долго не прожила – не то скарлатина, не то корь, померла совсем крохой. Отец выпивал, но нечасто. Сильно болел, что-то с лёгкими у него было. Любил девочек, а про мать и говорить нечего – всё для них старалась. Помощницы в доме были.

В школе их часто путали, но порой им это было на руку. Так как Валентина слаба по математике, а русский на ура, а у Галины наоборот – выручали друг друга, никто и не знал, а может, догадывались. Гладко получалось. В старших классах экзамены друг за друга сдавали.

Время подошло, враз повзрослели девчонки. За Галиной начал ухаживать парень с ближней улицы. Парень-то вроде и ничего, и не беда, что мелкого роста, покладистый, а вот родители у него... что мать, что отец выпить любили. Да на всю деревню такое чудили, особенно отец. Зачастую по огороду мать то с ножом, а то с ружьём гонял. А однажды и вовсе скинул в колодец – не утонула, хотя сама пьяная была. Сын вовремя подрос – спас. Жалко было Галине парня, но любви к нему не испытывала, просто жалость. А вот сестрёнка Валюшка влюбилась, как говорят, по уши. Парень её на несколько лет старше был. Военный, высок, умён, обходителен. Приехал в посёлок к родне поохотиться на дичь, да Валюшку-то и повстречал. Вскоре и замуж позвал. Влюбилась и Галина в него. Только виду не показывала, одна мать-то и догадывалась. Материнское чутьё, оно сильное.

– Ох, доченька, хлебнёшь ты, если останешься здесь и выйдешь из жалости замуж. Беспутная семья, да что я тебе говорю, сама всё видишь, а яблочко от яблоньки недалеко... Многого ты не знаешь про эту семью. Кто знает, чего

можно ожидать... В город бы тебе надо. В город. А ты поезжай с Валенькой, поезжай. В Томск приедете, там и оставайся, и поступай на учительницу, как ты хотела. А мы с отцом помогать будем, деньги слать по возможности. Жаль, что Валя в другой город уедет, но что поделаешь, военные, они такие – куда Родина приказала, туда и едут.

Валентинин жених уехал неделей раньше намеченного срока. Телеграмма пришла. Засобирались и Валентина, да не одна, вместе с ней поехали мать и Галина. Нет, они до Томска, это Валентина дальше поехать должна. Но... случилось непоправимое, страшное горе...

С вокзала до родственницы, у которой они хотели задержаться на день-другой, поехали на такси, тут и произошла авария. И поскольку Валентина сидела на первом сиденье рядом с водителем, а тогда никакого ремня безопасности в помине не было – смерть была мгновенной. Что испытали на тот момент Галина и мать, думаю, описывать не надо. Но когда об этом рассказывала тётя Галя, то моя кожа покрылась мурашками, изменилась в лице и она. Будто сегодня это было, вся картина перед глазами – говорила тётя Галя со слезами на глазах:

– А мама меня с этого момента стала Валею звать. Я думала, ну что вот с ней, наверное, помешательство какое. Нет, твердит «Валя» и всё. Мама, да что с тобой, что?! Валя разбилась, нет её, не-е-е-т.

Вдруг смотрит она на меня словно стеклянными глазами и говорит:

– Займи место её, теперь ты для всех будешь Валею. Сохрани тайну навсегда и поезжай к своему возлюбленному. Он ждёт тебя. Поезжай, доченька! Поезжай, – слёзно повторяла она. – Отец наш последние деньки доживает, я одна не потяну на свою пенсию. Видит Бог, ты любишь его, и это вовсе не предательство сестры. А Валенька, она только будет рада за тебя, что хоть ты счастлива будешь. Её уже не воскресить.

– Мам, о чём ты говоришь, какое счастье?! Это чужое счастье – Валюшкино!

Но она снова взмолилась:

– Крестом Бога прошу, езжай, а я похоронами займусь. Похороним Галочку в нашем посёлке. Мы только имя твоё похороним, доченька. Только имя...

– Ма-а-ама-а, очнись, – кричала я. Но она меня не слышала, а всё плакала и молилась, что-то нашёптывая про себя.

– Я никуда не поехала, просто не могла оставить маму, да и как я могла не проводить в последний путь мою милую, единственную сестрёнку. Брат служил в армии, а у другого только сын родился, – рассказывала Галина в расстроенных чувствах.

«Вот это мы познакомились...» – подумала я. Мурашки по коже, даже представить не могла, что такое в жизни бывает. А самой не терпится продолжение услышать. Переживаю, конечно. Машины, как назло, снуют туда-сюда, но ухо держу остро, чтобы не проронить ни словечка. Подул лёгкий ветерок, залетали редкие снежинки.

– Вы, поди, спешите? – спросила она, поправляя свою сумку.

– Нет, некуда спешить, на улице хорошо, свежим воздухом подышу. А вы так и остались в той деревне? – не вытерпела я.

– Да нет же, я тебе ещё не всё рассказала. Наша родственница, что здесь жила, ну, к кому мы на денёк хотели заехать, договорилась с людьми, и мы на

грузовой машине уже в гробу привезли Валеньку домой. Брат из армии приехал, на похороны к сестре опоздал, а вот к отцу успел, на девятый день после Валиной кончины отец помер. Вот говорят же, одно горе не бывает, и пове-ришь, – снова поправила сумку на плече.

– Приехал и Валентинин жених. Телеграмму от родственников получил, что разбилась Галина, а Валентина, сестра, то есть я, приехать не может. Вот и приехал забрать меня. Не догадался. Не догадался и парень, что бегал за мной, с соседней улицы. Я видела, как он скорбит. Скорбит по мне... А я и слова ска-зать ему не могу. Стою у гроба зарёванная и с сестрой прощаюсь, и с именем моим. С собой прощаюсь!.. Ох, не объяснить это словами, – глубоко вздохнула тётя Галя. – Не объяснить... Никто и из сельчан не догадался о нашем с мамой сговоре. Благословила она нас наскоро. Ни разу не спутала имя, как задумала, так и называла. Сильная была мама, но... вскоре отец её к себе зазвал, годиков через пять, однако.

– На протяжении всех лет хотела мужу правду рассказать, но поклялась маме у гроба сестрёнки – не выдавать тайну. Поклялась. Так и жила... Ты не представляешь, Валечка, как было тяжело жить с чужим именем, мучилась в душе, особенно первое время. Сильно мучилась, – покачала она головой. – Сколько раз думала признаться мужу, – снова повторила, – но не могла маму подвести. Да и вообще – махнула рукой. Не понял бы люд в посёлке, если бы правда открылась, осуждали бы нас. И... – глубоко вздохнула.

Повисло молчание, но громкий сигнал машины заставил нас обернуться, Валентина продолжила:

– Так и жила под чужим именем, с чужим счастьем. Оно и моё было, и любовь взаимная. Сильно его любила. Сильно. Третий год как помер, не хватает его. А когда уже вторые сутки как в коме был, я с ним и поделилась своей тайной, прощения просила, умоляла, чтобы простил. Нарыдалась... Говорят, порой они всё слышат, когда в коме. Он даже пальчиком шевельнул, а может, мне так показалось...

Думаю, простил. На душе полегчало. Словно от тяжёлого груза освободи-лась. Вот и сейчас как-то легче стало, когда с тобой поделилась. Есть что-то в тебе такое при-тя-га-а-тель-ное, – протянула она.

– Не знаю, – пожалала я плечами. – Рада, что вам легче стало. Приобняв её на прощанье, пожелав здоровья, попросила разрешения написать об этом. Добро дала, но с условием – ни фамилию, ни адрес, где это всё происходило, не ука-зывать.

Повалил густой снег, ветер набирал силу, похолодало. Тётя Галя свернула направо к своему дому, а я в глубоком раздумье пошла к своему.

У Валентины Анатольевны Чубковец 7 мая был юбилей, а на-куне прошла презентация новой книги «Цена свободы», где со-браны её рассказы-были. Поздравляем от всей души Валентину Анатольевну с юбилеем и с выходом нового сборника, желаем здо-ровья, оптимизма, долголетия!

Татьяна Леонтьева

*Рассказы из сборника «Суп без фрикаделек»
(Нур-Султан: Фолиант, 2021).*

Местные жители

Мы с Валькой жили на шестом этаже, а Стрельникова на одиннадцатом. Хорошо жили: вместе ездили в Муху, вместе – обратно в общагу, вечером на ужин друг к другу заходили. Если мы к Стрельниковой поднимались, она нас угощала своей фирменной стрельниковской яичницей, с жидким желтком, в который так вкусно макать хлеб. Ели мы прямо из алюминиевой сковородки. «А вы в курсе, – каждый раз приговаривала Валька, – что эти сковородки опасны для жизни? Частицы алюминия оседают в наших телах!». Мы не верили, но однажды Валька очистила сковородку кусочком хлеба и повертела им у наших носов. Да, белый хлеб однозначно приобрёл алюминиевое напыление... После этого фирменное блюдо стало уже не таким аппетитным.

С Валькой мы учились в разных группах, а со Стрельниковой – в одной. Валька – на графдизайне, мы – на книжной графике.

Стрельникова занимала активную жизненную позицию, брила голову наголо и носила серёжку в носу.

Интересовалась новыми знакомствами и рискованными мероприятиями. Валька была домашней девочкой, неожиданно в свои двадцать два выпавшей из гнезда. Чуть сутулилась, в компании пряталась в уголок, смеялась, прикрывая зубы ладошкой. Фразы выпаливала скороговоркой, а если хотела высказаться обширно, то иногда застревала на каком-нибудь свистящем согласном звуке.

Мы с Валькой не были бедными студентами. И ей, и мне родители присылали достаточно денег. Мы не голодали, могли позволить себе купить телефонный аппарат, ковёр, чайник или магнитофон. Мебель, конечно, не покупали, мебелировка в мухинской общаге традиционно подбиралась на ближайшей помойке. Мы красили ободранные столы вонючей краской, проветривали – и жили. Или не красили и жили с ободранными. Словом, быт был налажен, однако денег всё равно не хватало. Или хватало впритык. В обрез. И у нас постоянно обсуждались идеи, как можно денег подзаработать.

А Стрельниковой вроде бы меньше присылали или реже, поэтому она гораздо раньше нас начала чесаться и искать работу. То детскую площадку раскрасит, то мультики устроится прорисовывать. А мы с Валькой в конце месяца бродили по супермаркетам и выискивали порванные упаковки с просыпанными бубликами или печеньем, чтобы утащить несколько штук на десерт.

Мы не умели организовать свой бюджет.

В общем, мало это походило на «взрослую жизнь» в большом городе.

Однажды Стрельникова спустилась к нам на ужин. Валька разогрела суп из сайры, я заварила чай.

Стрельникова присела на колченогий стул и огорошила нас:

– Девчонки! В кино не хотите сняться?

– А как? – спросила я.

– Кто, простите пожалуйста, возьмёт нас туда? – добавила Валька.

– Короче, тема такая, – начала Стрельникова. – Массовка на «Ленфильме».

Платишь тыщу рублей, тебя вносят в базу данных, а потом приглашают на съёмки. Эту тыщу сразу отбить можно, в первый же день. Ну а потом как дело пойдёт, понравишься ты или нет...

– А если, с позволения спросить, не понравишься? – вставила Валька.

Меня тоже смущала «тыща» в начале. Всё это походило на какую-то разводку. Мы выразили свои сомнения Стрельниковой.

– Девки, вы чё такие трусихи? Я же это не с потолка взяла. Я с девчонками с третьего курса общалась. Они уже третий год снимаются. И вообще такая нормальная подработка. Короче, как хотите, а я лично пойду.

Стрельникова допила чай и ушла к себе. К кастингу готовиться, наверное.

Мы с Валькой стали держать совет и в конце концов решили, что попробовать надо, хватит быть дармоедами. Звёзд из нас не выйдет, зато посмотрим, как снимается кино, и получим опыт работы. Ну и что, что статистами. Тыща рублей в день – а работа не бей лежащего.

И на следующий день мы отправились вместе со Стрельниковой. Вноситься в базу. Валька накрутила ресницы, Стрельникова уложила отрастающие волосы гелем, а я так и не придумала, как себя украсить, и просто какое-то время репетировала перед зеркалом, притащенным с помойки, с помутневшей по краям амальгамой, разные выражения лица. На какую роль я сгожусь, интересно?..

Мы заготовили тыщи и явились на «Ленфильм». Попасть туда оказалось не так-то просто. Нужно было ждать у проходной какую-то женщину, которая потом долго вела нас коридорами, где пестрело от плакатов и фотографий артистов. И всюду запертые двери. И на табличках имена. Или даже так: Имена. Там, за дверями, скрывались великие актёры и режиссёры. А мы миновали их, чтобы создать потом из себя фон для их явления на экране. Миновали, пересекли двор, и опять коридоры, и вот наконец мы у цели. Здесь принимают людские массы. Массы выстроились в очередь к фотографу.

Кому-то пудрили нос широкой кисточкой, кому-то предлагали другую рубашку для фотографии. Нам ничего не предложили, переписали паспортные данные, забрали деньги и сделали с каждой из нас по два кадра. Я успела продемонстрировать только два выражения лица из созданной накануне коллекции. Ну ничего, остальные продемонстрирую на съёмочной площадке.

Однако на съёмочную площадку нас долго не звали. Мы уже успели всё проклясть и наехать на Стрельникову – мол, из-за неё мы потеряли свои тыщи. Но нет, съёмочный процесс медленно, но верно шёл по намеченному плану. И вот наконец мы понадобились. Наш час настал!

Час настал очень ранний. Совсем сонные, мы явились к семи утра по указанному адресу в какой-то ДК. Изнутри ДК производил впечатление заброшенности: советские интерьеры и тишина, тишина... Но вот мы поднялись на второй этаж и увидели, что в недрах ДК скрывается очень интересная кухня.

Четыре загородки образовывали небольшой костюмерный цех. Вдоль стен рядами стояли длинные двухэтажные вешалки с самой разной одеждой. Примерно как в секонд-хенде. Только до верхнего этажа нельзя было дотянуться, и костюмерши снимали наряды специальными длинными тросточками. В цеху управлялись две шустрые женщины, к которым мы, народные массы, опять-таки выстроились в очередь. Стоять было очень волнительно, мы пока не знали, какую одежду нам подберут, и, хотя нас пока никто не снимал, «кино» вроде как уже началось. Сейчас подойдёт наша очередь, и мы переоблачимся. И Валька будет уже как бы не совсем Валька, а Стрельникова не совсем Стрельникова, а я не я. Может быть, даже выражения лиц не понадобятся, и наряд сам сделает своё дело, задаст тон, и случатся какие-нибудь чудеса...

Между тем мы обратили внимание, что ряды одежды очень темны и суровы по цвету, а из-под рук костюмерш, как с конвейера, выходят первые «готовые» люди: в каких-то не то рубищах, не то фуфайках...

– Слушай, Стрельникова, а что за фильм? – спросила Валька.

– Да я точно не знаю, – ответила Стрельникова. – Говорят, про войну.

У меня дух захватило. В детстве я обожала книги про войну и постоянно воображала себя участницей событий. Я мучилась вопросом, сдала бы я своих, если бы меня поймали фашисты, или нет. Я представляла, что живу в катакомбах, как Володя Дубинин, и сражаюсь плечом к плечу с партизанами... Иногда я воображала себя в главной роли такого сюжета, а иногда моими актёрами становились куклы, вытаскивающие друг друга с поля боя. Но поскольку большинство кукол были женского пола, чаще приходилось играть в лазарет или просто в тыл. Тыл. Все мужчины ушли на фронт. И нечего есть. И нужно ждать, и верить в хорошее, и работать, и кутаться во все тёплые вещи. Я надевала на куклу халат поверх платья, пальто поверх халата и шубу поверх пальто. Я знала, что в войну были зверские морозы...

– А какой сюжет? – спросила я.

– Ой, девки, да не знаю, – сказала Стрельникова. – Знаю только, что это про американскую журналистку, которая приехала в Ленинград и попала в блокаду.

И тут подошла наша очередь. Костюмерши не смотрели на наши лица, они только спрашивали размер – одежды, обуви – и тут же метали на стол наши «исторические костюмы». Вальке досталось бабушкино пальто, а нам со Стрельниковой – ватники. Вальке – пуховый платок, а нам – старые бесформенные шапки. Ноги ухнули в валенки с галошами. Но для меня не нашлось нужного размера, поэтому мне выдали какой-то сборный вариант: один валенок нужного размера, но дырявый и без галоши. Второй – в галоше, но просторный. Ногу приходилось подволакивать. Но ничего, сказала я себе, может быть, у меня ранена эта нога или обморожена. Всякое может быть.

Пахли наряды так же, как в секонд-хенде – дезинфекцией, и немножко пылью, немножко старым чемоданом. В общем, так, наверное, и пахло кино.

Мы закутались в тряпки и выстроились в новую очередь – к автобусу.

В автобусе сели на задний ряд. В городе ещё было темно, и на улицах – пусто, и среди людской массы пассажиров – тихо. Выглядела людская масса как пленники, покорно едущие на убой. И только один здоровенный парень в шапке-ушанке громко рассказывал соседу, как всё будет происходить. Обед будет

у актёров, а у нас только чай, но бесплатный. Два перерыва. Двадцать дублей. Зарплата через месяц.

Рассказчика я обозвала про себя Бывалым.

Меня склонило в сон, и совсем расхотелось куда-то ехать и что-то делать. А вдруг нам действительно придётся «умирать» и двадцать раз подряд падать в грязный снег? Мы простудимся? И нашей зарплаты нам хватит только на лекарства?

Вдруг мне стало стыдно своих мыслей. Нет, не выдержала бы я пыток, однозначно.

...Мы ехали и ехали. И мне всё казалось, что сейчас кто-то, как экскурсовод, должен рассказать нам, куда же нас везут и что от нас требуется. Автобус подходил на экскурсионный и этим расслаблял, настраивал на отдых. Но впереди нас ждала работа! Настоящая работа впервые в жизни.

Уже рассвело, когда мы въехали на Елагин остров. Нас выпустили из автобуса и повели на лужайку перед дворцом. То есть это летом она – лужайка с травкой, «по газонам не ходить»... А сейчас, ранней весной, она была покрыта подтаявшим снегом, местами образующим довольно глубокие лужи. Впереди толпы выступил какой-то мужчина и, кажется, стал объяснять нам нашу задачу. Но слова уносило ветром, и мы переспрашивали впереди стоящих, поняли они что-нибудь или нет.

Наши коллеги сообщили нам отрывочные сведения. Мы – местные жители. Нас согнали полицаи с собаками на показательную казнь двоих партизан. Чтобы нам неповадно было.

Толпа ходила ходуном, люди как-то хаотически двигались, каждый по своей траектории, как вдруг я ощутила, что движение становится общим и направляется к центру, и впереди стоящие пятятся на нас, а стоящие позади поджимают сзади. Было слышно тревожное бормотание. А ещё впереди, ближе к дворцу, что-то происходило, но никак нельзя было рассмотреть что. Справа прошёл Бывалый в ватнике нараспашку, его тянула вперёд настоящая овчарка. Бывалому досталась роль полиция. «Стоять! – закричал он. – Не расходиться! Глаза не опускать!» И собаки, как по команде, залаяли.

Не знаю, как Вальке и Стрельниковой, но мне стало до одури страшно. Я вцепилась в Валькин рукав. Мне захотелось забраться в самую середину в толпе, чтобы собаки меня не достали. Но всем моим соседям хотелось, видимо, ровно того же, и толпа волновалась от каждого рывка собачьего поводка.

Кто-то толкнул меня, отбил от Вальки. Стрельникову я совсем потеряла из виду, меня вынесло вперёд – и тут я увидела. Увидела, что там, у дворца, происходит.

Там вешали партизан. Их было двое: молодой мужчина и молодая женщина. Они стояли на невысоком помосте, в разорванных рубашках, измученные, на шее у каждого висела деревянная табличка, на которой корявой вражеской рукой было написано «Смерть партизанам!». Руки у них были связаны, а вокруг суетились исполнители приговора, поправляли верёвки, делали свою чёрную работу. И вот... и вот... И вот близилась ужасная минута, и собаки просто надрывались от лая, некоторые так прямо задыхались, хрипя. Люди вокруг стали закрывать лицо руками, но я смотрела, я всё видела. Фашисты дёрнули что-то

за помостом, и женщина-партизан успела крикнуть: «Ненавижу!» – так громко она это крикнула, что у меня заколотилось сердце и мурашки по спине побежали. И я зажмурилась, но успела увидеть, как тела партизан взлетели вверх. Я поняла, что вот они сейчас умрут, и этого никак не поправить, ничего никогда не вернуть.

И как они, эти убийцы, этого не понимают? Сволочи!

Мне захотелось броситься на здорового Бывалого и вцепиться ему в лицо, но вот... Вот я открыла глаза. Толпа понемногу расступилась, а наши герои, бесстрашная женщина-партизан и молчаливый мужчина, спускались с виселицы, чуть покачиваясь на каких-то подтяжках.

Уф!..

Живы!..

Но всё равно им, бедолагам, холодно.

...А потом были двадцать дублей. Двадцать раз полицаи теснили наш круг и кричали: «Не отворачиваться!». Двадцать раз мы сбивались в кучу, и двадцать раз начинало моё сердце колотиться от страха. Двадцать раз женщина кричала жутким сорванным голосом «Ненавижу!» – и двадцать раз затягивались смертоносные петли. И я понимала, что это всё как бы понарошку, кино же ведь – вот, опять спускаются наши герои на подтяжках, как на батут... Но ком у меня в горле набухал и набухал.

Когда наметились сумерки, я поняла, что ноги онемели, что дырявый валенок у меня полон воды с весенней лужайки Елагина острова, что я хочу есть, пить и в туалет, и что работа в массовке – не из лёгких.

Перед автобусом нас напоили чаем из пластиковых стаканчиков. Говорить не хотелось, и мы втроём даже не смотрели друг на друга почему-то – так, грели руки. Но потом я не выдержала и сказала:

– Бедные.

– Чего бедные? Чего бедные? – спросила Стрельникова.

– Как чего? – ответила за меня Валька. – Столько раз умирать! Ты только представь себе это! У них же нервное напряжение! Они же сгорают, ты что, не знаешь разве? Потому все актёры и пьют...

– А сколько они получают, знаешь, эти актёры? Думаешь, нам по тыще заплатят, а им, как думаешь, тоже по тыще? Нет, им по двадцать тыщ, может быть, а если они очень крутые, то и по пятьдесят.

Такой меркантильный поворот разговора вернул нас в реальность, и мы забрались в автобус и проделали обратный путь с острова к ДК и вернулись из старых одежд местных жителей в свои одежды жителей приезжих.

По пути домой обсуждали, сколько же может стоить съёмка такого фильма. Если сто человек массовки получают по тыще, то это уже сто тыщ. Если два крутых актёра, то плюс ещё сто. А сколько возьмёт себе режиссёр? А гримёр? Водитель автобуса? Костюмерши? А чай? А питание для артистов? А построить всё это – помост и так далее, подтяжки наладить? А камеру по рельсам пустить? И монтаж потом?

Когда в подсчётах перевалили за несколько миллионов, мы бросили это занятие.

Побежали будни. Нашего гонорара пришлось ждать так же долго, как и

приглашения. Но всё-таки его выплатили. Стрельникову пригласили ещё раз сниматься, в другой уже фильм, а нас с Валькой почему-то не пригласили. Фактурой, может быть, не вышли, а может, не то выражение лица было...

Целый год мы спрашивали друг друга, не слышно ли что-нибудь про выход фильма. Заходили в магазины с дисками и спрашивали про американскую журналистку: нет ли новинки?

Однажды я встретила в метро Бывалого полицейя. Он был пьян.

И только года через два мы узнали, что фильм всё-таки вышел. Я купила диск, и мы собрались с девчонками на просмотр. Никого звать не стали – на случай, если плохо получились. Я вообще считала себя нефотогеничной, а Валька всё твердила, что у неё на записи голос получается какой-то писклявый.

Мы смотрели фильм в темноте и в тишине. Как-то не удавалось сконцентрироваться на злоключениях журналистки, хотя она постоянно была в кадре. Но мы всё ждали: когда же, когда же?.. А сюжет почему-то даже и не подбирался к теме партизан и местных жителей... И мы уж стали думать, что это не тот фильм и тут какая-то ошибка, как вдруг Стрельникова вскочила и крикнула:

– Да вот же оно! Смотрите!

И стала тыкать в экран. А на экране общались между собой главные герои. Герои стояли на фоне окна. А за окном, где-то там, далеко, можно было различить расплывчатое пятно толпы на белом поле, и где-то за толпой взлетели вверх две фигурки.

Кадр занял две секунды. Ну или, может быть, три. Главные герои продолжили жить своей непростой военной жизнью, а мы, опешив, всё глядели и глядели, и досмотрели фильм до конца. И больше там про наших партизан ничего не было. И про Бывалого полицейя – тоже. Ну и уж, конечно, негодились ни наши выражения лиц, ни наши галоши.

И Стрельникова всё говорила, что кино – ну это просто запредельно дорогой вид искусства. Что если на одну секунду фильма уходит тысяч четыреста в день...

А мы с Валькой молчали. Валька, может быть, думала, что полицейя непременно сопьётся. А я всё вспоминала, как кричала та женщина и как лаяли собаки. И я знала, что она там, в фильме, всё-таки кричит, а мы тоже там есть, и нам страшно. И, может быть, поэтому не страшно ей.

Все они люди

Миша всё время говорил, что работу найти не проблема. Ну и что, что у меня нет образования. Зато у Миши есть много друзей. Вот Марта Евдокимова работает в «Афише». Им же наверняка нужны корректоры? Или Саша Гальего. У него вообще собственное издательство. Сам Миша уже лет десять как нигде не работал.

Я листала газету с вакансиями, а Миша обзванивал друзей. Они охотно поздравляли его со свадьбой, но когда дело доходило до трудоустройства, друзья говорили что-нибудь вроде: «Старик, да я и сам едва свожу концы с концами...».

А Марта и впрямь взяла меня на работу.

Няней.

Детей было двое: Игорёк и Санька. Я приезжала на «Удельную», топала до садика и робко заходила в ворота. Долго переминалась с ноги на ногу и наконец перешагивала порог, пытаюсь напустить на себя непринуждённый вид. Я чувствовала себя самозванкой: пришла за чужими детьми, веду их неизвестно куда – и никто ни о чём не спрашивает. Я всё время ждала, что полная тётя меня окрикает: «А ну-ка, гражданочка, а вы кто такая? Вы же не мама?». И спрячет Саньку и Игорьку у себя за спиной. До выяснения обстоятельств.

...После этого мы шли домой через парк.

В наше расписание входили прогулка, обед, мультики и досуг до прихода родителей.

Хуже всего я справлялась с прогулкой. Игорёк и Санька мне представлялись драгоценностью, незаслуженно переданной на хранение в мои дырявые руки. Я не спускала с них глаз. Но поскольку ребят было двое, иногда один терялся где-то в кустах, и я начинала в панике бегать по дорожкам.

Обед Марта готовила сама и оставляла нам на плите. Более того, она настаивала, чтобы я тоже ела и вообще чувствовала себя как дома. Марта знала Мишу уже много лет и могла представить, какой режим питания он мне предлагал. Однажды Марта сварила кальмара. Я впервые видела кальмара своими глазами. Кроме того, во время этих обедов я открыла, что каша со сливочным маслом гораздо вкуснее, чем без. У нас с Мишей не было холодильника, и масло мы никогда не покупали.

Мультики были прописаны только по полчаса в день. Это мне нравилось. Мне вообще нравилось, как Евдокимовы воспитывали детей. Компьютер был под запретом, мультики только советские, никаких тебе аниме и прочего безобразия. Правда, однажды Игорёк хитро мне улыбнулся и сказал:

– Вот там, на шкафу, папа положил «Симпсонов». Мы с Саней не можем дотянуться. А ты сможешь.

– Нет, – ответила я. – Я тоже не дотянусь.

Досуг мальчишки занимали буйными играми, а я как девочка тянула их к пластилину и к вырезанию снежинок.

Иногда Марта задерживалась, и я укладывала Игорьку и Саньку в постель. Открывала книжку. Глава за главой, глаза у меня самой уже слипались, а Игорёк просил: «Ну ещё, ну ещё немножечко». В горле становилось сухо, но я никогда не отказывала.

В детстве мы с сестрой часто болели, тогда мама нас усаживала на диван и наливала два ведра горячей воды. Это называлось «греть ноги». Опускаешь сначала пальцы, очень горячо и страшно, а потом ныряешь по колени и замираешь в предвкушении книжки. Мама открывает «Жаконю» или «Волшебника Изумрудного города» и читает. Вода остывает, мамин голос хрипнет, а мы жуём солёные огурцы и готовы так болеть хоть две недели.

У Евдокимовых мне хотелось надстроить кровати третий ярус, забраться туда и тоже просить кого-нибудь: «Ну ещё чуть-чуть!». Но я была безнадежно большой. Я была большая, замужем, я работала няней, получала вечером деньги и тратила их в магазине по пути домой.

С Евдокимовыми я познакомилась ещё до свадьбы. Мне уже тогда казалось, что я греюсь у чужого огня, настолько у них было уютно. Книжки на полках, лоскутное одеялко, на полу всегда какой-нибудь замок из конструктора, разбросанные детские игрушки.

Марта яркая и самостоятельная дама. У Марты необычные наряды. Смотрит она внимательно и чуть лукаво. Марта умеет жарить котлеты. Ходит на концерты и выставки и знает кучу музыкантов и художников. У Марты интересная работа. Свои убеждения и взгляды на жизнь. Двое здоровых ребятшек и надёжный муж.

Евдокимов сильный и широкоплечий. За ним как за каменной стеной. Он серьёзен и прям. Когда Игорёк задирает Саньку, Евдокимов берёт обидчика за руку и спокойно говорит: «Погоди. Подумай, что ты сейчас сделал». Игорёк сопит и думает. Евдокимов строит дом в Парголово. Своими руками: фундамент, стены, обшивка, всякие коммуникации. Я до сих пор не знаю, почему летают самолёты, как в кран попадает вода и как сколотить табуретку. Люди, которые строят дом своими руками, всегда вызывали у меня благоговение.

Это настоящая семья, и будет ли у меня когда-то такая же? С моим-то Мишей? Каждый вечер я уходила от Евдокимовых с неохотой. Мне хотелось остаться с ними на кухне, есть кальмара, говорить об интересных книгах, а потом уснуть под лоскутным одеялком. На правах приёмной дочери.

Я представляла, что вот есть у меня такая семья. Два сорванца и серьёзный муж. Я спешу домой с работы, в сумке пачка рукописей, перед сном читаю, в пакете какой-нибудь игрушечный автомобиль для ребят... Дома уютно горит ночник, дети рассказывают наперебой, как провели день... Я улыбаюсь и рассматриваю их рисунки и поделки... Да, ещё надо санки достать с антресоли, зима на носу... В выходные всей семьёй пойдём кататься с горок... Скоро придёт муж, надо спросить про санки...

Миша в эту картину совершенно не вписывался.

А ещё Миша говорил, что все люди одинаковые. Что нельзя их делить на хороших и плохих, на талантливых и бездарей. И особенно – на умных и глупых. «Все они – просто люди», – объяснял Миша. Как же, думала я, люди не делятся? Вот он, например, читает «Братьев Карамазовых», а Инга-соседка – «Панораму ТВ». Вот я, например, мухи не обижу, а сосед сверху недавно запинал ногами телефонного мастера, когда тот пришёл чинить аппарат. Наверное, люди всё-таки разные.

При этом Миша не был человеколюбив. Миша не любил компании, и в присутствии посторонних то и дело вытирал лоб, откашливался и не знал, о чём разговаривать. И вздыхал с облегчением, если нужно было сделать что-то конкретное – передвинуть кому-нибудь шкаф или отдать пальто, например. «Бери-бери, – говорил он, – у меня другое есть». И всю зиму ходил в осенней куртке.

Когда Миша выпивал, он обнаруживал три стадии любви к людям. Сначала он очень радовался гостям и пел им песни. Уговаривал остаться ночевать, а то и пожить недельку-другую. Потом взгляд его становился всё тяжелее, в какой-то момент он говорил что-нибудь вроде «Ну а ты что за хрен с горы?» и мог ни с того ни с сего на человека наброситься с кулаками. За этим следовала третья фаза – безразличие. Миша ложился спать.

Паша с Маришей попали к нам в фазу вытирания лба и откашливания.

Инга работала тогда в пункте приёма стеклотары на соседней Красноармейской. Иногда мы с Мишей, два праздншатайки, к ней туда заглядывали. Это был настоящий сырой подвал с низкими сводами и грибок на стенах. Все эти катакомбы были до потолка заставлены коробками с пустыми бутылками. В «приёмной» сидела Инга на овечьей шкуре и выдавала деньги. Бомжи Ингу уважали и даже боялись. Чтобы подраться там при ней или сказать грубое слово – такого не было.

Однажды, когда мне не хватало на проезд к детям, я собрала бутылки, оставшиеся от приёма гостей, и явилась к Инге. Очередь расступилась, и один дедушка мне сказал: «Проходите-проходите». Я сказала, что не тороплюсь, но остальные тоже ни в какую не хотели идти вперёд меня, как будто я беременная женщина или сказочная принцесса.

Инга брала бездомных на работу. Нужны были грузчики и мойщицы посуды. Мойщица стояла в дальнем помещении возле старой чугунной ванны, доверху наполненной грязной мыльной пеной и размокшими этикетками. Руки её утопали по локоть. Двигалась она как автомат. Зрелище это меня так поразило, что однажды я захватила бумагу и пристроилась на пороге, чтобы сделать набросок. Вот это жанровая сцена! Это на целую выставку потянет. «На дне», остросоциальная тема, и это вам не какие-нибудь там фоторепортажи...

В какой-то момент я осторожно у мойщицы спросила: «Вы не против... что я тут сижу, вас рисую?..». Она обернулась и долго недоуменно на меня смотрела. «Да мне что, жалко, что ли?» И на рисунок даже не взглянула.

Мариша иногда подменяла эту мойщицу, а Паша грузил коробки. Инга их к себе не приглашала. Они её провожали до дома, долго курили у нашего подъезда, потом Инга закрывала дверь, а Паша с Маришей плелись на чердак заброшенного дома. Однажды Инга к нам постучалась и сказала:

– Орлов! Дай водички попить!

Позади неё маячили Паша с Маришей.

Миша налил стакан воды и протянул Инге.

– Да вы это... – неуверенно сказал он. – Проходите, чего на пороге-то стоять.

Паша с Маришей оживились. Все достали по новой сигарете.

– Да вы это, – произнёс Миша, потирая лоб. – Садитесь вон поближе к пельнице.

Инга раскрыла пакет и достала пиво. Ребята прошли в комнату и сели торжественно, как будто попали за праздничный стол. Я поняла, что у нас гости.

Через час Миша уже обнимал Пашу и восклицал:

– Да я всё понимаю! Да я сам жил на улице пятнадцать лет! Оставайтесь у меня!

Миша так говорил – «на улице». На самом деле он просто бродил от одних добрых друзей к другим. Его оставляли присматривать за кошками, когда уезжали в отпуск. Просили покараулить дачу. Кроме того, Миша был любвеобилен и иногда по несколько лет жил у восторженных женщин.

Паша – чернявый мальчик лет двадцати. Формально он бомжом не являлся, был зарегистрирован в какой-то комнате, но помимо него там прописались во-

семь братьев и сестёр и ещё множество сомнительных родственников. Потом эта комната сгорела. Родителей у него не было, вырос Паша в детдоме.

Я спрашивала:

– Ну а после детдома, там разве не помогают? С работой, например?

Паша отвечал:

– Да кому ты нужен? Взрослый человек – иди гуляй. Как хочешь, так и крутись.

Марише тогда было лет тридцать. Ресницы у неё как у куклы: длинные, жёсткие и загнутые кверху. По лицу рассыпаны веснушки. Волосы пышные, вьющиеся. Она была на самом деле очень красива, но мышцы лица у неё, казалось, одеревенели, как на морозе. На лбу проступали ранние морщинки. Мимика была неподатлива.

В четырнадцать лет Маришу изнасиловал отчим, и тогда она убежала из дома. На большую дорогу. Её подхватывали дальнбойщики, потом случайные прохожие. В конце концов Мариша научилась брать с них за это деньги. Тем и жила.

У Мариши начисто отсутствовала стыдливость. Она могла громко журчать в туалете, при этом смеяться и продолжать разговор. Переодевалась она прямо при мужчинах. Не потому, что хотела соблазнить или была распущенна – нет. Просто она не видела в своём теле что-то личное, что следует прятать от чужих глаз. Когда она раздевалась, я заметила, что она не носит белья. Я подарила ей колготки, бельё и джинсы. Мариша принарядилась, ушла гулять, а вечером вернулась вся вывалянная в грязи.

– Вы думаете, мне важно, чем она там раньше занималась? – кипятился Паша. – Это всё в прошлом, а теперь мы вместе, я её в обиду не дам.

Жили они на чердаке с такими же бедолагами. Я видела этот дом, когда ходила в гости к Федьке Евтюхину. Буквой «П» здание с выбитыми окнами, под снос, там уже давно не было воды и электричества. Но на верхнем этаже вечерами загорался тусклый огонёк.

Я пыталась представить себе всё это. Когда я иду к метро по переходу, всегда краем глаза наблюдаю за бездомными. Да, боковым зрением, потому что в упор посмотреть страшно: разбитые лица, раннее старение, грязные одежды... Этот удушливый сладковатый запах немытого тела. Как же это получается? Не на улице же они родились! Вот был дом, а потом из него кто-то выгнал, обманул – так, что ли? Ну, предположим, я оказалась на улице. Предположим, ещё тепло. Первую ночь я провожу в подъезде или на лавке. Стоп, но почему же на лавке? Ладно – родственники, сумасшедшая мать или отчим-зверь. Но есть же друзья? Одноклассники? Первая учительница? Соседи? Можно же к кому-то попроситься на порог? Переждать, устроиться на работу? Снять жильё и работать? Почему же эти многие не идут ночевать к однокласснику или к соседке, а идут греться в переход? Мысль моя заходила в тупик.

Может, дело в алкоголе? Я представляла, как пью запоем, а потом меня выгоняют из дому. Друзья и знакомые отворачиваются, потому что от меня разит перегаром и одежда моя неопрятна. Я хочу есть и отправляюсь на Сенную площадь, выглядывая на лавках объедки. А потом пустые бутылки. И иду к Инге в приёмку. Десять рублей – хватит на стеклоочиститель. А потом – всё. Потом я

перестаю чувствовать сладковатый запах, который исходит от моего тела. Я не вижу зеркал и не смотрюсь в витрины, я только на ощупь могу понять, каким опухшим и обветренным сделалось моё лицо. Но я не достаю рук из карманов, потому что холодно, холодно, холодно, и наконец меня занимают только три мысли: греться, есть и пить. Пить, чтобы оставались только эти три простые мысли.

Я ездила к детям. Мы пристраивали на гору подушек панель от стола, Санька с Игорьком с визгом съезжали и прыгали вокруг нашей горки. Потом я рисовала им картинки, а они их старательно раскрашивали. К приходу Марты мы устраивали выставку на холодильнике, прикрепив рисунки магнитами.

Я возвращалась домой и видела всё ту же сцену: Инга, пиво, Паша с Маришей. Миша спит. Однажды я застала Маришу у плиты. Она варила суп из овощей.

– Суп? – спросила я. – А откуда деньги взяли?

К тому моменту деньги у всех уже кончились, пиво тоже, и Паша с Маришей пили стеклоочиститель.

– Да там... – ответила Мариша. – Возле магазина выбрасывают овощи. Нет, они не испорченные, так только, немножко отрезать... Будешь?

Господи, думала я. Мой муж алкоголик. Я работаю няней. У меня на кухне бомжи варят суп из протухших овощей.

Когда Миша наконец протрезвел, он долго хмурился, потирал переносицу, прочищал горло, и однажды всё-таки сказал:

– Ребят... Сегодня посидеть не получится... Таньке заниматься надо...

– Да мы всё понимаем, – протянули Паша с Маришей и понуро засобирались.

– Да я сам пятнадцать лет жил на улице... – приговаривал Миша.

На улице холодало.

После того как гости наконец ушли, у меня стали чесаться ноги. Это блохи, подумала я, или даже вши. Мой муж алкоголик, бомжи пьют стеклоочиститель, мы завшивели, а я работаю няней.

– Миша, мне кажется, у нас вши. – Я изнемогала от зуда.

У Миши ничего не чесалось, и он говорил:

– Это у тебя нервное. Выпей на ночь валерьянки.

– Я схожу в КВД, – заявила я.

– Ни в какое КВД ты не пойдёшь, – отрезал Миша.

Я представила, как проходит день-другой, я обедаю с детьми, катаюсь с горки, украдкой чешусь, а потом мне звонит Марта и говорит: «Ты пока не приходи, у нас карантин. Санька с Игорьком где-то подцепили вшей. Ох уже мне эти садики...».

Я сама позвонила Марте и сказала, что заболела. И отправилась в КВД.

– Раздевайтесь, – сказала врач. – На что жалуетесь?

– Да вот чешусь вся, вроде как блохи, но никого не видно... – Я зябко ёжилась от холода и стыда.

Врач нашла у меня паразитов всех мастей: платяных, нательных, бельевых и даже лобковых.

Я принесла Мише стопку рецептов.

– Вот, – сказала, – вот до чего доводят нервы.

Я искупалась в какой-то дустовой отраве, а Мишу побрила налысо.

И вскоре поехала к детям.

Уже подступала зима, незаметно протекли полгода, и Миша то и дело говорил: «Хватит тебе ездить к этим Евдокимовым, нашла тоже чем заниматься. И так проживём...». Но я плохо себе это представляла – как мы проживём без Евдокимовых. «Мне у них нравится! – заявляла я. – У них настоящая семья». «Видел я эту семью, – ворчал Миша. – Марта дома не бывает, а Евдокимов вкалывает как лось». «Она тоже работает!» «Выёбывается она больше, чем работает!» Такие разговоры у нас обычно заканчивались не очень хорошо. Впрочем, Миша иногда вставал на сторону Марты и говорил, что она, конечно, сама виновата, но Евдокимов иногда перегибает палку и ругает её прямо при гостях. Я такого своими глазами никогда не видела и потому Мише не верила.

Однажды мы с Игорьком и Санькой припозднились на прогулке. Скверик находился в двух шагах от дома. Уже темнело, но мальчишки никак не хотели бросить мяч и угомониться. В стороне курили какие-то парни. Вдруг один направился к нам и спросил:

– Который час?

Я достала из кармана телефон, зажгла экранчик и ответила. Сунула мобильник обратно. Парень отошёл к друзьям, а вернулся уже с ними. Зашёл сзади, закрыл мне рот ладонью и спросил товарища:

– Ты перец взял?

Я оцепенела от ужаса и не могла ни пошевелиться, ни закричать. Мне и рот зажимать не надо было, я просто превратилась в столб. Я только думала: «Сейчас меня будут насиловать и убивать прямо при детях. Сыпанут в глаза перцу, а потом будут насиловать и убивать. Прямо при детях».

Дети вырвали мяч и стояли открыв рот. Наконец Игорёк заревел.

Парни отпустили меня и скрылись в темноте. Ко мне вернулся дар речи. Я всё ещё не могла понять, откуда пришло спасение; я схватила Саньку за шиворот и просто перекинула через ограду. Подсадила Игорька. Даже перебросила мяч. И мы, крича от страха, побежали домой как оголтелые.

Сердце у меня колотилось, дети ревели. В конце концов мы успокоились, я уложила их спать и почитала книжку. В этот вечер Марта задерживалась.

Я сунула руку в карман и даже рассмеялась. Там не оказалось телефона. Им всего-то и нужно было, что телефон. Они вытащили из кармана телефон, они не собирались меня убивать и насиловать прямо при детях!

Я с ужасом ждала Марту. Ведь я не оправдала доверия, господи, что она скажет?

Марта поставила в прихожей сумки, выслушала меня и воскликнула:

– Чёрт побери! А я в это время сидела в театре!

Мы покурили на кухне, я тряслась и умоляла меня простить. Но Марта твердила:

– Да это я виновата. А как у вас с Мишей? Знаешь, всё это ненадолго, помани мои слова. У меня первый муж тоже такой был...

– Но теперь-то Евдокимов? За ним-то ты как за каменной стеной?

– Теперь да, – отвечала Марта. – А ты подумай.

Я думала всю дорогу домой. Когда я открыла дверь, Миша посмотрел недобро.

– И где тебя всё это время носило? – спросил он.

Я рассказала об ограблении.

Миша долго кричал, что больше не пустит меня к детям, что Марта бегаёт по театрам, а его жена должна сидеть с чужими детьми... Что он давно говорил: добром это не кончится. «Вообще-то мне за это деньги платят!» – кричала я.

А после Нового года няня оказалась не нужна: Евдокимовы переехали в Парголово. И я очень долго их не видела.

К нам всё так же заходила Инга. Рассказывала, что Паша с Маришей уехали куда-то в Купчино и больше о них ничего не известно.

Через два года мы с Мишей развелись.

А через пять лет развелись Евдокимовы.

Сергей Лушников

МЫ В ОТВЕТЕ ЗА ТЕХ, КОГО ПРИРУЧАЕМ

Встретились они оригинально. Он, Александр, студент политеха, шёл по улице Никитина, было поздно, и к нему привязалась маленькая собачонка, которая не только злобно лаяла, но и бросалась на него. Он останавливался, делал шаг-два в её сторону, та отскакивала, но стоило ему продолжить свой путь, собачонка опять с остервенелым лаем пыталась допрыгнуть до его интимной зоны. Он боялся собак, может, поэтому, чувствуя его страх, они и доставали Александра. А началось всё, когда в восьмом классе он шёл на день рождения и его за ногу укусила маленькая собачка.

Второй раз – он уже учился в техникуме и как-то решил сократить расстояние и перелезть через забор плодоовощной базы, чтобы пройти по диагонали, его тогда встретили три овчарки. Спасло суконное чёрное пальто, которым он закрыл голову, а вот ноги собаки покусали прилично. Охранники стояли рядом и смеялись, думая, что им попался вор или бомж. А когда поняли, что это 15-летний пацан, то вызвали скорую...

Саша шёл тихо вперёд, постоянно оглядываясь и делая угрожающие движения в сторону собаки, но она не унималась. И вдруг услышал звонкий, с усмешкой голос:

– Вроде мужик, а собак боишься!

Он увидел девушку, которая присела за его спиной прямо перед собачонкой и стала с ней разговаривать:

– Ну, ты что лаешь? Иди сюда, милая. Ну иди сюда, иди, – и она стала приближаться к собачке, пытаясь погладить её. Та остановилась, а потом как-то жалобно тявкнула, словно извиняясь, и побежала назад.

Так они и познакомились. Галя, хохлушка, приехавшая в Сибирь из Полтавы к тётке, чтобы поступать в институт, и коренной сибиряк Александр. Оказалось, что тётка Гали живёт в том же доме, где и Саша. И происходило всё это в далёком 1975 году, 7 марта. На завтра у Александра был день рождения, и он пригласил Галю. А она стала хохотать, не смеяться, а именно хохотать. Он обиделся, думая, что её рассмешило то, что день рождения у него 8 Марта, в «женский день». Она кое-как успокоилась, но ещё сквозь смех произнесла:

– У меня тоже день рождения завтра...

Теперь уже рассмеялся Саша, то ли от облегчения, то ли от такого совпадения.

Галя не была красавицей, обычная девушка, но она была создана для семьи, умела по-настоящему любить, готова была отдать всё своему избраннику. Александр тоже умел любить, и это оказалось главным в их дальнейшей жизни. И ей, и ему повезло, и всё благодаря собачонке. Поженились молодые

быстро, оба окончили политех. Жили на съёмной квартире, вскоре родилась дочка, и они уехали по распределению в Нижний Новгород на радиозавод. Там Александр со временем дослужился до главного энергетика, а Галя стала начальником отдела по охране труда. Родились ещё две девчонки, парней не получилось, то ли дата дня рождения повлияла, то ли генетика...

На том и остановились.

Жили они душа в душу. Нет, могли поругаться сгоряча, даже матом послать друг друга, но тут же страстно мирились и никогда не ссорились на глазах у детей. Если кто-то из них делал ребёнку замечание, то другой молчал. «Разбор полётов» тихо проводили уже в спальне, когда спали дети. Галя очень хорошо готовила, а Саша был, что называется, рукастый, оба стали хорошими специалистами, он – в энергетике, она – в охране труда и промышленной безопасности.

Впрочем, был один несущественный, но всё же нюанс. Александр категорически выступал против того, чтобы завести дома собаку, а Галя и старшая дочь Татьяна очень этого хотели. Как только они ни уговаривали его, ничего у них не получалось. Ну не любил хозяин семьи собак – и всё.

Он всегда считал, что собака должна работать, а просто для забавы нечего держать.

– Да, – говорил он, – в деревне или частном доме для охраны собака нужна, даже необходима, а в квартире детей рожать и воспитывать нужно.

Но умная жена, коей являлась Галя, мягко увещевала:

– Животные приучают детей заботиться о ближних, воспитывают в них доброжелательность, открытость, любовь ко всему живому, стимулируют физическую активность...

Александр возражал:

– Эти же качества можно воспитать и без собаки. Что, в семье некого любить? В семье нужно друг друга любить, а не собак. Если в семье нет любви, то никакая собака не поможет...

– У нас в родительском доме всегда были собаки, – приводила новый аргумент Галя.

– У вас был частный дом, они жили на улице и охраняли ваш сад. Их держали не для воспитания и любви, а для дела. Будет у нас частный дом, тогда посмотрим.

К этой теме возвращались не раз, но Александр был неумолим, даже когда просила дочка. Хотя в душе появилась трещина сомнений. Он даже иногда уже соглашался, но в последний момент внутренний голос его останавливал.

И всё же собака в их квартире появилась. Однажды он увидел маленького пуделя на руках улыбающийся дочки.

– Взяли всё-таки, – произнёс он, укоризненно глядя на жену, стоящую рядом.

– Папа, посмотри, какой славный щенок! Потрогай, он такой пушистый!

И ему пришлось дотронуться до щенка. В этот момент почему-то вспомнилось ощущение от шерсти баранов, которую он в детстве сбрасывал вместе с колхозниками в креозотную яму для дезинфекции. Тогда ему эта шерсть даже снилась...

Так появилась у них собака. Он смотрел, как дочка порхает со своим любимцем, и подумал, что его с Галей теперь она любить будет гораздо меньше, ибо появился конкурент...

Особенно остро он почувствовал это, когда однажды пудель его укусил, совсем чуть-чуть, когда ночью Александр наступил ему на хвост. Все проснулись и жалели четвероногую тварь... «Ну вот, – мрачно констатировал про себя Александр, – любовь к живым существам воспитали»...

Однако этот мелкий случай затерялся в сознании, всё же дочке было хорошо, дитя тешилось своим питомцем, хотя утром чаще всего выгуливать собачонку приходилось ему. При этом Александр стеснялся ходить с пуделем, особенно после того, как ему встретился Василий, знакомый охотник, со спаниелем.

– Сашка, ты, как французская барышня, с пуделем гуляешь?! Или дома вши замучили?

Это было унижительно, Александр где-то читал, что пуделей заводили буржуа Франции специально для того, чтобы вши вместо людей кусали собак.

– Какие вши? Дочь взяла, а я выгуливаю...

Пока собаки обнюхивали друг друга, Василий хвастался, что его спаниель кучу уток вытащил из воды.

– Умная до жути, охотница моя, – и он потрепал её за ухо. – Кстати, поедем на охоту, скоро сезон открывать надо.

У Александра было ружьё, от отца осталось, с которым тот ездил на уток, ну а когда отец умер, взял его себе, на память, но ни разу не охотился.

– Хлопотное это дело, разрешение надо будет делать, да и не тянет...

Они разошлись, и после этого он старался выгуливать пуделя в темноте или в глухом переулке. Ну а пудель стал членом их семьи, все были довольны и счастливы, особенно младшие девчонки. Александр сдался, привык, прикипел, как прикипают к своей кружке, пока её не разобьют. Прошло время, и пудель умер. Хоронили его за городом, куда приехали всей семьёй. Дети плакали, а он выкопал яму, положил бездыханное тело питомца и засыпал землёй. Ему тоже было жалко собаку, но ещё больше дочек, которые ревели над маленьким бугорком. Вскоре так получилось, что снова взяли пуделя. Так собаки, казалось, навсегда вошли в их дом.

А в России тем временем генеральным секретарём Коммунистической партии стал Горбачёв, и грянула перестройка. Красивые слова, лозунги и обещания лучшей жизни. Страна проснулась... и пошла вразнос. Митинги, выборы, лозунги захлестнули страну. Пришла свобода слова, а работа стала исчезать.

И проявилась странная закономерность: чем больше слов и свободы, тем меньше зарплата. Но народ так жаждал поговорить, что не заметил, как кучка болтунов захватила все богатства страны и стала элитой. На их некогда закрытый завод стали ездить бесконечные делегации иностранцев, завод вскоре перестал выпускать телевизоры, ибо их стали привозить из-за рубежа, осталась только часть военной продукции, а сокращение происходило массовое, в никуда – на митинги, на рынки, на кладбище...

Перестали платить зарплату, возникла куча проблем. А тут ещё они собирались играть свадьбу старшей дочери Татьяны. Хороший парень Фридрих, инженер, правда, с фамилией странной, даже чудовищной, по мнению Александра, Штейнбок. Но что поделать, дочь, да и тот её любил, и он опять согласился. Деньги, которые семья накопила, обесценились мигом, и свадьба оказалась под вопросом. Но Фридриха пригласила тётка из-под Франкфурта. Он съездил туда, привёз денег, сыграли свадьбу, а через месяц объявили, что хотят уезжать в Германию. Галя как-то быстро согласилась, но для Александра это был шок. Он пытался остановить отъезд, но всё было против этого. Денег не платили, Фридрих потерял работу и не мог устроиться, дочь подрабатывала на рынке среди жулья и бандитов. И он был вынужден отдать дочь с чувством отца невесты из картины «Неравный брак», отдал только не старику, а богатой стране...

Но жить стало легче, как в этом ни грустно было признаваться главе семьи. Дочь вскоре стала присылать по 500 евро в месяц, что хорошо их поддерживало в первое время. Но они никогда не плакались, они пережили вместе со страной и это время. Александр с Василием открыли фирму по изготовлению конденсаторных установок. Эти установки позволяли электрическим сетям уменьшить потери электроэнергии. Сначала их брали плохо, не было денег, но со временем дела пошли. Галя устроилась на новое предприятие начальником по охране труда, дочка Лена и Маша превратились в красивых девушек и уже учились в университетах. Жизнь наладилась. И вот они решили съездить в Германию, к Татьяне, у которой наконец-то родилась внучка. В 2005 году разница уровня жизни показалась значительной. Небольшой пригород, можно сказать, коттеджный посёлок, идеально распланированный, с хорошим асфальтом, аккуратно подстриженной зеленью, казался красивым, даже сказочным. Двухэтажный коттедж, палисадник, несколько фруктовых деревьев и клумбы с цветами радовали глаз.

Встречали их хорошо, душевно. Но лучше всех встречала Анхель, внучка. Она смеялась, почти хохотала, когда Александр разговаривал с ней, и особенно когда подкидывал вверх или кружил. Маленький человечек радовался встрече с дедушкой и бабушкой. Ребёнок оказался на удивление спокойным, как и жизнь у немецких бургеров. Но за неделю пребывания в Германии Александр узнал много интересного.

На самом деле в их стране не всё так прекрасно, как инфраструктура, потому что везде действует жёсткая система обязательств, неписаных правил и внутренней цензуры. К примеру, в субботу утром ровно в 8 утра каждый должен выйти и убрать прилегающую территорию. И так вся жизнь регламентирована, подчинена железной дисциплине, лишнего не скажешь, тем более не сделаешь. Да, в каждой стране свои заморочки, но хочешь жить – подыгрывай...

Пока Александр познавал здешнюю жизнь и баловал внучку, Галя изучала собачью жизнь в Германии, тоже не забывая внучку, в которой не чаяла души. У Татьяны был дома терьер. Именно здесь жена увидела, что выгуливают собак в определённых местах и с собой берут мешочки и лопаточки для сбора кала собаки. Но и собаки здесь защищены. За жестокое обращение существовали

серьёзные наказания – от штрафа до тюрьмы, если касалось особо жестокого обращения или убийства. Это как-то впечатлило Галину и оказало влияние на существенное изменение в их жизни...

Когда они вернулись домой, то Галина вступила в общество зоозащитников и стала активным его участником. В России в то время умерщвляли бродячих собак, не было питомников, по мнению Галины, такое безжалостное отношение к собакам делает и людей жестокими. Но Александр во многом был не согласен и не одобрял увлечение жены. Бродячих собак развелось много, бывали и случаи нападения их на людей. Александр считал, что сначала надо провести инвентаризацию собак, установить налоги на содержащихся в квартирах животных, построить питомники, а уж потом защищать собак, и при этом определить ответственность власти при нападении собак на людей... Они спорили горячо, иногда слишком, так, что расходились по разным комнатам.

К 2012 году средняя дочка укатила в Москву, а младшая вышла замуж, и они остались одни. Свободного времени появилось много, и Александр увлёкся рыбалкой, а Галя уже стала председателем общества зоозащитников и часто ездила в Москву на акции в защиту животных. И наконец зоозащитники заставили Госдуму обсуждать этот вопрос. Галина вернулась радостная, впрочем, вскоре там отодвинули их от обсуждения этого закона, но движение уже нельзя было остановить. И наконец в 2018 году закон приняли в полном объёме, как требовали защитники: животных запрещалось не только убивать, жестоко обращаться с ними, но и воспрещалась пропаганда жестокого обращения. Животные получили такой же статус, что и люди. Галя была довольна, но Александр не увидел в законе пункта, на его взгляд, очень важного – об ответственности властей при нападении бродячих собак на людей.

– Вы защитили собак, а про людей забыли. Да и сам контроль за хозяевами собак очень уж сложно осуществить, – ворчал Александр.

Но жена была довольна и часто пропадала в питомнике для собак. Один раз он тоже побывал там, приехал забирать жену и увидел своими глазами сотни собак, лающих, лежащих, бегающих в клетках. Он смотрел на этот зоопарк и его не покидало раздражение. «Вот ведь кто-то их приручил, а потом бросил. А вдруг хозяин жил один и умер? Или потерялась собака?» – приходили мысли. Он вспомнил, как его дядька топил слепых щенков в ведре, а ещё перед его глазами встала другая картина – как другой дядька убил старого, немощного пса. Он отвёл Джульбарса в конец огорода, привязал к жерди ограды, похлопал его по загривку, оглянулся, чтобы никто не заметил, перекрестился и выстрелил два раза. Саша услышал жалобный визг. А дядя вырыл могилу и закопал пса, служившего ему почти 12 лет верой и правдой. В обед на вопрос о Джульбарсе ответил:

– Умер наш пёс, старый уже был. – Помолчал и добавил: – Да и толку от него уже не было...

Саша тогда промолчал. Но теперь жизнь животных благодаря закону стала вне опасности...

А тем временем они ждали гостью, 15-летнюю Анхель, впервые летевшую самостоятельно, без родителей. Но прилетела она не одна, с собачонкой чихухуа, которую звали Мартой.

– Вот уж эти собаки, влезут же в душу, – промелькнула мысль у Александра, но вслух её не произнёс.

Они с Галиной уже жили в коттедже, ничуть не хуже, чем у Татьяны, по крайней мере, так показалось Анхель. Они возили её по городу, водили в кремль, дважды съездили на Горьковское водохранилище, ходили в кафе, бабушкин питомник, даже театр успели посетить, но недельный отдых внучки подходил к концу. Завтра с утра самолёт, поэтому сегодня бабушка наготовила обед, как на свадьбу: пельмени, котлеты, бигус, салаты, торт, фрукты... Но Анхель ела очень мало, что заставляло Галину охать да ахать по этому поводу. Внучка была привлекательна, высокая, стройная, с большими глазами и русыми волосами, как у Фридриха. По-русски говорила хорошо, грамотно, но акцент всё же чувствовался.

По телевизору стали показывать футбол, играла местная команда. Александр увлёкся игрой на поле. Его команда неожиданно пропустила мяч. Анхель собралась на прогулку с собачкой, а бабушка попросила выбросить мусор в контейнер, который находился в 200 метрах, на краю соснового бора, где они собирали белые грибы. Анхель упорхнула, Александр в это время возмущался игрой своих футболистов, они так и не смогли сравнять счёт, а в итоге ещё пропустили гол. Огорчённый, он пошёл покурить на улицу. Сел на лавочку и рассуждал:

– Вот что это такое? И платят хорошо, игроков накупали, даже зарубежных, а играют из рук вон плохо...

– Ты Анхель не видел? – прервал его монолог голос жены из окна.

– А где она?

– На прогулку пошла да мусор выбросить. Сходи, посмотри, не заблудилась ли?

Александр пошёл к контейнеру. На улице было жарко, солнце заливало своим светом всё пространство, но на синем небе вдалеке, почти у горизонта, висело тёмное круглое пятно, выглядевшее несуразно, как пятно чернил на чистом листе бумаги. Анхель не было видно. Он огляделся вокруг, но никого не обнаружил. Ускорил шаг и почти побежал к контейнеру, мешали шлёпки, поэтому он скинул их...

Увиденное за контейнером заставило его вскрикнуть. Анхель лежала вся в крови, истерзанная собаками. Она была жива, хотя на неё было страшно смотреть. Особенно на искусанные плечо, руки и ноги. Он быстро снял футболку, разорвал её и стал перевязывать правое плечо, из которого бежала кровь, потом перевязал одну ногу, бережно поднял и быстро понёс девочку. Кровь внучки бежала по его животу, заливая шорты. Во дворе ожидавшая их Галина заголосила, но Александр скомандовал резко:

– Не ной, тащи надувной матрац. И чистые тряпки, потом звони в скорую.

Та исчезла, а он положил Анхель на матрац. Потом, когда жена вернулась, стал перетягивать раны.

– Скорую вызвала? – не отрываясь спросил.

– Да, едут... Ох, за что это нам? – Галину душили слёзы...

– Молчи, лучше позвони в полицию, сообщи о бродячих собаках, – он говорил резко, но комок подступал к его горлу...

Тряпки на внучке намокли и покраснели, но кровотечение уменьшилось. Анхель открыла один глаз:

– Деда... похорони Марту... не смогла... защитить...

– Молчи, всё сделаю, милая. Всё будет хорошо. Сейчас скорая приедет, – слёзы выступили на глазах Александра.

Галина тихо плакала, склонившись на коленях перед внучкой. Скорая увезла внучку вместе с ними. Два часа ожиданий, молчаливых, показавшихся долгими и мрачными. Болела голова от мыслей, от горя, от предстоящего разговора с дочкой. Но он твердил только одно:

– Только бы выжила, только бы выжила...

Галя плакала непрерывно, всхлипывая. Он обнял её, и они так, словно изваяние, слившись воедино, приняли известие, что внучка будет жить...

Юрий ТАТАРЕНКО

ЗА ВСЁ СПАСИБО

ДЕСЯТЬ СТРОК ПРО ОДНУ СЕМЬЮ

За свет внесёшь очередной платёж,
Рутинной суетливо коронован –
И вдруг одну простую вещь поймёшь:
Приснишься морю – примет как родного.

Поедем в Крым: Гурзуф, Мисхор, Форос,
Инжир на ужин, но на завтрак – каша...
И сам себе ответишь на вопрос:
«А есть ли смерть?».
Чужая – есть.
Не наша.

БЕЗ ВАРИАНТОВ

Врезалось в память:
Все до единой большие рыбы,
Пойманные на удочку дядей Серёжей, –
Особь женского рода.
А иначе бы дядя Серёжа не кричал,
Вытаскивая добычу:
– Эх, карася тёща!..
Это же он говорил,
Закуривая после бани,
А почему – я так и не понял.
Стеснялся спросить,
А теперь и не спросишь:
Нет уже дяди Серёжи.
Я не курю, не рыбак, не женатый –
Но, бывает, хочется выдохнуть
Вечером у реки:
– Эх, карася тёща...
Если какая рыба
Весело отреагирует –
Я вам скажу безошибочно,
Кто она карасю.

* * *

синий пластмассовый шланг
провожающий в небо
воду и детский смех
именно ты
сделал осмысленным лето

СЛОМАННАЯ ЖИЗНЬ

Пять лет пацанёнку – пора
Отвагой девчонок шокировать!
Растит чемпионов двора
Село небольшое башкирское.

Сосед мой, горбун Абдулла,
Отбегал своё за невестами...
Спрошу на бегу, как дела –
Бутылку поднимет, приветствуя.

Живёт – ни пилы, ни метлы,
Лопаты нет самой затасканной!
Калитка во двор Абдуллы
Закрыта на клюшку вратарскую.

«Подохну – дай знать, не забудь,
Антону Слышко из Барабинска...»
Во рту – полусгнившая жуть.
На клюшке зато – ни царапинки.

Сидит Абдулла у окна.
Суббота. Не выпить – нет повода.
И жёлтая в небе луна –
Точь-в-точь олимпийское золото.

* * *

Немного подождать и рухнуть в поезд,
Проспать пейзаж бесснежный за окном...
Стакан и ложка ненадолго порознь.
А как быть нам – ньютоновский бином!
Внезапной страсти стихло двухголосье.
Сосед извёлся: скоро ли Казань?
И дверь купе туда-сюда елозит,
Как будто хочет что-то подсказать.

ДЕТАЛИ

Брошена куртка –
И прямо на обувь в прихожей.
Видно, хозяйка была не в себе
Сто пудов –
Странно, зигзагами шла,
Удивляя прохожих...
Вот и сценарий короткого метра
Готов.
Тёплой водой
Заполняется белая ванна.
Чёрная куртка
Не вызовет на дом врача.
Двери закрыты.
И всё остальное неважно
Куртке на кнопках
С чужого, мужского плеча.

НЕМОСКОВСКОЕ ЛЕТО

Мне казалось всегда,
Что поэты сродни облакам:
Тише, медленней птиц,
Но улечься в теньке – не судьба.
Чистый лист для поэта
Полезней ведра молока.
Синеве безразлична
Твоя полнота-худоба.
Облакам всё равно,
Что творилось на влажной земле.
Никогда, ни за что
Не поместится облако в гроб.
Я-то думал,
Поэт – кому вечно нужны сто рублей.
Оказалось,
Поэт – кто из молнии делает гром.

ПРИТЯЖЕНИЕ

В Тюмени всегда луна.
В Барабинске вечна рыба.
Приехали, пей до дна.
Я понял, за всё спасибо.
А поезду дальше быть.
И ветру собой гордиться.
Она ждёт его любым.
Его ждёт назад столица.
Со школы вернулась дочь.
Таджики стригут газоны.
В России повсюду дождь
И счастье за горизонтом.

ПОЛНОЛУНИЕ

...И был арбуз от слёз солёным.
И треугольными кубы.
Быть к августу приговорённым
Совсем не то, что просто быть.
И наливаешь сам себе.
И вспоминаешь с неохотой,
Как новенький велосипед
Купил по праву пешехода.
А ты... Тебя... Тебе... Тобой...
Местоимения разрыва.
В окне берёзовая грива.
Стихает ночь. Утихла боль.
Обкусанные заусенцы.
Ночная тяжесть головы.
Луна – как вырванное сердце.
Забыть себя. Смотреть и выть.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Гражданином зимы
В понедельник незрячий
Ощутишь, если лоб
Припечатать к стеклу.
Накануне считал себя

Списанной клячей
В ожидании
Шороха мыши в углу.
Документ на руках,
Но не вписано имя.
Фотографию вклеить –
Нет смысла и лень.
Паспортистке
На память останется иней.
Над кроватью
Пасётся красавец олень.
Как же хочется лета
И рук обнажённых,
Перекрывших, допустим,
Созвездье Стрельца,
И минуты,
Когда недозревший крыжовник
На ладони моей
Тяжелее свинца...

31 ОКТЯБРЯ

Будут тыквы гореть.
Изнутри – но мерцающим светом.
Будет Невский проспект
Притворяться, что этого ждал.
И надеется зрелость,
Что пиво окажется свежим.
И уверена юность,
Что ссора – ещё не вражда.
Мы дождёмся, что счастье наступит.
На чёрную кошку.
Мы дождёмся вопросов: как так, почему, на хрена...
Вот и снег.
Вот и секс.
Вот и СНИЛС.
Вот и «Спутник» под кожу.
Это страх.
Это страсть.
Это страйк.
Это наша страна.

Татьяна ПРОКОПЬЕВА

ТОЛЬКО ПОЧАЩЕ СНИСЬ

* * *

Дмитрию Коршуну

Может, мы друг для друга
Всего лишь сон.
Может, наши слова и дела –
Вода.
Но не ждём пробуждения,
Будто он
Никогда не закончится,
Никогда.
Даже если светает,
Ещё спим.
Продолжению ночи
Скажу «Да».
Но рассвет неизбежен
И неотвратим,
Как рождение заново,
Как беда.

* * *

Карета, кучер, белый альбатрос.
Дорога, степь, вечерние затоны.
А за спиною всполохи и звоны,
Горящий город, утренний погост.
Холодный кофе, горькая слеза...
Бесстыдно день развенчивал объятья.
Благословляя милые глаза,
Мы разрушаем древние проклятья.
Остановись. Ты снова за порог,
Где женщина с глазами Ариадны.
И если Бог и вправду одинок,
Я одиночеству вверяю безоглядно –
Тебя.

* * *

Нет, листья ещё не успели опасть
В нашем саду...
Но трели няяд и русалок
Всё тише, всё глуше...
Приду,
Когда он прошепчет: «Вернись,
Послушай,
Я здесь,
Я тебя у сомнений твоих украду».

ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО ДРУГА ПЕРЕД РАССТАВАНИЕМ

Но полюбил я
С некоторых пор
Ходить тропую тёмной, безотрадной...
Прости за то, что,
Словно дерзкий вор,
Красу твою, безжалостно и жадно,
краду...
Так жаден я до слова твоего,
До взгляда, брошенного хладно...
Не плачь, не отвечай,
Ведь больше ничего не сможет изменить
Судьбы моей нескладной.
И горек хлеб, надломленный тобой,
И в час, когда глаза твои смеются,
Я освещён жестокою звездой,
Лучи её, быть может, прикоснутся
Вот к этой белой скатерти, с её густым вином,
В причастии вечернем.
Позволь покинуть мне пристанище твоё,
Наш необжитый дом. И горького веселья
Хлебнуть ещё глоток, покуда я не стих...
Сияньем тёмным опаливший Душу,
Я тоже раб влечений роковых,
Но не тебе – безумию послушен.
Я ухожу, а ты живи, моя
Сереброкрылая, нежданная певунья.
Я прочитал в глазах твоих огня
Мерцающие знаки...

Новолунье –
И вещей снов, и вещей звёзд пора,
Когда помыслишь вновь о невозможном.
И вечность между нами – не вчера...
Ты видишь будущее.
Я останусь в прошлом.

* * *

Нет у меня ни отчизны, ни крыльев Бога.
Ты мне звучишь отовсюду печальным гонгом.
Ветер беды завывает, кого он кличет?
Песне безумной, безудержным воплям вторя.
И продувает остатние рёбра, мысли...
Доски гробам завещая и пешеходам.
Их соберу в ковчег, я один на свете.
Знойно взлетит над волною ковчега остов.
Выстроен, выструган, выстрелом в темя ночи.

* * *

Я погружаюсь в сон. Вот видишь,
Теперь намного легче стало.
И ты меня не ненавидишь,
И я тебя не забывала.
Мы были солнечны как будто,
(На солнце вздрагивали пятна),
Ты просто вышел на минуту
И не нашёл пути обратно.
Тогда, в пустыне отчужденья,
Мы были два первопроходца,
Но, выйдя из оцепененья,
Я буду ждать восхода солнца.
Я буду вглядываться. Знаешь:
Ночное небо стало ближе,
Где ты меня не забываешь,
Где я тебя не ненавижу.

* * *

Где ты теперь, чем дышишь?
Небо почти остыло.
Я отпущу тебя, слышишь,
Уже почти отпустила.
Без обещаний, проклятий...
Встречу тебя с цветами.

Елена БОГДАНОВА

СЕГОДНЯ ПОЛНОЛУНЬЕ

СТРАШИЛКА

Сегодня полнолуние,
И прямо жуть берёт.
По улице колдунья
Горбатая идёт.
И чёрный кот зловеще
Следит из-за угла.
Оцепенели вещи,
И девка не спала.
И льётся из окошка
Ужасный лунный мёд.
Глаза закрыть немножко...
А темнота растёт
И формы обретает,
Господь не приведи.
Но вот уже светает,
Все страхи позади.

ЗОЛУШКА

Я осколочки не склею,
Так и смяк в руках верчу.
Я устала, я болею,
Ничего я не хочу:

Ни любви твоей, ни ласки,
Ни орехов, ни конфет,
Только туфельку из сказки –
То, чего на свете нет.

* * *

В старой сказке одной
На горе ледяной
Жил волшебник больной
За стеклянной стеной.

Ни о ком не жалел,
Никого не любил,
На холодной скале
В одиночестве жил.

По ночам он в тревоге
На звёзды смотрел,
И укутывал ноги,
И так постарел.
И ни внучки, ни внука,
Ни детей, ни жены...
Колдовская наука,
Невесёлые сны.

Триста два заклинанья,
Заговоры, слова.
Но зачем это знанье,
Коль болит голова,
Коли руки трясутся?
Мчится дней круговерть,
Годы птицей несутся,
И близка уже смерть.

Бесполезно и жалко,
И не нужен тайник.
Опираясь на палку,
Горько плакал старик.
И никто не узнает,
И никто не спасёт.
В небе облако тает,
Ветер песню несёт

Из далёкого мира,
Позабытого мной.
И от слёз уже сыро
За прозрачной стеной.
Смерть уже на подходе.
Скоро макам цвести.
И никто не приходит –
Как-то не по пути...

ЦИРК

Рыжий клоун, грустный клоун,
Он толпой не избалован.
Ходит, ходит по канату,
Смотрит как-то виновато.

На щеках его круги,
А вокруг него враги.
И в приятные моменты –
Жидкие аплодисменты.

Вот он падает с каната
Неуклюже, так и надо.
На лице его испуг,
И смеются все вокруг.

Подзатыльник получает
И улыбкой отвечает.
Он давно к игре привык,
Съехал на уши парик.

Впрочем, и без грима он
Всем давно уже смешон.

* * *

Я тебя любила. Падал снег.
Был февраль, коротенький и грустный.
Ты мечтал тогда не обо мне.
Изъясняясь письменно и устно,
Девочку с соседнего двора
Мучил ты признаньями своими,
И чужое простенькое имя
Повторял, как клятву, до утра.

Знала я: когда-нибудь потом
На меня ты обратишь внимание.
Холодела грудь моя заранее,
И стояла я с открытым ртом.
Что там дальше – март, апрель и май...
Мы бродить по городу не ленимся.
Только я не промах. Так и знай:
Кончу школу, сразу же поженимся!

* * *

Солнца жёлтая монета
Затерялась в тучах где-то,
И холодный мелкий дождик
Целый день сегодня льёт.
С пёстрым зонтиком весёлым
Я бегу по лужам в школу,
И опять соседский Васька
Мне проходу не даёт.

Во дворе собака лает,
А на Ваську я не злая,
Потому что этот Васька
Удивительный пацан.
Васька курит папиросы,
Васька хочет стать матросом,
Хоть не раз ему по носу
Попадало от отца.

ДЕТСТВО

Перепрыгнув через забор,
Я хочу увидеть просторы –
И берёзовый лес весёлый,
И таинственный тёмный бор.

Я хочу убежать туда,
Где краснеет пятно заката.
Крыша дома тепла, поката,
Но приземиста, вот беда.

Я смотрю на сарай, двор,
На собачью пустую будку,
И тоскую всерьёз, не в шутку,
Как попавший в ловушку вор.

Я на крыше сижу с утра,
На дорогу смотрю упрямо.
Только разве сбежишь от мамы!
Уже пробовал я вчера.

1991–1996 гг.

Оксана Чайковская

Рассказы

Грех ради Аннушки

Вот таким же взглядом, наверное, смотрела бедняжка Козетта на чудесную куклу, выставленную в витрине лавки напротив дома Тенардье. Эта кукла была, конечно, не такой шикарной и дорогой, но Тане хотелось её так же сильно, как несчастной Козетте. Танечка могла чуть ли не целый час стоять перед длинной полкой, на которой были расставлены и рассажены самые разные куклы и мягкие пушистые зверята. Она не обращала внимания на продавщицу, которая сверлила взглядом, полным неприязни и раздражения, всех детей, заходящих в детский отдел универсама. Таню удивляло, зачем в игрушечный отдел берут работать таких равнодушных к игрушкам людей. Вот если б ей доверили работать в этом отделе, она была бы самым счастливым человеком на свете. Она бы улыбалась детям, показывала им, как устроены игрушки, и разрешала бы брать их в руки. Ведь иную из них, вроде вон того плюшевого Чебурашки, просто невозможно выпустить из рук.

Впрочем, если соблюдать главное правило этого магазина – не трогать ничего руками, – продавцы тебя тоже не будут трогать. Они знают, что у этих молчаливых стояний перед полкой с игрушками иногда бывает продолжение. Выплавав, выпросив, вымолив себе желанную игрушку, ребёнок с торжествующим сияющим лицом приводил в одну из суббот в игрушечный отдел универсама кого-нибудь из родителей, и с благоговением уносил из магазина отвоёванный трофей.

Иногда бдительные продавщицы замечали, что какой-нибудь шпингалет начинает слишком часто оглядываться на продавщицу и украдкой вытирает об одежду покрытые царапинами и цыпками руки, которыми он ещё полчаса назад ковырялся в мёрзлой, полной грязного льда весенней луже. Продавщица понимает, что сейчас одним быстрым движением он нажмёт на опилочный живот розового плюшевого медведя, чтоб ещё разочек услышать, как он рычит. Затем сорванец моментально ретируется из магазина, с такой быстротой, какая только возможна, и не будет показываться в нём целую неделю. Но это – мальчишки. Девочки смотрят аккуратно, позволяя себе лишь осторожно касаться самыми кончиками пальцев краешка кукольного платья или волос.

Никто не мог лишить ребятишек, живущих в городке, этого прекрасного развлечения, этой бесплатной радости – ходить в универсам. Правда, во всём магазине их жаловали не особо, могли вытурить без разговоров из любого отдела, кроме игрушечного, если являлись без взрослых. Таня любила ходить в универсам. Там было что посмотреть. Ей нравилось там многое. Особенно галантерейный отдел. У него и название было красивое, и штучек замечательных продавалось множество – брошки, значки, сувенирчики, наборы для рукоделия... Вот сверкающий сувенирный самовар – будто настоящий, только кро-

хотный. Или телевизор – точная копия их «Рекорда» в деревянном корпусе. Сверкает серебристый металлический сундучок – Тане бы такой под свои «сокровища». Но сувениры не игрушки, они стоят куда дороже игрушек и предназначены совсем не детям.

Рядом, в «золотой» витрине, закрытой на маленький замочек, под стеклом на синем бархате лежали ужасно дорогие кольца и серьги. А за стеной, в отделе тканей, столько красивого цветного материала, что глаза разбегаются!

Все девчонки любят гулять по универмагу, в нём тепло и красиво, свет льётся в огромные окна, и всего много. Дома пара галош – здесь целые связки, дома одно ведро – здесь целые башни. Таня и разные хозяйственные штучки любит разглядывать... А подружки постарше первым делом бегут в отдел для новобранных. Он занимает всего одну витрину, но перед ней девчонки замирают в восхищении. За стеклом – манекены, наряженные женихом и невестой. Платье у невесты длинное, до пят, похожее на то, в какие одеваются сказочные принцессы, только очень белое. И всё расшито бусинками-жемчужинками, блёстками, кружевом... А фата из кисеи! Такая длинная, прозрачная, она окутывает фигуру лёгким облаком. И таких платьев – целая витрина, одно лучше другого.

Когда к райисполкому подъезжает на разукрашенной машине свадьба, девчонки, бросив игру, бегут к решётчатой ограде, и смотрят сквозь неё, какое платье надето на невесту и на куклу, что прикреплена к свадебной машине. Только вот откуда берутся куклы-невесты? В универмаге их ни разу не продавали!

Всю весну Таня ходила в универмаг любоваться на Аннушку. Она нравилась ей больше всех кукол в магазине. Не ходячая, большая, ростом с почти годовалого ребёнка, кукла Галя в платье в горошек. Не аккуратная маленькая, наряженная в беленький медицинский халат и шапочку «Доктор Вера». Не даже замечательная «Почтальонка» в синих клеёнчатых тапочках, с такой же синей клеёнчатой игрушечной сумкой для газет через плечо. Именно она, Аннушка. Она прекрасна. У неё такие длиннющие волосы – блестящая русая коса свисает ниже пояса. У неё блестящий красный сарафан до пят, с расшитой узорной каймой, и белая вышитая кофточка. Глаза голубые, большие, в их стеклянной глади поблёскивают лучики солнца. Ресницы длинные, чёрные, загнутые вверх. Мечта, а не кукла.

Уже много раз, увидев вот здесь же, на полке у окна, какую-нибудь куклу, Танюша чувствовала – или мне её купят, или я умру. Она очень сильно хотела год назад черноволосую, с раскосыми, подведёнными чёрной краской глазами, «Северянку», наряженную в шубку, тёплые штаны и унты. Она очень мечтала, чтоб ей купили дорогую германскую Берту в лакированной коробке. Сделанную из мягкой резины, как будто живую, в кружевном платье, резиновых туфельках и белых носочках, с ажурной тонкой сеточкой на волосах. Не следовало даже и мечтать обрести подарочную керамическую индианку, всю разряженную в шелка и украшения, с гроздьями серёжек в ушах. Тем счастливицам, которые выпросили у родителей этих кукол, всё равно не позволяли с ними играть после того, как Ленка Тартаколова уронила свою красавицу и отбила ей глиняный нос.

Не могла Таня мечтать и о покупке огромного пластмассового пупса «Андрюши» с пластмассовой пустышкой, которая вынималась из его рта. Андрюша был размером с настоящего малыша, и его запросто можно было одевать в старые ползунки младшей сестрёнки Светки. Но о такой покупке Таня даже боялась заговаривать с мамой – пупс стоил очень дорого, двенадцать рублей. А вот Аннушка стоила совсем немного – всего три рубля двадцать копеек. Эти деньги Таня вполне может скопить за лето. Но Аннушки скоро кончатся! Ни одна кукла не задерживалась на витрине дольше пары месяцев, уж это-то ребятишкам было известно. К тому же мама, подарив Тане на день рождения этой зимой кудрявую Марину с закрывающимися глазами и пищалкой на животе, сказала, что это – её последняя кукла. Мол, Таня уже большая, ей целых девять лет, а кукол у неё и так уже много – до школы каждый год дарили по одной. Их уже штук семь вместе со старой Маришкой, которая была привязана к свадебной машине в тот день, когда мама выходила замуж за папу...

Таня знала – у мамы выпрашивать бесполезно, и решила поговорить с бабушкой. Когда та отправилась в магазин за нитками, Таня увязалась за ней. Она терпеливо дождалась, пока бабушка выберет себе пряжу, перевероршит кучу рулонов «мануфактуры» – так чудно бабушка называла ткани, долго разглядывала вместе с ней какие-то крючки и кнопки, а потом, будто невзначай, завела её в свой любимый отдел – показать приглянувшуюся куклу.

– Баб, ну купи мне вот эту куколку, смотри, она стоит всего три рубля! – упрашивала Таня.

Бабушка тёмными, узловатыми, цепкими пальцами человека, знающего цену деньгам и вообще всему на свете, ощупала куклу. Осмотрела её всю, потрогала волосы и платье, и твёрдо сказала:

– Нет, Танечка! Если хочешь, я куплю тебе в этом году на день рождения куклу. Другую, хорошую. Эта – не очень хорошая. Волосы у неё быстро отвалятся, они приклеены. Глаза не закрываются, а платье такое я сама могу сшить для любой твоей куклы – хоть для Маринки, хоть для Кати, надо только атлас красный подыскать и тесьму покрасивее. Смотри, это ведь не вышивка, а просто тесёмки нашиты. Сошью я тебе такое платьице, обязательно!

Таня слушала удручённо – ей было понятно, что бабушка денег на куклу не даст. Но ей хотелось именно такую, русскую красавицу.

Через несколько дней, когда Таня всё ещё мечтала о своей Аннушке, она нашла возле палисадника двадцать копеек и, как всегда, принесла их бабушке.

– Вот и молодец! – сказала бабушка. – Спрячь в свой комод, когда найдёшь ещё – купишь себе двести граммов конфет!

Денежку Таня спрятала, но в голову закралась одна идея. А что, если... А что, если она найдёт три рубля? Двадцать копеек у неё уже есть! Тогда ей разрешат купить Аннушку? Проще всего найти деньги было у бабушки в комод. У неё там были разные деньги. В уголок носового платка она завязывала серебрушки. В пенальчик от лекарств прятала двушки. В жёлтом кошельке с кнопкой – пятёрки, тройки и рубли, оставшиеся от пенсии. Тридцать рублей из полученных денег бабуля отдавала маме на хозяйство, в общую кассу, а шесть рублей сорок копеек прятала в день пенсии в свой комод. На них покупались

подарки членам семьи, или прянички для внуков, или венки на могилу подруги Поли, когда бабушка на Троицу собиралась на кладбище.

Таня знала, что бабушка сама даст ей зимой эти три рубля, но тогда уже не будет Аннушки. Ей казалось, что ничего плохого она не сделает, если возьмёт сейчас эту мятую зелёную бумажку. Можно считать, что это будущий подарок от бабы на день рождения. И она взяла её из жёлтого кошелька, пахнущего старостью, как и все бабушкины вещи. И бабушка, конечно же, ничего не заметила и разрешила ей сходить в универсам за Аннушкой. И продавщица не заметила смущения девочки, протягивающей ей вспотевшие в ладошке деньги, и равнодушно поинтересовалась:

– В коробку положить?

Но Тане не нужна была коробка. Она несла свою Аннушку на руках, прижимая к животу нежно и бережно, потихоньку поглаживая золотистую косу. Она шла в своих высоких резиновых сапогах по аллее вдоль райисполкома, превратившейся сейчас в настоящий пролив, и чувствовала, как вода упруго сдавливает голенища красных сапожек, холодя ноги. В такой луже, студёной, полной снеговой воды, и утонуть можно! Таня отчаянно боялась уронить в воду свою долгожданную Аннушку. Верхушки чахлах ёлочек торчали из воды, кое-где виднелся чёрный, ноздреватый снег. Таня была счастлива своей покупке. Но что-то скребло внутри, лишая покоя и будто предвещающая грозу.

Собственно, никакой грозы не было. Через какое-то время бабушка заметила недостачу в жёлтом кошельке. Она не ругала Таню, только спросила, не брала ли та у неё три рубля. Бабушка так пронизательно и жалостно, как на нашкодившего котёнка, смотрела на Таню, будто и так всё уже знает. Таня не выдержала, во всём призналась и разрыдалась, она плакала так долго и горько, что распухли губы и слиплись веки. Плакала, уткнувшись в пахнущий кухней бабулин фартук, в грудь, утыканную булавами и пересечённую рядом твёрдых выпуклых пуговок. Она могла так плакать хоть целый день от стыда и отчаянья. И бабушка ещё успокаивала её, глядя по голове и вытирая слёзы.

– Ну, не плачь больше! – уговаривала она. – Выплачешь все слёзы, я умру, надо мной поплакать нечем будет! Не реви, я ничего не буду говорить маме, зачем её расстраивать. Только ты запомни – меня ещё мои родители учили – нельзя брать чужого! Ничего, ни у кого! Никогда больше не бери чужого, это так плохо, так стыдно!..

И Таня плакала от стыда и раскаянья. И вот что странно. Аннушка, казавшаяся ей прежде такой прекрасной, вдруг совсем перестала нравиться. Стала просто неприятной. Она стояла на шкафу, и её блестящие лупоглазые глупые синие глаза смотрели прямо на Таню, будто напоминая тот день, когда она, почти счастливая, несла эту куклу по лужам домой.

Через пару лет, когда приехавшая погостить двоюродная сестрёнка Олеська с восхищением посмотрела на длиннокосую Аннушку, Таня не задумываясь подарила сестрёнке злополучную красавицу. Но маленькая Олеся ещё не умела беречь вещи, и скоро Аннушка лишилась своего золотокосого парика и красивого сарафана, и валялась очень страшная, голая и лысая, в кладовке. А ещё немного погодя её след исчез, она пропала где-нибудь в мусорном баке. И

только напоминание о ней иногда тревожит душу повзрослевшей Тани, когда она достаёт из комода сохранённый в память о бабушке старенький жёлтый кошелек с кнопочкой.

1987 г.

Сестрёнки

Таня всегда ехала в Вороновку на каникулы с огромным удовольствием. В Вороновке хорошо. Лес, речка, свежий воздух, младшая сестрёнка Олеська, братишка Серёжка, с которыми, считай, вместе выросла. Вообще-то дети маминой сестры тёти Тони приходились ей двоюродными, но Таня их считала не менее родными и близкими, чем её единственный родной брат. Что родной брат – он конечно, самый родной, но и старше на целых шесть лет. У него совсем другие интересы. Сейчас уже и своя семья, ребёнок, проблемы в институте, взрослые дела, взрослые гулянки... Серёжка только на три года младше, а Олеся, хоть младше на шесть лет, зато – сестрёнка. Таня о сестрёнке мечтала всегда, постоянно просила родителей купить ей именно сестру, но они только посмеивались и говорили, что троих им не потянуть, лишая Таню последней надежды на обретение младшей сестрёнки. Вообще-то в семье у бабушки и деда было аж семеро детей, и сейчас у Тани двоюродных сестёр и братьев – пруд пруди, но вороновские родственники ближе всех прочих, даже Лёльки, которая так же, как и Таня, живёт в городе. Вот парадокс – с деревенской сестрёнкой Таня видится даже чаще, чем с городской, ведь живёт Лёлька, дочь дяди Миши, в девяти троллейбусных остановках от центра города, где квартира Таниных родителей. Такая даль! К Лёльке она выбирается лишь на день рождения, да ещё пару раз в год. Ну и ещё, конечно же, они встречаются в Вороновке. Лёлька в неё наведывается хотя бы раз в год... Тут уж девчата отводят душу! И наговорятся, и набесятся. Разница в возрасте такая, что ещё позволяет им быть подружками.

У Тани нынче особенное лето – первые студенческие каникулы. Она чувствует себя какой-то окрылённой, сильной, смелой, уверенной в своих силах. Вся жизнь впереди, только на второй курс перешла. Но вся родня считает, что она ещё одной ногой в детстве задержалась. Режется с Серёжкой в бадминтон, Олеськины девчоночьи «анкеты» заполняет, по деревьям с подростками лазает, и сама тощая, как подросток, из своих школьных шортиков ещё не выросла... Собственно, после того, как она стала студенткой, то, как проходит её вороновское лето, почти не изменилось. Только приехала теперь не на месяц-два, а на пару недель, каникулы-то всего один месяц.

В Вороновке первым делом Таня бежит к реке. Обь в этом месте широкая, вольная. Село стоит на высоком берегу, с горки далеко видать красивые берега. Спуск к воде есть пологий, для телег и мотоциклов, есть крутой, с которого сломя голову скатываются бесстрашная ребятня. На самом красивом месте, на горе – длинная скамейка, возле неё костровище. Молодёжь деревенская по вечерам сидит на этой скамье у костра. Прилично сидит, без пьянок и драк. Де-

ругся за клубом, а пьют Таня не знает где, но только сюда подвыпившие пацаны либо вообще не являются, либо забредают на минутку. Здесь совсем другой порядок. Песенки, анекдоты, беззаботный трёп. В основном здесь «дружат», точнее, присматриваются прежде чем начать дружить.

Таня очень гордится, что её приняли в это скамеечное сообщество ещё в прошлом году. До того она с деревенскими сверстниками только в лапту играла да на велосипеде круги нарезала по единственной асфальтированной дороге в деревне. А в прошлом году она открыла для себя, что летние вечера прекрасны несмотря на комарьё и мошкару. Да и мало их было у костра. В костре пеклась картошка, но не она была здесь главной – важнее были разговорчики, шутки, переглядки. И основными действующими лицами этого спектакля были старшеклассники. Нынче Таня была уже вроде как «перестарком» для этих посиделок, местные девчата и парни 17–18 лет уже давно друг друга присмотрели, и подходили к костерку так, на пару минут – обновкой похвастаться и новости узнать. Но городские на то и городские – какой с них спрос. Хочется Танюхе на горе с малолетками летний вечер убивать – на здоровье. Всё равно через полмесяца уедет, только её и видели, до нового лета.

В день своего приезда Таня долго стояла на горе, глядя на то, как обмелела на июльском солнцепёке река, любуясь на всю окрестную красоту. Ослепительно сверкающую воду, ярко-зелёную траву, охристый песок, что отсюда, сверху, казался чистым и рассыпчатым, а на самом деле был слежавшимся, перемешанным с галькой и всяким мусором, истоптанным копытами коров и свиной... Но сверху всё казалось таким очаровательным!

Таня любовалась знакомым и с детства вошедшим в сердце пейзажем, и мечтала, как чудесно она проведёт остатки каникул. Будут днём ходить с Олесей на реку, собирать в огороде ягоды на варенье и крапиву на корм скоту, – это разведь работа – так, развлечение! А вечером здесь, на скамеечке, она будет слушать диковинные незнакомые песни и смотреть на лица знакомых ребят. И среди этих лиц, наверное, будет и Сенькино лицо. Тётя Тоня сказала, что он со дня на день тоже приедет погостить к своей бабушке.

Сеньку Таня тоже знает с детства. Его бабушка, баба Гутя, их дальняя родственница, живёт прямо напротив дома тёти Тони. И Сеньку, как и Таню, с малых лет привозили к бабке на лето. Когда-то они в одной песочнице играли, на одном самокате катались, вместе домики в палисаднике строили. А теперь и Таня выросла, и Сенька превратился в красивого, черноглазого, высокого парня. Он на год старше Тани, на будущий год закончит своё ПТУ – и в армию. Но у Тани есть ещё целое лето, чтоб получше с ним познакомиться. Тогда они и в городе смогут встречаться. А уж дожидаться парня из армии для Тани – пустяк. Ей всё равно ещё четыре года учиться, вот и просидит их, не отрываясь от учебников.

Себе самой Таня могла признаться не лукавя, что специально выбрала этот месяц для приезда, знала, что и Сенька должен нагрязнеть. А вот в том, что этот парнишка – её первая, точнее, даже «нулевая», начавшаяся ещё в детсадовском возрасте, любовь, Таня не признавалась даже себе. Просто с трепетом ждала, и всё.

Она уже была своей на скамейке над берегом, когда в деревне появился Семён. Днём, увидев его за бабушкиным забором, Таня чуть не упала от удивления и вцепилась посильней в свою калитку. Она не ожидала, что сердце так бешено запрыгает в груди, что она так хотела этой встречи и что сейчас не может насмотреться на в общем-то обычное Сенькино лицо, и что в то же время побоится взглянуть ему в глаза. А уж заговорить первой!.. Но Сенька сам помахал ей рукой, испачканной в малине, – ягоды у бабы Гути сочные, сладкие, – хоть и не принято в деревне ощипывать чужие кустики, но то, что торчит на дорогу из её сада, дети мигом объедают – так вкусно.

– Привет! – крикнул он. – О, тебя уже над калиткой видать стало! Растёшь? Лезь к нам в малину, навитаминаваться! Ну тогда айда на речку!

По дороге на реку Сенька, конечно же, за ней не зашёл – Таня подумала, что из конспирации. Она видела, как он с младшим братишкой Славкой, полотенцами, надувным кругом и рогожкой для подстилки важно прошествовал в сторону реки. Они с Олеськой вышли чуть попозже.

На реке было здорово! Дети резвились, брызгались, визжали, Сенька совершал красивые заплывы до самого бакена и звал её сплавать с собой, но трусливая Таня плавала вдоль берега, на той глубине, где под ногами чувствуется дно – в детстве она чуть не утонула, и теперь боялась воды. А в остальном всё было прекрасно, солнце жгло, вода освежала, и жизнь казалась полной будущего счастья.

Вечером у костра Таня сидела на скамеечке и ворошила прутиком горящий хворост. Когда прутик загорался, Таня бросала его в костёр, и он сам становился хворостом. Она исподтишка смотрела на Сеньку, расположившегося прямо напротив неё, и гадала: он случайно занял это место или намеренно. Сенька присев на корточки, пристраивал в углях картофелины, иногда поднимая взгляд от огня, и тогда он упирался прямо в Таню. В начале вечера возле Тани было свободное место, Но Сенька почему-то его не занял, и рядом втиснулась толстая Тася с Заозёрного переулка. Разговор тёк, время бежало, ночь становилась всё прохладней. В лицо от костра веяло нестерпимым жаром, а в спину дуло от реки. Таня почти замёрзла. Некоторые парни сняли пёстрые олимпийки из эластика и накрыли ими, приобняв, своих девчонок. Таня сидела водоразделом среди этих островков тепла. Она смотрела на Сеньку, и ей казалось, что он тоже с ней переглядывается. Вдруг ей пришла в голову «гениальная» мысль – дать Сеньке шанс «приударить» за ней. И одиночки, и парочки понемногу начали расходиться, Таня тоже встала и, распрощавшись со всей компанией, быстро пошла прочь от костра. Его света было мало для деревенской ночи, уже в нескольких шагах от огня её поглотила темнота, а до домов, возле которых горели тусклые ночные фонарики, было ещё далеко. Таня остановилась и присела, будто застёгивая босоножку. Если она всё правильно поняла, Сенька сейчас тоже уйдёт от костра и догонит её, чтоб проводить. Но минуты тянулись, а он не появлялся. Таня независимо дёрнула плечами и побежала к дому. Теперь он её не догонит даже если захочет.

Назавтра вечером Сенька сидел на другом конце почти четырёхметровой скамьи, и Таня опасалась, вертя головой, выдать себя, потому почти не видела Сеньки. На этот раз она выбрала другую тактику. Ждала, пока от костра не

уйдут почти все – и она, и Сеня просидели почти дольше всех. А когда их осталось человек пять, и костёр, из которого была предусмотрительно выкачена оставшаяся картошка, был залит, все гурьбой направились провожаться. Увы, дом тёти Тони был первым, сначала довели до ворот её, потом свернул к себе Сенька, а Натка, Лиза и Денис пошли на свой край деревни. В доме, закрыв за собой дверь на корявый железный крюк и тихо прокравшись в проходной зал, где на сложенном диване была её постель, Таня долго не могла уснуть, крутясь под одеялом. Что не так? Почему Сенька к ней равнодушен? Или так тщательно скрывается?

Но потом она решила не паниковать – ещё пол-года впереди!

А назавтра приехала Лёлька. Таня увидела её и обомлела. Давно прошло то время, когда Лёлька донашивала Танины платья, ведь она на три года младше. Уже лет пять, как они сравнялись ростом, а теперь Лёлька переросла Таню. Она всегда была красивой девочкой, самым красивым ребёнком в родне. Если про Таню и Олесю можно было сказать – обычные, то про Лёлю говорили: «звезда». Голубоглазая, темноволосая, не девочка, а куколка. А теперь она превратилась в красивую, с огнём в глазах, статную девушку. Высокая, в модном сарафане и босоножках на каблукке, она вызвала искреннее восхищение сестёр. Но, всего лишь один разочек прогулявшись с ней по селу и заметив, как все без исключения, независимо от пола и возраста, оглядываются Лёльке вслед, Таня с Олесей поняли, что на её фоне смотрятся как гадкие утята. Нет, они не завидовали сестре и не злились на неё, но очень огорчились. И если младшая ещё пребывала в переходном возрасте и надеялась на то, что это скоро кончится, то старшая трезво оценивала свои шансы. Такой красоткой, как Лёлька, ей никогда не стать – хотя бы потому, что папа и мама ростом не вышли, да и красотой тоже.

Днём на речке, когда сёстры загорали на песочке, к ним присоединился Сенька. Все веселились – плескались, мазали друг друга глиной, обливали водой из половинки камеры от легковушки... а когда Сенька поплыл к бакену и позвал с собой девчат, Лёлька бесстрашно рванула за ним, и быстро догнала, уцепившись за скобу на бакене с другой стороны. Таня и вовсе приуныла – Лёлька с детства ходила в детсад с бассейном – таких во времена Таниного детства просто не было, и сейчас тренируется два раза в неделю в бассейне «Томь». Таню с классом один раз водили туда сдавать зачёт. Шикарный бассейн. Глубина – восемь метров! Понятно, почему Лёлька не боится воды...

Лёля вышла из реки и не стала ложиться на грязный песок, стала обсыхать стоя. Полотенца и рогожки, на которых загорали другие, были для неё маловаты. Она стояла под солнцем такая большая, стройная, выжимая совсем потемневший от воды «хвост» волос. Оранжевый сплошной купальник, в точности такой же, как и у Тани – Танина мама покупала, она по привычке берёт все одежды в двойном-тройном экземпляре, и своим детям, и племянникам – смотрелся на её почти взрослой фигуре совсем не так, как на Таниной. Они казались совсем непохожими, хотя разница была только в цвете вставки на груди – у Тани – синяя, у Лёли – жёлтая.

Не только сестрёнки залюбовались Лёлькой. Сенька замер на полпути из реки на берег, и уже начал покрываться гусиной кожей. Потом вышел из воды и бухнулся в горячий песок, не разбирая, что там и сям в него закопаны окурки,

абрикосовые косточки и скукожившиеся отгрызки яблок. А Лёля ещё немного постояла и села на оставшуюся свободной Сенькину рогожку.

Вечером Олеська с завистью посматривала, как старшие сёстры прихорашивались, собираясь на «вечёрку», к реке. Лёлька завязала волосы в узел, из которого выпустила кучерявый, завитый на плойку, «хвост», надела бусы из горного хрусталя, под кружевной блузкой угадывался модный этим летом лифчик с шитьём. Таня смотрела на сборы сестры, раскрыв рот – ей и в голову не пришло бы везти в деревню плойку, фен, бусы, кучу серёжек, две пары туфель. Но Лёлька даже в магазин собиралась, как на дискотеку. Таня же щеголяла в удобных тапочках без каблука и высоко подвёрнутых по моде джинсах. Покосившись на сестру, она натянула праздничный свитерок с люрексом и приладила в причёску современную заколку.

У костра всё было как обычно. Балагурили почти до часу ночи, потом начали расходиться, Налево, к Заозёрной улице, свернула небольшая кучка – Тася с кавалером и... Сенька с обеими сёстрами. У Тани ныло сердце. Она не могла заставить себя не обращать внимания на Сеньку. Сердце почему-то проваливалось в живот и даже, кажется ещё ниже, и перехватывало горло. Она ничем не выказывала своих ощущений, и когда Сенька позвал всех трёх сестёр поехать малины в саду бабы Гути, пошла с ними. Таня срывала с колючих веток перезревшие, душистые ягоды, но вкуса их не чувствовала. Жаль, что детство уже кончилось, и теперь никогда не будет у неё такой сладкой ягоды, как та, которую она вместе с соседскими ребятами рвала тайком в чужих палисадниках. Сейчас они стояли посреди дороги, между двумя палисадниками – тёти Тони и бабы Гути. Таська с ухажёром давно ушли вперёд и свернули в проулок. Таня напряглась, ожидая, что же будет дальше.

Её волнение было так велико, что она даже не заметила, как оказалось, что она стоит отдельно, а Лёлька с Сенькой чуть поодаль, но вместе. Сразу видно, что вместе! Он немного помолчал, помял невесть откуда взявшуюся сигарету, сунул её обратно в карман и обратился к Тане:

– Ну, ты тут теперь уже не заблудишься, а мы ещё немножко погуляем, а? Отпустишь сестру?

Растерянная Таня только и смогла кивнуть и быстро юркнула в свою калитку. Только бы все уже спали, и никто не приставал бы с вопросами! Диван в зале был разложен, после приезда Лёльки на нём спали обе гостьи. Таня легла на свою половину и забилась в угол к стенке. Как ей смотреть теперь на сестру? Она привыкла любить их всех – Лёльку, Серёгу, Олеську. Она вытирала им носы и меняла штанишки. Привыкла быть старшей. А теперь они выросли. Дружат, курят, и в чём-то обгоняют её. Они – уже другое поколение. Она всегда любила сестру, восхищалась ею, а теперь сестра вдруг превратилась в соперницу. Теперь её надо бы ненавидеть. Но как? За что? За то, что глупый мальчишка выбрал из них лучшую? В чём виновата Лёлька? И почему Таня решила, что Сенька выберет из всей костровой вечёрки именно её? Только потому, что оба городские?.. Ну выбрал бы Наташу или Римму – ей бы легче было? Пожалуй, нет. Только вот сердце не смирялось с доводами разума, а продолжало дрожать от обиды. Сон не шёл. Пластмассовая кукушка из ходиков прокуковала на кухне сначала трижды, затем – один раз. Полчетвёртого лязгнул крючок, Лёлька

тихо прошла в комнату, переоделась в ночную рубашку, легла на край широко-го старинного дивана.

– Тань, не спишь? – спросила она шёпотом. – Мы с Сенечкой до элеватора прогулялись. Там туман, и уже светает, так здорово. Он хотел на вышку залезть, но я не пустила. Представь, он послезавтра в город уезжает, телефон мне свой дал. Вернусь с каникул – в горсад вместе ходим... Здорово, да?

Таня не ответила, притворилась спящей. Да Лёле и не нужен был ответ, она бы, наверное, удивилась – чего это сестра спокойно не уснула ещё два часа назад. Таня украдкой вытирала слёзы и старалась не всхлипывать. Она думала о том, что сестрёнка даже не заметила её драмы. А ещё о том, что, наверное, эта детская любовь всё же не Первая, а Нулевая, раз ничего из неё не вышло. И ещё о том, что сейчас они с Лёлькой лежат, как Тристан и Изольда, на одном ложе, а между ними, разделяя их, как обоюдоострый меч – эта история с Сенькой. И никогда уже их отношения не будут такими безоблачными, как в детстве, Таня всегда будет вспоминать это разочарование. И то, что она ничего не расскажет сестре, только больше отдалит их друг от друга. Историю о Тристане и Изольде этой весной проходили в университете. Таня слушала чудаковатую лекторшу, записывала фабулу любовной истории в тетрадь, но сердце её ничем не отзывалось на неё. Она тогда ещё не знала любви и связанных с нею мук. Теперь она понимала, о чём шла речь во всех этих сонетах и балладах. Оказывается, это было всегда, начиная с древнего мира, – они это проходили. И от осознания того, что не она первая, не она последняя страдает от этой загадочной штуки по имени Любовь, Тане стало легче, и она незаметно провалилась в сон. А под её щекой на подушке высыхали классические девичьи слёзы. Наверняка не первые и не последние на этой подушке.

2003 год.

«Волшебнатика», или Три дня как Мальчик-с-пальчик

В одном городе, в самой обычной квартире, в самой обычной семье жили-были брат и сестра, Андрейка и Настенька. Были они самые обычные дети, особенно по отдельности. А вот когда оказывались вместе – а это случалось довольно часто, ведь они были братик и сестрёнка, и жили в одной квартире! – что-то странное с ними случалось. Бывает, человеку смешинки в рот попадают, и он ни с того ни с сего смеяться начинает, а им, когда вместе были, видать, какие-то раздоринки в рот попадали – только и слышно было: «Отстань!», «Не лезь», «А что она мне мешает!», «А чего он меня толкнул», «Противоза!», «Жа-дина!» – и так без конца... Их родителей и бабушек это очень огорчало, чего только не придумывали они, чтоб подружить детей! Иногда они даже разлучали ребят ненадолго, например, брат уезжал на лето в загородный лагерь, или сестру брала к себе в гости на несколько дней бабушка, но ничего не помогало. Как в пословице «Вместе тесно, а врозь скучно», брат и сестра по отдельности очень тосковали, но, едва встретившись снова, начинали ссориться.

Главным предметом ссор было то, кому же делать уборку в их чудесной детской комнате с двухъярусной кроватью. К кровати была приделана настоящая горка, как на детской площадке, рядом были укреплены шведская стенка, верёвочные лестницы и канат. На полу лежал пушистый ковёр с изображением дорог, газонов, домов, машин, паровозов – настоящий план волшебного города... В общем, это была прекрасная детская, о какой и мечтать не могли когда-то их родители.

Кроме того, в детской находился самый настоящий компьютер, она была полным-полна игрушек. В этом и состояла главная проблема. Игрушек было так много, что они валялись в детской повсюду – на кресле, на обоих этажах кровати, на лесенке, ведущей на неё, и даже на полу! Иногда дети наступали на свои игрушки, те с жалобным хрустом ломались, но всё равно прибираться ребятишки не хотели – всё спорили, кто больше раскидал и кто виноват в беспорядке. Пока они не подросли, в детской прибиралась мама, но потом ей это надоело – ведь через полчаса кавардак в детскую возвращался снова. Никак не помогали никакие рассказы родителей о том, как не хватало им такой замечательной комнаты в пору их собственного детства. Они вспоминали о том, что все их игрушки умещались в одной коробке, которую требовалось задвигать под кровать, и собирать всё после игры так, чтобы ни одна игрушечка не валялась... Но дети не верили этим историям. Им казалось невыносимым, что ребятишки могли жить без детской комнаты, с единственной коробкой игрушек. Нет, этого они себе представить не могли!

В детской располагалось ещё и большое окно с широким подоконником. Подоконник достался Андрюше, и он построил на нём целый город из конструктора «Лего» – с домами, дорогами, мостами, автомобилями. Но и там не водилось порядка – красивые дворцы возвышались среди разбросанных деталей, повсюду теснились недостроенные машины и диковинные аппараты, для которых сам мальчик иногда не мог отыскать в своём хозяйстве нужных деталей. Насте, как более младшей, уголка на подоконнике не хватило, мама выделила ей целую полку в шкафу для устройства домика для кукол. Однако куклы валялись по всей комнате, а в кукольной квартире громоздились как попало, вперемешку, мебель, посуда и прочие симпатичные кукольные вещички – даже крохотные велосипедки, скейты и ролики...

Когда сестра особенно досаждала Андрюше – а, надо сказать, она была непоседа, в то время как братик слыл тихоней – тот мечтал куда-нибудь от неё укрыться. Например, стать маленьким-премаленьким, чтоб прятаться от Насти во всякие укромные места. Лучше бы, думал он, и вовсе стать невидимкой, чтоб сестра не нашла!.. Он даже написал об этой своей мечте в школьном сочинении, которое посвящалось заветным желаниям, и получил за него пятёрку. Но он понимал, что это невозможно, и продолжал злиться на сестру. За то, что мешает делать уроки, ломает его постройки, всё время пристаёт с вопросами, и даже лезет драться.

В этом же доме, этажом выше, прямо над квартирой наших маленьких героев, жили очень интересные люди, старички учёные, Римма Викентьевна и Станислав Михайлович. У них в доме было очень много книг и совсем мало

игрушек. И всё это хранилось в идеальном порядке, даже игрушки, которые остались в комнатах их выросших детей, переехавших в другие квартиры. Но игрушки казались совсем неинтересными – куклы грубые, вылинявшие, в простых ситцевых платьях, с приклеенными волосами, а конструкторы скучные, неяркие. Не говоря уже о машинках – смешных и нелепых, без стёкол, дверок, с пластмассовыми колёсами, даже без резиновых шин! Нет, здесь привлекательными были вовсе не игрушки, а книжки. Андрей часто брал у соседней нужные для школы книги, сам искал что-то интересное во всех шкафах. Кроме, пожалуй, одного, в кабинете – там стояли самые умные книги, для работы. Некоторые из них – учебники и словари – Римма Викентьевна написала сама. Однажды, когда Андрюша пришёл, Станислав Михайлович готовился к лекции в кабинете. Мальчик заглянул к нему.

– Ух ты! Какие у вас тут умные книжки! Астрономия, физика, математика... А «Волшебнатики» у вас случайно нет? – спросил он вдруг, уважительно тронув рукой золочёные корешки.

– Может, и найдётся, тут чего только нет! Посмотри повнимательней! – ответил ему сосед. И Андрюша начал с азартом перебирать старинные томики, отыскивая то, что было нужно. Так у него в руках оказалась необычайная, удивительная книга!

Дома Андрей прежде всего спрятал «Волшебнатику» от сестрёнки. Не раз уже бывало, что они тянули книгу в разные стороны и она рвалась. Только поздно вечером, когда Настя заснула – у брата были каникулы, а ей надо было рано вставать в детский сад – Андрейка зажёл над своей верхней кроватью ночник и принялся листать необычный учебник. Он сразу понял, что это – чудо-книга, ведь там рассказывалось, как самим сделать сапоги-скороходы, сундук-самолёт, сварить кашу из топора и превратить обычную шапку в шапку-невидимку. Но Андрюше важнее всего этого был уменьшительный эликсир, состав которого тоже оказался на его счастье в волшебной книге. Когда мама велела тушить свет, мальчик ещё долго не мог уснуть, представляя, как приготовит завтра магический эликсир и исполнит свою давнюю мечту...

Утром он встал непривычно рано для каникул и помог маме поскорее собрать младшую сестрёнку в детсад, он очень боялся, что её оставят дома, и эксперимент придётся отложить, но всё было как всегда, и полвосьмого родители и Настя уже ушли из дома. Наскоро сделав себе несколько бутербродов с варёной колбасой и торопливо налив кружку молока, Андрей перекусил, не отрываясь от книги и снова перечитывая состав уменьшительной жидкости. «Хорошо было Алисе в Стране Чудес, – думал он, – прочитала «съешь меня», съела – и тут же стала уменьшаться. А я, вдруг что не так приготовлю, что тогда будет?» Но желание всё проверить немедленно оказалось так велико, что он бесстрашно взялся за приготовление волшебного состава. Всё, что было для него необходимо, на удивление оказалось под рукой.

Андрей принёс кружку с уменьшительным эликсиром к себе в комнату, присел на корточки над раскрытой прямо на ковре книгой, ещё раз перечитывая, так ли всё сделано, и отважно выпил всю жидкость до капельки. На миг ему показалось, что ноги подкосились и он сел на пол. Ещё через минуту он увидел перед собой высокую, почти по грудь, стену из чего-то рыхлого, непонятного...

И только потом сообразил, что это – край книги, старой профессорской «Волшебнатики», ставшей вдруг невероятно большой. Точнее, это сам он вдруг стал крошечным, как Мальчик-с-пальчик! Андрей запрыгал от восторга – у него всё получилось! С чего же начать? Он хотел было поспешить в свой Лего-город, однако, увидев, как высоко от пола теперь находится окно, решил сначала исследовать всё внизу. Тем более, что и на полу было немало интересных вещей, машинок и разных деталей конструктора. На одной из дорог, нарисованных на ковре, стоял у светофора мотороллер, который он сам вчера собрал из квадратиков, пластинок и кирпичиков конструктора. Андрей взобрался на него, сел на неудобное, жёсткое сиденье, надел белый мотоциклетный шлем с прозрачным забралом. Оно оказалось вовсе не таким уж прозрачным, видно через него было очень плохо, да и сам шлем, предназначенный грубым человечкам с квадратными руками и похожими на чурбаки ногами, был слишком велик и тяжёл. Андрюша попробовал проехаться на мотороллере, как на самокате, отталкиваясь ногой от ковра, но тот оказался слишком неповоротлив и ехал очень медленно.

Интересней оказалась маленькая моделька военной машины с открытым верхом, с инерционным двигателем. Хорошенько толкнув её разок, мальчик умудрялся прокатиться через всю комнату. Это показалось ему весёлым занятием, но приходилось соблюдать осторожность, чтобы не попасть под колёса. Ведь все эти игрушки были сейчас для него не менее опасны, чем прежде – настоящие машины... Андрей успел покататься на всех своих игрушечных машинках, которые подходили ему по размеру, и даже проехался по маленькой железной дороге, которую обожала запускать сестрёнка, но прибирать не любила. Вот и вчера оставила кольцо рельс собранным, и даже батарейки из паровозика не вынула. Андрюше было ужасно интересно всё в своей комнате, некоторые вещи он будто впервые увидел, хотелось везде залезть и всё потрогать. Так он взобрался в кабину своего большого грузовика, в котором он по размерам казался младенцем, и покрутил тугий пластмассовый руль, очень толстый и грубо сделанный. В этой кабине ему показалось очень высоко и немного страшновато, но всё равно замечательно.

Наигравшись со своим «автопарком», Андрюшка решил подниматься в Лего-город, но понял, что проголодался. На больших часах в зале, которые были видны из детской, уже давно перевалило за полдень. И Андрей отправился на кухню обедать. А путь предстоял неблизкий – через зал, два коридора да ещё всю кухню. Придя туда, он снова глянул на часы, и оказалось, что шёл он своими полусантиметровыми шагами почти полчаса. Не успев этому подивиться, он подумал, что, кажется, шагал-то зря! Открыть холодильник и хлебницу он всё равно не сможет... На подоконнике лежала его любимая конфета – суфле в шоколаде, которой можно питаться, при его новых размерах, целую неделю, но и до неё трудно добраться!

И тут Андрей вспомнил, что утром у него пролилось немного молока на стол, и впопыхах он не стёр со стола. Оставалось только придумать, как взобраться на стол. По канату Андрей лазил хорошо, даром в их комнате давно уже был спорткомплекс. Пришлось ему вспоминать, где же могут у мамы лежать бечёвки, которые она иногда не выкидывает, распаковав покупки. К

счастью, подходящая верёвочка нашлась в нижнем шкафчике, под мойкой, куда Андрею было невысоко забираться. Взяв её и соорудив аркан, настойчивый мальчик долго пытался обвить им спинку папиного стула, а когда ему это удалось, долго карабкался вверх по скользкой верёвке. Оказавшись на мягком сиденье стула, он понял, что очень устал, и долго переводил дух. К его удаче, со стола свисал длинный край вафельного кухонного полотенца, по которому не составило труда влезть на столешницу.

Старания были вознаграждены – на чистом пластике стола сияла белая молочная лужица, вмещавшая, наверное, целый бидон молока, если бы у Андрюши, конечно, оказался такой малюсенький бидон, который подходил бы ему по размерам. Крошки белой булки и колбасы даже ещё не очень засохли. Андрей черпал ладошкой из молочной лужицы и сооружал из бывших крошек неровные бутерброды. Наконец он наелся. Смастерил и положил в карманы несколько бутербродов из крошек хлеба и колбасы, оглядел с сожалением остатки молока на чистой клеёнке. Если бы он и мог во что-нибудь набрать молока – среди игрушек сестры найдётся немало крошечных кукольных посудинок – то всё равно он не знал, как спуститься с кружкой молока на пол. И конфета тоже была недосыгаема, зато крупинки сахара оказались теперь для него не меньше чем монпансье. Андрей немного полакомился ими, и, вздохнув, стал осторожно спускаться вниз.

Ещё минут сорок у него ушло на обратную дорогу в детскую. Там он немного постоял, раздумывая, как попасть на подоконник, где были его постройки из конструктора. Белая тюлевая штора, висевшая на окне, оказалась подходящей для того, чтобы по ней, как по корабельным вантам на мачту, забраться наверх. На окне оказалось очень интересно, но вовсе не так прекрасно, как он думал. Во-первых, мешали разбросанные повсюду детали, огромные и тяжёлые, как кирпичи. То, что он мог ещё сегодня утром привести в порядок за пять минут, если бы вовремя прибрал игрушки, теперь, при его новых размерах, становилось ужасно трудным. Пустяковое дело превратилось в серьёзную проблему, и мальчик от души пожалел, что прежде проявил лень и не привёл своё хозяйство в порядок. Во-вторых, некоторые свои творения Андрейка с трудом узнавал.

Изящный вертолётник, который он старательно собрал из конструктора на днях, оказался каким-то громоздким, в кабине было неудобно и тесно, сидя в кресле, он не мог дотянуться до рычагов, и поэтому играть в полёт было вовсе не так уж интересно. Откидное ветровое стекло из голубого пластика казалось мутноватым. Чтобы попасть в высокую кабину без трапа тоже пришлось попотеть. Зато внутри корабля, что бабушка подарила ему на прошлый день рождения, оказалось просто здорово. На палубу он забрался по якорной цепи, изучил её всю до самого последнего уголка, потом спустился внутрь. В трюме было светло от света, льющегося сквозь круглые иллюминаторы. Здесь он почему-то чувствовал себя в безопасности.

Город, который он строил на окне, собирая конструкторы много лет, изучать можно было долго, время пролетело незаметно. Вскоре Андрюша заметил, что часики в виде черепашки с бегающими глазами, висевшие на стене, показывали уже половину шестого. Вот-вот предстояло вернуться с работы родителям,

и требовалось срочно кое о чём позаботиться. Мама, конечно же, бросится его искать. Что делать? Хорошо, что накануне дед и бабушка звали его с собой в деревню. Он отказался, но мама-то этого не знает! Андрей перебрался на свой письменный стол, положил на видное место – рядом с клавиатурой компьютера – тетрадный листок. Даже он оказался тяжеловатым для такого клопыща! Теперь пришлось искать, чем писать. Сперва мальчик взял тоненький грифель от автоматического карандаша, но тот оставлял такие бледные буквы, что мама просто-напросто могла не заметить этого письма, приняв листок за чистый. Взяв осколок воскового мелка, тяжёлый и неудобный, Андрюша с трудом написал маме записку о том, что он уехал с бабушкой в деревню. Спеша, Андрей быстро спустился на пол. Оставалось срочно убрать в укромное место «Волшебнатику».

Она лежала на самом виду, посреди комнаты, её обязательно кто-нибудь заметит. И если мама поднимет её и поставит в шкаф, это будет катастрофа – самому Андрейке просто не под силу снять книгу с полки, даже просто открыть её и листать для него – большой труд. А что если кто-то унесёт книгу в другую комнату, где её потом искать? Хоть и понравилось Андрейке его сегодняшнее приключение, и он был не прочь побыть «мальчиком-с-пальчиком» ещё пару деньков, совсем оставаться таких микроскопических размеров он вовсе не хотел! Значит, надо было сберечь «Волшебнатику», чтоб в любой момент суметь вернуть себе прежние размеры.

Андрей в раздумье стоял на огромной книжной странице. Сразу после главы про уменьшение шла глава про обратное превращение. Он на всякий случай на несколько раз прочёл её, чтоб запомнить, и, упираясь ногами изо всей силы в глубокий ворс ковра, начал потихоньку двигать книгу по комнате, чтоб спрятать под шкаф, прямо так, не закрывая. Он очень устал, но книга была надёжно спрятана. До прихода родителей и сестрёнки осталось совсем немного, а предстояло ещё решить, где провести остаток дня. В зал нельзя – через него всё время кто-то ходит, того и гляди, наступят. Лучше всего остаться в детской. На свою кровать во втором ярусе Андрей пробираться побоялся – он знал, что, когда он уходит, сестрёнка часто играет и балуется там, придавит и даже не заметит. А вот в его Лего-царство на окне она почти не заглядывает. Подумав так, Андрей полез по занавеске на свой подоконник.

Вскоре вернулись родители и Настя, из кухни вкусно запахло горячими макаронами с котлетами, Андрей вспомнил, что мама приготовила их ещё утром, но он знал, что достать их из холодильника просто не сможет, и потому весь день старался о них не думать. К счастью, он знал, как неаккуратно Настя ест, и надеялся, что и на сей раз она нароняет вокруг себя крошки котлет. Так и оказалось – когда вся семья уселась на диване смотреть телевизор, Андрей потихонечку пробрался в кухню, стараясь держаться в тени и поближе к плинтусу.

Мама всегда чисто стирает со стола, но на Настином стуле он отыскал несколько крошек рыхлой котлеты, по сравнению с Андрюшей просто огромных, а за сахарницу завалилась большая макаронина, закрученная в крутую спиральку. Андрей плотно поужинал, запивая той капелькой чая, что осталась в одной из чайных ложечек, и для него эта капелька была как большая миска... Когда он возвращался в детскую, папа уже сидел в своём кабинете за компью-

тером, Настя тоже включила свою любимую игру на компьютере в детской. Никто не помешал крошечному мальчишке пересечь огромную – целых 17 квадратных метров! – гостиную. Он взобрался на окно и стал смотреть, как сестра совершает подводное путешествие в игре про смешного чудика Кузю. Сначала было очень интересно наблюдать за её игрой, экран, такой огромный, был так близко, что казалось, все эти рыбы и крабы могут выскочить из волшебного мира игры. Андрейка уже сомневался в том, что это невозможно – ведь смог же он совершить необычайное превращение.

Иногда Настя, забывшись, обращалась к Андрюше, спрашивая у него советов в игре, но спохватившись, вспоминала, что его рядом нет, и, пожалуй, даже сокрушённо вздыхала. Андрей и сам то и дело хотел ей подсказать или нажать на какую-нибудь кнопку, но, увы, это было невозможно. Такая игра не доставляла большой радости. Но тут у Насти кончилось время игры, и она включила телевизор, притулившийся в их комнате на верхней полочке. Андрей рассеянно посмотрел мультики, а потом в детской потушили свет, и Андрюша, ещё немного посмотрев в окно – на раме оказалось так удобно сидеть и смотреть на улицу, – отправился устраивать ночлег. Он забрался в один из домиков – кажется, сторожку спасательной станции, устроил себе постель из кусочков поролона, которые в его игрушечном море выполняли роль льдин и айсбергов, и вскоре уснул, мечтая, как проведёт завтрашний день.

Проснулся он поздно, когда дома никого уже не было, и сначала не понял, где он находится, и почему такие странные стены вокруг. Вблизи идеально ровные квадратики Лего-кирпичиков, из которых получается будто бы совершенно ровная стенка, всё же были отличимы друг от друга. Мальчик спросонья долго считал эти кирпичики, собираясь с мыслями. Надо было решить, что нужно успеть за сегодняшний день.

Умыться было негде, а вот с завтраком проблем не возникло. Настя, которая вопреки строжайшим запретам всё же ела вчера за компьютером, оставила огромный кусок вафли и остатки компота в чашке. Так что Андрей решил не тратить время на поход в кухню, а сразу же отправился в экспедицию – на шкаф, на котором стояла его любимая игрушка – пассажирский самолёт, который он строил целых полтора дня после того как получил в подарок на Новый год. Он даже в новогоднюю ночь спать пошёл позже родителей – так хотелось скорей построить авиалайнер. Добравшись до полки с самолётом по спинке кресла, он стоял у шасси, поражаясь пугающим размерам и виду своей игрушки. Самолёт казался ему и правда почти настоящим – в турбинах виднелись винты, на колёсиках красовались резиновые покрывалки, в салоне располагались ряды кресел, а в служебном отделении нашлось место для крохотной раковины с краником, из которого разве что только вода не текла...

Андрей поднялся по трапу и отодвинул отъезжающую вбок дверь. В белом салоне было светло и уютно. Он прошёл его весь, от кабины до хвоста, сыграв по очереди роль пилота, стюарда, пассажира, таможенника и даже нарушителя, притаившегося в багажном отсеке. Для того, чтобы спуститься из шкафа на пол, и снова забраться высоко – на сей раз на письменный стол, тоже понадобилось немало сил и времени. Андрей решил сам поиграть в компьютерную игру. Набрать пароль, открыть игру оказалось проще, чем играть. Он метал-

ся по клавиатуре, прыгая с клавиши на клавишу, наступить в промежутке на ненужную было нельзя, да и веса едва-едва хватало. Экран оказался слишком близко, и следить за игрой было трудно, что он поскорее закончил игру. А вот играть в футбол на полу с маленьким резиновым мячиком оказалось куда интереснее. Он пружиняще отлетал от стен, а достать его из-под шкафа было легче лёгкого – ведь мальчик мог пройти под шкаф пешком.

Внезапно зазвонил телефон. Поднять трубку он и помыслить не мог, поэтому приготовился слушать автоответчик. Оказалось, что звонила бабушка, сообщала, что завтра приедет с дачи и очень хочет увидеть внуков, обещала прийти. Андрюша исхитрился нажать на все нужные кнопки, чтобы стереть сообщение из памяти автоответчика. Ему было как-то не по себе – ведь это была его первая тайна от мамы! И он подумал, что обязательно при удобном случае расскажет о своём удачном эксперименте маме, только не сегодня, а то она, пожалуй, перепугается.

Дистанционный пульт от телевизора Настя забыла у себя на кровати, и после обеда Андрейка смотрел все подряд кино, переключая каналы так, что устал прыгать на резиновые кнопочки. Попутно, от скуки, он немного прибрался в своём Лего-городе, а к концу рабочего дня взобрался на свою кровать. Притаился в уголке, зная, что сестра не полезет на его постель, будет весь вечер торчать у компьютера. Так оно и оказалось. После ужина все сели у своих экранов, и в доме царил непривычное молчание. Немного погодя Андрейка понял, почему – ведь шум происходит в основном когда они с сестрой дерутся, спорят, «бесятся». Сегодня ей не с кем было конфликтовать. И ему вдруг захотелось, чтобы больше не было у них с сестрёнкой ссор, стало жаль, что прямо сейчас нельзя поговорить с Настей, помочь ей, рассказать про свои приключения. Вдруг показалось обидным, что они так нелепо тратят время – на ссоры и многочасовые зависания у компьютерного экрана. Так захотелось прямо немедленно превратиться обратно в обыкновенного мальчика. Но надо было потерпеть до утра. Он твёрдо решил завтра сделать другой эликсир, увеличительный.

После часа безмолвного наблюдения за чужой игрой он заскучал и отвернулся к стенке в своём укромном уголке за подушкой на своей кровати. Под подушкой у него был тайничок с «сокровищами» – маленький брелок-фонарик, цепочка от очков, иностранная монетка, прозрачный камешек-янтарик и переливающиеся фишки. Все эти мелкие вещицы, всегда радовавшие глаз, теперь лишились своей привлекательности. Цепочка выглядела так, что впору было привязывать на неё овчарку, если есть на свете такие малюсенькие собаки. Интересно, а кусались бы они больше комаров или нет? Подумав так, Андрей тихонько засмеялся и уснул.

Проснувшись на следующее утро, Андрей сразу же отправился под шкаф, внимательно вчитался в рецепт нового эликсира и принял за его приготовление. Потом прямо там, под шкафом, лёжа на животе на раскрытой страничке «Волшебнатики», быстро выпил из маленькой ореховой скорлупки спасительную капельку эликсира. Голова вдруг будто «поплыла» куда-то, и он на миг зажмурился. А открыв глаза, увидел, что лежит поперёк своей комнаты, и только одна нога – под шкафом, и касается краешка необычайной книги.

Впереди был ещё целый день, день каникул, который он может провести

привычно, в том мире, о котором он уже успел соскучиться. А ещё он соскучился по бабушке, и поехал к ней. Уплетая привезённые из деревни крыжовник и малину, он думал, что ему вчерашнему крыжовник был бы с арбуз, а малины он бы объелся с двух ягодинок. Вечером бабушка привезла его домой, он обнимал маму, папу и сестру так, будто не видел их долго-долго. И весь вечер в этот день не отвечал Настеньке, когда она задиралась, а ещё прибрал все свои игрушки, и на полу, и на окне, и даже в шкафу. Он потихоньку читал «Волшебнатику», но на новые приключения не спешил.

...Через несколько дней сестра подошла к нему и протянула что-то зажатое в кулаке к самому его лицу.

– Признавайся, что это такое? – решительно потребовала ответа девочка и разжала кулачок. В нём лежали крохотные, маловатые даже самому малюсенькому из её пупсиков джинсовая курточка и комнатные тапочки, те самые, что уменьшились вместе с Андрейкой, и которые он вчера снял, собираясь спать, да забыл на подоконнике. Она не могла не узнать одежду брата, и потому хмурила брови и готова была заплакать от обиды, что в таком замечательном приключении, о котором она уже догадалась, брат побывал без неё.

Пришлось Андрею всё подробно рассказывать о своей жизни в облике крошечного человечка и утешать сестрёнку, расстроившуюся оттого, что пропустила такое приключение.

– А в следующий раз меня с собой возьмёшь? – спросила наконец она, обиженно шмыгая носом.

– Обязательно! – искренне пообещал ей брат.

В тот же вечер Андрейка, бережно обернув «Волшебнатику», взял её под мышку и отправился к Римме Викентьевне и Станиславу Михайловичу.

– Скажите, когда мне нужно возвратить вам вашу книгу? – поинтересовался он у соседа.

– Да полистай ещё, мне не к спеху, можешь читать сколько угодно! Там ещё столько интересного... – и старичок сосед как-то по-особенному, лукаво прищурился.

27 февраля 2007 года

Софья ПОНОМАРЁВА

О словах и бабочках

В начале было слово... Корявое такое, прошамканное старухой, считающей мелочь. Брошенное вскользь парнем, который, в общем-то, никогда и не нравился. Выцарапанное на полях старой библиотечной книги.

В нём была жизнь... Да едва теплилась, на самом деле, подумаешь – слово. На упаковке печенья тоже слова написаны, да не абы какие: длинные, сложные. Что, сразу – жизнь? Но из слова рождается она. Идея. Подобно гусенице, она окукливается, превращается в слизь, перестраивается, варясь в собственном соку. Хорошая идея выбирается из кокона прекрасной бабочкой. Плохая... ну, что ж, для мира каждая мошка важна. Твоя особенно, да.

Вдохновение – это та самая идея, случайно влетевшая птицей в окно. Ну или бабочкой в ухо, если так больше нравится. Вроде прекрасное создание – изящное, нежное. Но присмотришься – крылья рваные, летит криво, усы неприятно щекочут твой мозжечок. И какой бы она ни казалась идеальной, по-настоящему прекрасной её сделает только кокон. Туда её, туда – перевариваться, изменяться, дозревать. А там, глядишь, из неказистой капустницы получился довольно величественный махаон. Ну или не очень величественная моль, если что-то пошло не так.

Ты достаёшь эту бабочку из головы и пытаешься запечатлеть её образ на белом листе. О нет, убери булавки! Бабочка ценна не своими крыльями, а тем, что с их помощью она умеет летать. Вот так, да, разжимаешь ладонь и смотришь на её порхание. Запоминаешь. Можешь попытаться проанализировать её полёт, схемы умные начертить. А можешь не тратить время и послушать меня.

Наблюдай за ней. Почувствуй её. Стань этой чёртовой бабочкой. Закончил? Нет, не думаю. Теперь выпускай вторую. А потом третью, правильно. Дальше считать не намного сложнее, так что справишься самостоятельно.

Настало время посмотреть на то, что получилось, и признать, что танец полупрозрачных бабочек превратился на бумаге в рой навозных мух. Ну или чего похуже. С этого момента ты начинаешь всё исправлять: вытягивать тельца, перекрашивать крылья, уточнять траектории. Если ты слишком талантлив, избавишься даже от запаха. В конце концов может получиться то, что ты видишь своими глазами. Ах, бабочки приказали долго жить? Ну что же ты так неаккуратно.

И вот после монотонного, всепоглощающего, прерывистого, надрывного повторения всех этих действий у тебя на руках будет оно. Слово.

Теперь можешь нести его людям.

Хотите чаю?

Вы помните, как появились на свет? Я тоже нет. Лишь одна яркая вспышка: много людей, кто-то меня рассматривает и тычет тёплым и мягким пальцем прямо в горло. Неприятно. Потом эти пальцы потянулись куда-то вниз, и меня снова накрыла тьма.

Очнулся я уже в небольшом помещении, отделанном немного старомодно на мой вкус. Мне по душе что-то более функциональное: ну, там, лампочки, кнопки. А меня поставили рядом с какими-то толстыми брошюрами в твёрдой оболочке. У меня тоже такая была когда-то, своя, но тоньше и полезнее. Я как-то заглянул в одну из таких толстух – жуть! Какие-то странные слова вроде «интерпретация», «метатекст». Больше я старался к ним не приближаться, и при каждом удобном случае плевался на них кипятком – не нравились они мне всё-таки, уж слишком заносчиво переливались их бока под светом огромной лампочки, висящей где-то снаружи. А уж их имена и вовсе раздражали меня. Длинные, захочешь выговорить – не сможешь! Впрочем, ко мне это относилось в меньшей степени, а люди спокойно звали их, брали в руки и перелистывали. А меня по имени никогда не звали – лишь «чайник» да «чайник». Так же звали ещё нескольких людей, которые приходили и, заламывая руки, что-то объясняли у большого стола. Кто-то из них, взглянув на меня, бросил, что имя моё уж больно женское. Не знаю, что это значит, наверное, что-то плохое, так что я старался всегда поворачиваться носом – тогда и имени не видно. Но чаще меня просто отворачивали, упирали этим самым носом в угол, и, чтобы не отключиться со скуки, мне приходилось слушать людей, которые приходили в эту комнату.

Постепенно я начал понимать. Во-первых, я понял, что я не человек. Об этом я догадывался изначально, всё-таки мало между нами сходства. Во-вторых, оказалось, что я нахожусь в месте под названием «кафедра». За дверью было ещё одно помещение, наверное, что-то большее, частью чего была «кафедра», но я не особо представлял, как такое может быть. Я познакомился с зелёными проводами, расставленными по всей комнате, – оказалось, это растения. Странные ребята – спросили у меня, когда распушусь. Распуститься – это значит вытянуть вверх цветной комочек, похожий на скомканный лист бумаги, и вертеть им во все стороны. Развлечение не для меня, хоть я и пытался. Но получилось только выплеснуть кипятком.

Самое главное, я понял, зачем здесь стою. Раньше я как-то не задумывался об этом, но люди постоянно говорят о каком-то «предназначении», «судьбе». Я так понял, что это о функциях человека, только названия у них другие. Вот моя функция, а значит, моё предназначение – кипятить воду. Люди потом наливают её в небольшие ёмкости и сыплют что-то тёмное или бросают туда пакетик с чем-то шуршащим. Как я понял, если что-то сыплют — это называется кофе, а если опускают пакетик, то это чай. Люди пьют это и становятся добрыми, весёлыми, бодрыми, если они не одни. Иногда кто-то сидит в одиночестве, обняв руками ёмкость с чаем или кофе и смотрит в никуда. Странное дело, на глазах у них тоже появляется вода, но я так и не понял, как люди это делают. А главное – зачем?! Я ведь стараюсь, воду для них кипячу, а они... Э-эх...

Люди постоянно уходят и приходят, такие уж они непостоянные. Некоторые меняются до неузнаваемости, некоторые остаются прежними, но те лишь висят в квадратах на стене и молчат. Они больше похожи на меня. Помню, как их убрали, вынесли все книги, меня запрятали. Страшное было время, даже вспоминать не хочу. Но потом мне выделили личную плоскость и назвали это «полка». Ну, теперь просторно будет!

На «кафедре» многое меняется. Появляются и исчезают растения, прыгают с полки на полку книги, скалят зубы и выпускают из глаз воду люди. Обо мне говорят, что я не изменился, говорят, «как новенький». Но я чувствую, что когда-нибудь уже не смогу утешать и бодрить людей. И тогда, наверное, меня унесут в другое место. Надеюсь, что там не будет темно и сыро – но уж как повезёт. Думаю, не стоит кипятиться по этому поводу раньше времени.

А пока – хотите чаю?

Наталья ЛЕВЧЕНКО

Рассказ со счастливым концом

Каким вы представляете себя в старости? Наверняка не той бедной старушкой, которая уже несколько лет одиноко сидит на лавочке перед подъездом, как только наступают тёплые деньки. И мысль о том, чтобы идти в один магазин, где сахар дешевле на три рубля, а потом в другой за творогом, который дешевле на целых пять, вас просто смешит. Можно поспорить, что в представлениях о своей старости вы никогда не сидите дома, постоянно ходите в гости к своим старым друзьям, модно одеваетесь, водите мотоцикл, который вам не разрешили купить в 17 лет, и каждое лето ездите на море, предварительно накопив на путешествие с пенсии. По выходным вы, наверное, ходили бы со своей вечно молодой бандой на концерты или в кино, и каждый раз, когда выходили бы из дома, на вас осуждающе смотрели те самые бабушки на лавочках. И, конечно же, дети и внуки приезжали несколько раз в неделю, это обязательное условие. Но такая радостная пенсия считается утопией, а все эти мысли ужасно банальны. На самом же деле начинает болеть спина и колени, поэтому со временем дойти до магазина и обратно становится настоящим подвигом, какие там концерты со старыми друзьями. А что с ними стало – неизвестно, номера телефонов куда-то потерялись. И у детей много работы, заезжать стали теперь редко. Медленно подкрадывается одиночество.

Тот самый день пожилой мужчина ждал давно. 12 сентября, его день рождения, последние года стал особенным. Всегда приезжали сыновья со своими семьями, готовили праздничный ужин, дарили очень полезные подарки, как, например, чайник или комплект постельного белья, рассказывали про свои проблемы, а потом мужчины начинали обсуждать политику, в то время как женщины, заскучав, шли на кухню секретничать. Но самый любимый момент дня наступал тогда, когда внуки подбегали к своему дедушке и просили рассказать какую-нибудь историю из его жизни. В этот день мужчина чувствовал

себя по-настоящему любимым и нужным. А затем уезжали, и всё становилось, как прежде. Проснулся старик тогда ещё раньше, чем обычно, в 4 утра. Вымылся и торжественно сбрил редкую щетину. Дочиста вымыл свою небольшую квартирку, а затем, немного отдохнув, пошёл в магазин, чтобы купить немного продуктов к ужину. Дорога была долгой, пакет тяжёлый, но не оставлять же любимых внуков без конфет. Придя домой, мужчина уселся в своё любимое кресло, справа от кофейного столика, так как слева обычно сидела, уже покойная, жена. Мужчина поставил телефон рядом с собой и включил телевизор, периодически подбегая к окну, чтобы высмотреть там хоть кого-то знакомого. День уже начал сменяться вечером, а никто до сих пор не приехал. Когда стало совсем темно, зазвонил телефон. Отчаянье, которое окутало старика, мигом прошло, а после разговора появилось снова и даже утроилось. Жена одного из его сыновей сухо поздравила и сказала, что никто не сможет приехать, много хлопот, да и поздно уже. Надежда на внезапный сюрприз не пропадала, но после ещё одного часа, проведённого в полной тишине, и она покинула мужчину, и он остался в полном одиночестве. Ни сыновья, ни внуки так и не позвонили, видимо, они либо забыли, либо им стало стыдно за то, что они оставили его одного. Надев потрёпанную чёрную куртку, старик нащупал в кармане последние 500 рублей, и решил потратить их на свой любимый торт со сливками и на дешёвую водку, терять ему было уже нечего. Аккуратно спускаясь со ступенек, дедушка заметил у выхода из подъезда маленького щенка, который забился в угол при его приближении. Не найдя в магазине свой любимый торт, мужчина решил, что пить сегодня уже точно нет смысла. На кассе он стоял с пакетом молока и варёной колбасой. Домой он по своим меркам просто бежал, с мыслью о том, лишь бы успеть. Но когда он наконец оказался в точке назначения, там уже было пусто. Ему стало тогда так обидно и страшно. Но вдруг он услышал, что кто-то тихо заскулил. Стараясь идти на звук, старик обошёл лестницу и увидел всё того же щеночка. Он был коричневого цвета, с чёрным носом и повисшими ушками, которые очень умиляли дедушку. Но глаза были очень умными и выразительными, казалось, что щенок прямо сейчас может заговорить. Запустив животное в квартиру, дедушка начал за ним наблюдать. Собачка сначала была очень напугана и пыталась найти новое тёмное укрытие. Видимо, диван оказался тем самым идеальным местом. Дедушка попытался выманить животное оттуда, но удалось ему это сделать только тогда, когда он поставил перед диваном мелко нарубленную колбасу и блюдце с молоком. Голодный и пыльный, щенок набросился на еду и начал смешно чавкать. После того, как он наконец наелся, старик погладил его и начал играть. Сначала щенок был немного испуган, но чуть позже он полностью успокоился и начал с интересом обследовать новое место обитания. Заснул щенок на дедушкиной кровати, уткнувшись ему в плечо.

Щенку очень понравился новый дом и хозяин, а дедушке очень понравился новый друг. Он подолгу играл с ним, гладил, разрешил спать с ним на кровати, начал учить командам. «Дай лапу» пёс выучил быстро, но вот команду «Сидеть» не мог освоить очень долго. Когда зверь подрос, настало время выводить его на прогулку.

Дедушка немного нервничал, потому что считал, что не сможет долго и ча-

сто гулять со зверёнышем, ведь он почти никогда не сидел на одном месте, вечно бегал по всей квартире, и дедушка просто мог не успеть за ним. Мужчина нашёл у себя длинный махровый пояс от старого женского халата, немного перешил его, и получился самый настоящий поводок. Выйдя на улицу, захватив с собой немного колбасы, дедушка опустил щенка на землю и потянул за собой в сторону небольшого парка. Удивительно, что в этом парке мужчина был за всю свою жизнь всего пару раз, и то очень давно, хотя парк был прямо возле его дома, так что и для него, и для собачки это была новая, неизвестная территория, которую им хотелось исследовать. Щенок обгонял старика и дёргался во все стороны, пытаясь вырваться, но когда мужчина давал ему кусок колбасы и что-то громко говорил, щенок ненадолго успокаивался, и со временем начинал понимать, что от него хотят. Придя в парк, мужчина немного разочаровался, ведь он почему-то казался ему больше, чем на самом деле. В нём было всего пара лавочек и четыре дороги, которые в центре образовывали кольцо. Но вот щенок был просто в восторге, и сразу потянулся в сторону кустов. На одной лавке играли в шахматы два деда, и за ними сидели ещё два, которые бурно обсуждали игру, а сбоку сидела старушка и тихо посмеивалась над ними. Сделав один круг по парку, мужчина так устал, что даже до дома дойти бы не смог. Усевшись на лавку напротив игроков, дедушка и сам очень внимательно начал наблюдать за игрой, и даже не заметил, как собачка распутала поводок и начала зарываться в опавшие листья. Заметил пропажу щенка мужчина только тогда, когда тот подбежал к самым играющим и начал их обнюхивать. Никакие уговоры колбасой не помогали, а вставать так не хотелось. Тогда бабушка уже начала посмеиваться над ним, взяла щенка на руки и начала чесать того за ушком. Мужчина медленно подошёл к ней, взял щенка на руки, тихо поблагодарил и сразу же ушёл домой, вина щенка в том, что он всем мешает. На следующий день старик и щенок снова пришли в парк, сделали такой же круг, и старик снова уселся напротив играющих в шахматы дедов. Он спустил щенка с поводка и начал наблюдать. Деды поменялись местами, и теперь те, кто играл, начали обсуждать, и наоборот, а бабушки в тот день вообще не было. Заметили они приход старика с собачкой сразу, но познакомиться с ним решились чуть позже. Оказалось, что они собираются на этой лавочке ещё с лета, когда на улице хорошая погода. Устраивают чемпионаты, обсуждают новости или просто молча сидят вместе. Оказалось, что та старушка работает билетёром в местном театре и всегда может добыть бесплатные билеты на представления. Один из дедов приходил в этот парк на протяжении двух лет вместе с этими шахматами и играл сам с собой, когда к нему не присоединялись остальные, такие же брошенные пенсионеры, как и он сам.

Так они стали собираться каждый день, старик с собачкой был назначен судьёй пока остальные мужчины играли. Старушка приходила не каждый день, так как работала, но иногда она приносила билеты и выводила своих кавалеров в театр. Когда наступили холода, было решено составить расписание и ходить друг к другу в гости. Внуки, узнав о том, что у их дедушки появился щенок, начали проситься к нему на выходные, чтобы поиграть с ним, ведь родители не разрешали завести своего. Назвали щенка Тортик.

Егор ЕВСЮКОВ

Песочница

Прохладный, податливый, мягкий. Как хлеб, смоченный сахарной водой. Как утренняя разваренная овсянка к ломтю такого хлеба. Но без молока, без тёплого влажного пара. Липкий, лепкий. Как хитрое тесто, которое обычно сбегает от мамы. Песок!

Песок! Витя лепит из него куличи и домики. И сам он как будто сейчас в домике. Четыре брёвнышка, ни одного гвоздя – соседские дяди за день срубили, за вечер поставили – и вот, песочница. И вот – грибок, голубая крыша. Его тётки соседские покрасили – эмульсионка, вчера только забор маляровали. А здесь – никаких заборов. Домик без стен, со всех сторон открытый миру. И Витя – в нём, глядит из него в мир. Потом – на песок. И мнёт, и мнёт его ручонками. И песок выскользывает сквозь пальцы, как зубная паста из тюбика. И тогда Витя снова глядит в мир. И свой мир лепит. Набирает лопаткой, почти что ложкой, песочно-овсяную кашу, трамбуется в ведёрке. Переворачивает, стучит по доньшкю. Растут друг за другом дюны-домики. Растут и тут же осыпаются, оседают. Местятся рядом приплюснутые горки, почти что комки маминогo теста. А дом настоящий не лепится – и нелепица получается. И Вите смешно – и щёки круглятся его, как два всконопаченных солнышка.

Пахнет свежей травой. И ветер сегодня солнечный, по-другому не назовёшь. Ласковый майский ветер, колышущий жёлтое море одуванчиков. И проседи, проседи – в этой сплошной золотой желтизне! – побелели, облунели весенние солнца. И Витя, сам как солнце, спустившееся погостить на землю, в эту землю зарывается. В этот песок, на островке среди жёлтого моря. И ветер, играя, развевает его рыжие вихры.

А вот у Серёжи, Витиногo брата, волосы тёмные, короткие. Ветер с ними не играет. И давно другие игры у Серёжи. Сидеть с малым – такое себе: не туда пойдёт, не то возьмёт, не то в рот потащит. Он-то пойдёт, он-то потащит. А ты – сиди. А вот-вот закончится четверть, отзвенят последние звонки, отбушуют учителя и завучи... Свобода! А пока сиди на брёвнышке, предвкушай и томно вздыхай. Телефон – хоть одна отдушина.

С замыленным и битым, как фары соседских «жигулей», стеклом, Серёжин «самсунг» не обещал больших мощностей или интернета в «пять палок». В классе за такие били – считай, с барахолки. Весь в отпечатках, с забившимися в трещинки карманной взвесью, даже жвачкой. Этот «старый плавучий чемодан», со слов однокашника Сашки, влёткую можно обменять на два столовых пирожка. Или отдать дяде Ване, владельцу битых «жигулей». Но Серёжа этого делать не спешит: у него там, по ту сторону тёмного экрана, своя песочница.

Щёлк! Щёлк! – и пиксельные фигуры задвигались. Странно, по-квадратному, геометрично. Блок встаёт на блок, образует стену. Серёжа огораживается, защищается – скоро виртуальная ночь. Точит алмазные мечи, полирует доспехи. Проверяет инвентарь. Роемся в сундуках. Что-то крафтит, создаёт. Вот он – его дом, пусть и оквадраченный, с упрощённой графикой жизни.

А рядом, уже на коленках и по коленки в песке, ползает весь извазюканный жизнью Витя. И нет ему дела до коленок: чистые ли они, целые ли они. Нет дела до ссадин. Ветер подует, поцелует – и всё пройдёт. Не уследил брат...

Ветер раскачает белые простыни, сохнувшие во дворе. Маленькая, сстулившаяся, промелькнёт между ними мать с бельевой корзинкой. Оставит сбежавшее тесто, не домочет кастрюльку от каши. Завидев своих мальчишек, окликнет их звучно:

– Серёжа! Витя! Домой!

Елена КИРИЛЛОВА

САНУШКА

*Крутится, вертится шарф голубой,
Крутится, вертится над мостовой,
Крутится, вертится, хочет упасть,
Кавалер барышню хочет украсть.*

Неизвестный автор

Летом Шура просыпалась на рассвете, под пение птиц. Просыпалась с радостью, потому что была молода, красива и здорова. Одевалась и бежала на работу, в театр: она шила сценические костюмы для актёров драматического театра. Уездный центр Минусинск славился своим драматическим театром и церквями: в праздники народ тянулся из малых сёл и окрестных городов – кто в православный храм, а кто в храм культуры. Позже к достопримечательностям добавился музей Мартьянова; в этом музее висит картина, на которой видны золотые купола четырёх православных храмов. До наших дней сохранилась только одна – Спасская церковь.

Шура гордилась своей работой. Портнихой моя будущая бабушка по материнской линии была первоклассной. Она умела не только шить, но и вышивать, и даже плести кружева на коклюшках, что считалось наивысшим умением. В театр её устроил муж Алексей, работавший там обувщиком. С будущим мужем, постарше её лет на семь, Шура познакомилась в родительском доме – в деревне Проезжая Кома Комской волости Минусинского уезда Енисейской губернии, куда её родители – Яков и Евдокия Сюсины – перебрались из Самары. Позже деревня называлась Подлиственной, теперь её уже нет на картах, на этом месте – леса и луга. Да и раньше мало кто знал о существовании такой деревни, хотя была она не так уж мала.

Наверное, сапожник Алексей ездил по сёлам и принимал заказы на пошив обуви. А может, он приехал в Подлиственную в гости к знакомым. Итак, красивый, в парадной одежде, Алексей пришёл с подарками к Шуриным родителям – просить руки их дочери, Санушки, как ласково звали родители младшую дочь. Ему решительно отказали. Возможно, потому, что старшие сёстры Александры – Саломея и Елизавета – ещё не были замужем, а может, Алексей показался родителям незавидным женихом.

Семья Сюсиных была не богатой, но и не бедной, занималась выращиванием льна на собственных полях, был у них и ткацкий станок. Весь цикл работ от выращивания льна до пошива одежды выполняли сами. А это очень трудоёмкий, многоступенчатый процесс. Одежду не продавали, шили только для себя, для семьи: все сёстры умели шить и вышивать.

Дом Якова и Евдокии стоял на опушке леса. Летом они «жили ягодами, грибами», как тогда говорили; сёстры скакали на лошадях – «верхами», с коробами

за спиной. У Сюксиных имелся свой скот, птица; вместе с младшим братом, тоже Алексеем, Шура в детстве пасла гусей. Объединяла их с братом любовь к природе, они замечали необычные облака, красивые пейзажи – об этом рассказывала Александра своей дочери, вспоминая брата: Алёша рос болезненным и рано умер. Вообще же Александра Яковлевна всегда была очень немногословной, о себе тем более говорила очень мало.

Не получив согласия родителей, влюблённые решили бежать. Алексей выкрал невесту из родительского дома, и они направились в Минусинск, где у жениха имелась собственная квартира. Обвенчались в минусинской церкви, какой-то из четырёх. Возможно, в самой новой на тот момент, Вознесенской. Много лет Александра берегла розовое венчалное платье, но всё же оно потерялось. Год свадьбы точно не известен, на рубеже первого и второго десятилетий двадцатого века.

Молодые жили душа в душу те два-три года, которые были отведены их союзу. Детей у них не было. Алексей души не чаял в Шурочке, старался, чтобы она ни в чём не нуждалась, сшил жене модные сапоги, подарил ей двух канареек – золотых птичек в клетке. Но судьба готовила молодым тяжёлый удар.

Алексей зарабатывал сапожным ремеслом – тем, что умел делать лучше всего. Не отказывался, кроме основной работы в театре, и от разных случайных заработков. Со временем он почувствовал, что не может работать так же много, как раньше, несмотря на молодой возраст. Вскоре Алексей умер – похоже, из-за болезни сердца. Шура, похоронив любимого мужа, не смогла оставаться в городе, где всё напоминало ей о прошлом. Она продала дом и уехала к родителям, у них жили ещё две Шуриных сестры. Были ли у сестёр свои семьи – неизвестно, а два старших брата, Изосим и Кузьма, обзавелись семьями и уехали из родительского дома.

Братья Шуры в детстве учились в церковно-приходской школе, а девочки были неграмотными. Правда, когда на квартиру к Шуриным родителям определили приезжую учительницу, молодую девушку (спать её устроили на русской печи), та научила Шуру немножко читать и писать. Так что как минимум расписываться Александра Яковлевна умела.

Кузьму во время Первой мировой войны призвали в армию. У него был красивый почерк – в семейном архиве сохранилась подписанная им фотография, – поэтому в армии его сразу определили писарем. Несмотря на, казалось бы, не очень опасную должность, Кузьма погиб на фронте. Перед уходом в армию он успел жениться. Как звали супругу – никто не помнит; а детей звали Фрося и Конон. Жили они на Абаканской Согре.

Конон, сын Кузьмы, и Афанасий, первый муж Ефросиньи, одновременно погибли в самом начале Великой Отечественной войны, в 1941 году: вместе были призваны и служили в одной части. Двоюродной сестре, которой тогда было восемь лет, Конон помнится очень серьёзным, здравомыслящим, он приезжал с фронта в отпуск в новой, удивительно красивой гимнастёрке с карманчиками.

Наверное, семья брата Кузьмы и подала мысль Александре уехать жить на Согре. Там не было ни школы, ни лечебного пункта, ни почтового отделения. «Жители пользовались этими услугами в селе Усть-Абаканское, которое находилось от п. Сogra на расстоянии одной версты. Через реку они ездили зимой по льду, а летом – на пароме». (Баяндин Л. Н. «История образования населённых

пунктов Согра и Рыбаки...»). Теперь Согра – это самый большой микрорайон Абакана, и Нижняя Согра («Заречье») уже не считается, как прежде, неблагополучным районом города.

Таким образом, до обесценивания денег во времена военного коммунизма 1918–20 годов Александра успела купить домик на Нижней Согре – на средства, вырученные от продажи квартиры в Минусинске. Шура смогла получить продуктовые карточки. Пайки выдавались в селе Усть-Абаканское, которое находилось рядом, за рекой: центр Усть-Абаканской волости Минусинского уезда стал городом Абаканом только в 1931 году.

В Усть-Абаканском Шура подружилась с Катей Вороновой, и они часто вместе ходили на почту. Почтальон Емельян, который сам же и развозил почту по деревням и сёлам – зимой на санях, летом на телеге, с удовольствием вручал симпатичным девушкам письма. Особенное внимание он обратил на Александру. Шуре он тоже понравился. Когда молодые люди познакомились поближе, оказалось, что у них немало общего – интересы, привычки. Емельян, как и Шура, не был чужд искусствам: умел фотографировать, делал красивые фотопортреты, немного подрабатывая своим ремеслом. На фотографии из альбома он молодой, бравый. Украинские усы. Глаза грустные.

Шло время, отношения между Емельяном и Александрой окрепли и привели к свадьбе. Она совпала с началом нэпа, 1921 год. Немного смутил Емельяна возраст будущей супруги – она родилась 9 апреля 1888 года, была старше на пять лет. При оформлении брака он убавил ей годы в документах на девять лет: записали 1897 год вместо 1888. Емельян Васильевич Любчик родился в 1893 году – как Маяковский, – всегда говорила его дочь Вера, учитель литературы. Родом он был из Полтавской губернии, село Крутые Горбы.

Семья Емельяна решила податься в Сибирь в начале двадцатого века. Добирались Василий, Евдокия и пятеро их детей на чём придётся, где на телеге, где пешком. В этом тяжёлом пути один из братьев – Мирон – потерялся.

Семья построила дом практически в глухом лесу, с нуля, выкопали колодец. Деревня, основанная в 1909 году переселенцами, называлась Новокиевка. Судя по названию, переселенцы были в основном с Украины. Позже деревню переименовали по названию местной речки – Талажанка, Казачинский район Красноярского края. Василий, глава семьи, был почти слеп, но работал на строительстве больше всех. Емельян, вспоминая отца, потом говорил о своей младшей дочери: «Вот стану я старый, ослепну, а она будет меня за руку водить». Не случилось этого...

Когда Александра и Емельян поженились, они построили большой дом, баню, стайки, разбили приусадебный участок, посадили ранетки, огромный куст черёмухи. Позже дочери Валя и Вера гоняли скворцов с этой черёмухи. За огородом росла дикая клубника – очень живописное место, выходило на гору «Нашу», так её называли. С этой горы сыновья Шуры Володя и Виктор катались на лыжах.

Емельян и Александра жили в согласии двадцать три года – до гибели Емельяна в 1944 году. Родили четырёх детей, имена которых, по желанию матери, начинались с одной и той же буквы «В»: Валентина (1924), Виктор (1926), Владимир (1928), Вера (1932). Валентина и Владимир были больше похожи на мать, а Виктор и Вера – на отца. Надо сказать, что у этих родителей никто из детей в малом возрасте не умер, хорошо ухаживали за детьми.

Перед войной Емельян некоторое время служил начальником резерва проводников пассажирских вагонов, его фотография даже висела на Доске почёта. Потом получил профессию проводника на железной дороге и часто бывал в разъездах. Его старшая дочь Валентина и внук, её сын Владимир, тоже всю жизнь проработали проводниками. Правнук Дима сейчас работает обходчиком на абаканской железной дороге – вот такая династия.

Сил и времени у Емельяна хватало и на другие дела помимо работы. Свободные вечера семьи нередко были посвящены музыке, пению. Емельян очень хорошо играл на скрипке, Александра замечательно играла на балалайке. Любимой песней Емельяна Васильевича была «Реве та стогне Дніпр широкий». Почти все дети унаследовали музыкальность родителей, играли на разных инструментах.

Желая прокормить большую семью, супруги Любчик организовали в конце двадцатых годов «малый конфетный бизнес» вместе с Климентием Гудзенко, коллегой Емельяна по работе на почте, старше Любчика на пятнадцать лет. Может, они познакомились и через приятеля Климентия – Егора Скорина, жившего на Согре по соседству с Любчиками.

Климентий и Емельян подружались, Емельян с семьёй даже ездили в гости к Гудзенко в Минусинск. Младшая, Вера, помнит простую деревенскую обстановку и впечатливший не только ребёнка трюк: Климентий мог держать столик на одном лишь пальце (поставив его на палец краем ножки так, чтобы тот не падал).

Ныне Климентий и его сын Николай, известный актёр и режиссёр Минусинского драмтеатра, – почётные граждане города Минусинска, оба награждены орденом Ленина.

Из конфетного бизнеса Любчиков ничего не получилось. 11 октября 1931 года в СССР была полностью запрещена частная торговля. Частные магазины были конфискованы вместе с товаром, их владельцы ограничивались в правах.

В голодные годы Емельян ходил по сёлам и делал фотографические портреты, не за деньги, а в обмен на продукты – хлеб или муку. Однако временами можно было изготавливать портреты за плату, так что Емельян постепенно скопил денег и купил серого коня – Серко. Емельян на нём ездил, возил почту на телеге, на санях. Как-то так случилось, что кошки в их доме тоже всегда были серыми (и не только ночью).

Как и в семье родителей Александры, Любчики выращивали лён, делали из него ткань – был у них свой ткацкий станок. Александра шила одежду семье на зингеровской швейной машине, которую подарил ей муж на рождение первого ребёнка. Любила шить косоворотки – это рубаха, застёгивающаяся у горла; если, к примеру, белая, то опояска нужна цветная. Вышивала рубахи, полотенца, дарила их родственникам и знакомым. Денег за свою работу не брала. Жаль, машинку Александре пришлось продать в 1950 году: неотложно потребовались деньги.

Интересный случай: в 1933 году две семьи – Любчики с детьми, младшей из которых не было и года, и семья старшего брата Александры вместе соорудили плот и поплыли вниз по Енисею в Подлиственную, навестить родственников. Путь с остановками на ночёвки мог занять от трёх до семи дней. Конец пути семьи проделали на подводах, поскольку до Подлиственной по речке Кома, впадающей в Енисей, невозможно плыть на плоту против течения. Обратное возвращались на подводах или на пароходе: по реке Абакан тогда ходил единственный пароход «Партиец».

Через три года на Согре случилось наводнение. Любчиковы ребята – восьмилетний Володя и Витя десяти лет сделали свой маленький плот, и на нём катали четырёхлетнюю сестрёнку по двору, который превратился в озеро. Детям развлечение, но все растения в огородах погибли, а Шура так радовалась цветам, её палисадник всегда буйно цвёл, в нём виднелись самые любимые – синие соцветия гортензии и бело-розовые колокольчики глоксинии... Нижняя Согра после наводнения голодала. Верхняя Согра была побогаче, в тридцатые годы там существовал колхоз «Красная Согра». А на Нижней – не было. Любчики жили бедно. Когда Володя повёл семилетнюю сестру в первый класс, на ней было шитое мамой платье из мешковины, покрашенное фиолетовыми чернилами. Такая же – школьная сумка.

Ещё запомнившийся детям случай – шаровая молния. «Сестра Валя, – рассказывает Вера, – лежала на кровати, в комнате: может, она ничего и не заметила. А мама была в кухне, куда влетела молния; загорелись брёвна. Мама сразу же упала на пол и лежала, пока молния не вылетела через окошко. Потом молния полетела через забор на паром, сожгла забор, стена снаружи тоже обгорела».

А в 1938 году перед соседним посёлком Рыбаки, где был огромный луг – там дети рвали цветы, щавель, веники и отдавали родителям для продажи, – приземлился первый в тех краях самолёт, вся Согра прибежала смотреть...

Началась война, теперь Емельян бывал дома редко, посылал из поездов письма-«треугольники», которые читали всей семьёй, и не по разу – к сожалению, письма не сохранились.

Александра выполняла по дому всю тяжёлую физическую работу – великая труженица, – слова её дочери. Вместе с сыном Володей выкопали колодец, с дочерью Верой «на коромысле» уже после войны вырастили сад ранеток-полуяблочек. В этом саду уже после войны Вера готовилась к экзамену в училище, лёжа с книжками на одеяле под яблоней.

Александра в голодные годы старалась кормить детей получше, насколько могла. Дети подбирали на полях сухую картошку, рвали «хлебенки» (саранки), а их мама собирала по скалам зверобой. Валя и Виктор не очень любили физический труд, а Володя сам сделал лодку, подвозил мать к скалам, она забиралась наверх и там искала целебную траву. Зверобой продавали на рынке, а на вырученные деньги покупали сорняк соболёк – из него можно было печь лепёшки. Младшую сестру Володя возил на своей лодке на остров за черёмухой для пиров: когда получали паёк, пекли пироги из муки с черёмухой, Володя сам сделал мельничку для размалывания сушёной черёмухи.

За пайком ездили в Абакан, через реку, один раз в неделю – зимой на саночках, летом на пароме. Можно было доехать до Абакана и на баркасе – это большая лодка на десять человек. Через реку протягивали толстый канат, и «водитель» баркаса вёл его, перебирая руками вдоль каната. От работника требовалась большая физическая сила. Этот перевоз стоил 60 копеек. (Для оценки суммы, забегая вперёд: пенсия после гибели отца составляла 16 рублей, и это делилось на пять человек).

Емельян в военное время по-прежнему работал проводником, но теперь перевозил раненых из различных мест, размещали их по госпиталям, в том числе и в Абакане. Госпиталь находился в десятой школе, напротив вокзала. Когда Емельян приезжал в Абакан, домой мог заехать не всегда. Дети переправлялись

через реку, чтобы повидаться с отцом, подбегали к поезду, а он мог подкормить их, если оставалась после раздачи раненым каша или другая еда.

Младшая дочь помнит: перед последней своей поездкой в 1944 году отец усадил её на колени, обнял, поцеловал – и навсегда уехал. В 1944 году семья получила похоронку. Володя рыдал всю ночь, а наутро сказал младшей сестре: «Теперь я за тебя отвечаю, я твой водитель по жизни».

В 1972 году Вера с дочерью (то есть со мной) ездили на Украину разыскивать могилу Емельяна. Может, нашли, а может, и нет. Предположительное место захоронения под Харьковом называлось Красная Лопань.

Знала я младшую сестру деда – Марусю, Марию Васильевну. Мама её очень любила и уважала. Тётя Маруся прожила 95 лет, похоронив четверых сыновей. Всю жизнь проработала на фарфоровом заводе. Я помню её подарки – фарфоровых гусей, рыбок, лебедей – невиданной красоты, храню их по сей день. Маруся – я её называла тётей, как мама, а не бабушкой – немного жила у нас, ещё до моего поступления в школу. Маленькая, худенькая, строгая – она, казалось, никогда не улыбалась.

Забавно произошло наше знакомство: приехав из Иркутской области к нам в город Прохладный в Кабардино-Балкарии, она вызвалась забрать меня из детского сада – сюрприз, мол. Сюрприз удался не очень. Сначала воспитательница не хотела отдавать ребёнка неизвестно кому, но потом убедилась, что это моя родственница. Теперь упёрлась я, ни в какую не хотела идти с незнакомой женщиной. Мы долго переговаривались, стоя по разные стороны деревянного детсадовского забора. Незнакомка объяснила мне, что приходится тётей моей маме, и что мы уже виделись раньше у неё в гостях: – «Помнишь, ты выпила у нас весь брусничный сок и спрашивала ещё». Тогда я стала экзаменовать её: как зовут моих маму, папу, во что они одеты, по какому адресу мы живём, и так далее. Тётя Маруся экзамен сдала, и мы пошли домой. Но она на меня обиделась.

Также мне довелось увидеть младшего Емельянова брата Ивана и его жену Лукерью, мы ездили к ним в глухую деревню Малиновку. Ближайший к ней населённый пункт – это село Салба в Краснотуранском районе Красноярского края. В этом селе проживала дальняя родственница то ли Ивана, то ли Луши – тётя Вера, через них-то мы и ехали. Ради нашего приезда они зажарили очень молодого поросёнка, практически младенца. Отец отказался его есть – сказал, что не может, сильно уж мал поросёнок, жалко. Остальные ели.

Малиновки давно уже нет, да и тогда было всего лишь десять дворов, причём два из них заброшенные. Электричество в дома подавали только по средам, с восьми вечера. В отсутствие электричества местные жители мирно беседовали о политике, и мой отец с дядей Ваней (хотя он мне не дядя, а дед, конечно) тоже с азартом обсуждали вечерами советских руководителей. Детей в деревеньке было мало – три девочки и два мальчика. Из них лишь одна местная девочка видела в городе кинофильм, остальные не знали, что такое кино. «Движущимися картинками» они называли диафильмы.

В малиновский магазин редко завозили сахар, в наш приезд его не было. Зато был немалый запас шоколадных пряников – колечком, с дыркой внутри. Постепенно мы скупили весь запас пряников в магазине. Продащица даже потихоньку показывала нас местным жителям как достопримечательность – кроме нас, чёрствыми пряниками никто не интересовался.

Под забором избы дяди Ивана и тёти Луши «за просто так» росли шампиньоны, и мы день через день собирали их и жарили. Изредка тётя Луша сбивала масло от своей коровы: никогда в жизни я больше не пробовала такого вкусного свежайшего масла. Неподалёку от избышки – обширные клубничные поляны, мы там собирали клубнику и сушили (сахара-то нет). Однако выехать из этого рая оказалось непросто: когда шли проливные дожди, дороги становились абсолютно непроезжими. Нужно было ждать несколько дней, пока дорога слегка просохнет, чтобы как-то доехать до Салбы на телеге – в невероятной тряске по ухабам. Оттуда уже – на автобусе до Нижнеудинска, если кому надо. А дальше можно теплоходом...

Да, когда начинаешь собирать информацию о родственниках не то что в четвёртом, а даже и в третьем колене, её оказывается до обидного мало – не записывали, не запоминали, не хранили. Мне хотелось рассказать о жизни обычных людей – не героев и не злодеев, о поколении моих бабушек-дедушек, простых крестьян-тружеников, но наделённых талантами и смекалкой.

Отдельные разрозненные факты с трудом собирались на какое-то подобие ниточки, уточнялись география, история, семейная хронология – хотелось обойтись без художественного доммысла: всё, как оно есть. Получилось скудно по информации. Конечно, дядей-тёток, предшествующее мне поколение, я хорошо помню (но это совсем другая история), а бабушку практически не знала, память двух-трёхлетнего ребёнка не в счёт. Всё, что о ней – записано со слов моей мамы, Веры Емельяновны. Сохранились хорошие фотографические портреты Александры в разном возрасте, собственно, это и есть её история, в портретах – спасибо Емельяну Васильевичу.

В последние годы Александра жила у любимой младшей дочери Веры, в Хабаровске. Мне запомнился в связи с ней только один случай: в гости приехала мама отца – другая моя бабушка, Прасковья Степановна. Взрослые собрались в одной комнате, завязался какой-то спор. Обстановка показалась мне очень дискомфортной, разговор накалялся, и, чтобы как-то отвлечься – или отвлечь спорящих, – я двинулась от дивана до кровати, застеленной голубым узорчатым покрывалом, и прошла несколько шагов. Ссора тут же прекратилась, сменившись бурным восторгом, – оказывается, это были мои первые шаги. Конечно, я помню это крайне смутно, чисто по ощущениям, – тогда мне ещё и года не исполнилось. Но совместными усилиями мы с родителями восстановили событие.

Последние годы жизни бабушка сильно болела, я плохо это помню, мне было года три, когда она умерла. Похоронили её в платье, которое она сама сшила в конце войны – себе и младшей дочери из одного материала, чёрного с белыми цветами сатина, – поскольку свадебное, которое она берегла для своего последнего путешествия, не сохранилось. Сейчас даже не существует кладбища, где она похоронена, его снесли. Год-полтора назад маме приснился сон, в котором её мама, Александра Яковлевна, ходит по пустырю и спрашивает: «Где же моя могила? Не могу найти».

Наутро мама позвонила своей любимой ученице в Хабаровск. Мария Алексеевна рассказала ей, что Амурский кабельный завод, где работал когда-то мой отец, расширил свои границы, заняв территорию старого кладбища, поэтому – да, кладбища больше нет...

Лариса Кулижнова

ТОМСКИЕ КОРНИ

До конца 90-х годов прошлого века ещё не принято было говорить о своём непростом происхождении. С революционных лет и до конца 80-х это было неподходящими анкетными данными, и такого человека не выпустили бы в зарубежную поездку – командировочную или по туристической путёвке, не приняли в ряды КПСС, не дали продвижения по службе. Потом ещё десять лет молчали по привычке, зато после – обрушился шквал признаний, и скольких потомков дворян, купцов, богатых промышленников мы узнали! Всё бы хорошо, но в эти же годы в России отменили цензуру, и отличить правду от вымысла стало порой невозможно. Газетчики хватались за любую сенсацию, печатали, не проверяя фактов. С появлением интернета непроверенной информации стало в разы больше.

Так получилось и с моими родными, переплелись правда и вымысел, к тому же носители первичной информации по возрасту уже стали покидать этот мир.

В Томске жили мои родные по маминой линии – купцы Вахитовы, и породнившиеся с ними купцы Мухтаровы и Хамитовы. Последние два рода не были коренными в Томске и прибыли туда позже: первые из Казани, вторые из Пензенской губернии. Вследствие послереволюционных гонений потомки их были рассеяны по всей стране, и в самом Томске почти никого не осталось. По линии Хамитовых там проживали внуки Карима Хамитова (дети Шайхуллы, родившиеся не в Томске) Ифраим и Фатыма.

Именно от Ифраима любопытные газетчики стали получать информацию о татарском богаче Кариме Хамитове, именно от него и распространился ложный слух о расточительстве с последующим банкротством моего прадеда Латыпа (Абдуллатыпа) Вахитова. Дочь Карима Мунира опровергала этот слух и по радио, и в печати, ругала и самого племянника, но однажды вылетевшие неверные слова до сих пор тиражируются в интернете. Почему внук решил, что его дед достоин доброй памяти потомков, а его бабушка, дочь Латыпа Вахитова, недостойна? Я с ним близко не общалась, общалась тётушка Мунира, временами приезжавшая в Томск. Теперь и она, и племянник ушли в мир иной (Мунира умерла в 2003 году в Ташкенте, сам Ифраим умер в 2016 году в Томске).

Моя мама, Фатыма Мухтарова, дочь Абдулфаттаха Мухтарова и Сафуры Вахитовой, не дожидаясь этих дней, трагически ушла из жизни от рук лихих людей в беспределе 90-х годов. Она очень взвешенно относилась к каждому сказанному слову, жизнь научила осторожности. Поэтому я почти ничего не знала об её прошлой жизни. До определённого момента, о котором этот рассказ.

I

После окончания десятилетки передо мной встал вопрос, какую выбрать специальность и где учиться дальше. Мне хотелось стать геологом, как отец, или инженером-химиком, как мама. В моём родном городе был всего один институт – педагогический, но учительская стезя меня не привлекала. От приятельницы из параллельного класса услышала, что её старшая сестра учится в Томском медицинском институте и очень хвалит этот город за обилие вузов и демократичность приёма в студенты. В других областных вузах отдают предпочтение местным жителям, а здесь, как в столичных, учится молодёжь со всего Союза. Мы с подругой-одноклассницей решили ехать в Томск. Мама, узнав о моём решении, сказала, что было бы хорошо, если бы я стала врачом, а местом учёбы выбрала Ленинград. В этом городе получил высшее образование мой отец, в своё время и она подавала документы на исторический факультет Ленинградского университета (и была зачислена как медалистка без экзаменов). Однако дядя Исхак авторитетно заявил, что стране больше нужны инженеры, к его мнению прислушались мамины родители, и мама стала учиться в Казанском химико-технологическом институте.

Я не хотела уезжать далеко от дома, и мы с подругой прибыли в Томск. Подруга планировала поступать в медицинский, а я всё ещё колебалась с выбором. Начали с поиска медицинского. Доехали до центра города, где должен был находиться медицинский институт, вышли из автобуса – кругом высокие деревья, институтских корпусов не видно. Прошли немного вперёд, потом назад, начали спрашивать прохожих, и выяснилось, что корпуса окружены Университетской рощей, поэтому не заметны с улицы: надо зайти за ажурную ограду и пройти вглубь этой рощи. Не сразу нашли нужный корпус, сначала аллея вывела нас на старинное здание университета, и лишь обойдя его справа и углубившись ещё дальше в густую сень деревьев, мы вышли на него. Надо писать заявления на включение нас в число абитуриентов, и вдруг я передумала. Смотрела на высокие стены со стендами, где были размещены фотографии студенческих аудиторий, профессоров... было тревожно и неудобно, как в чужом доме.

Мне хотелось вернуться к зданию университета. Закончив с бумагами подруги, мы направились туда. Солнце заливало ярким светом весь длинный коридор, где вдоль окон стояли одним длинным рядом столы приёмной комиссии. Рабочий день уже заканчивался, многие столы опустели. Я стояла в растерянности, и тогда женщина, сидящая за первым от входной лестницы столом, подозвала меня. Оказалось, что она принимает документы у поступающих на биолого-почвенный факультет. Биологом я быть не собиралась, а приставка «почвенный» мне ни о чём не говорила. Объяснила, что меня интересует химия и геология, после чего женщина даже обрадовалась, сказав, что всё это будет преподаваться на специальности «почвоведение». Так я стала студенткой БПФ ТГУ.

На втором году обучения, поздней осенью 1976 года, я была вызвана из своей общежитской комнаты в рекреацию своего этажа. Шла в недоумении, не понимая, кто может искать меня в чужом городе, и вдруг увидела своего

любимого дядю Гумара, подкручивающего шикарные чёрные усы и сияющего от произведённого им эффекта неожиданности. Он продолжал удивлять, сказав, что в ТГУ, на физический факультет, поступила и его дочь Наиля. Она стояла рядом с ним, маленькая, в чёрной шубке и шали. Жили наши семьи в разных городах далеко друг от друга, дядя часто приезжал из Казахстана к нам в гости, но всегда один, и теперь я впервые видела свою двоюродную сестру. Дядя, к нашему изумлению, сказал, что завтра после занятий покажет нам дом в Томске, где они прежде жили. Как, они жили в Томске, а мы, дети, об этом не знали?

Назавтра мы с дядей отправились к их прежнему дому вдвоём, Наиля была занята в университете. Спустились по идущей от университета улице вниз, в сторону Томи. По пути дядя показал на нижние окна стоящего рядом ТИАСУРа, сказав, что здесь его старшая сестра, моя тётя Нусхат, родила свою первую дочь. Здесь ранее была клиника при медицинском отделении университета. На пересечении этой улицы с улицей Горького (прежней Большой Королёвской) дядя указал на дом, в котором прежде был магазин его дядьки (имя его я не запомнила). Когда-то пятилетним ребёнком отец привёл его сюда, и родственник, хозяин лавки, лукаво прищурившись, разрешил ребёнку взять любой понравившийся ему товар. Он был уверен, что мальчик возьмёт что-нибудь сладкое, а дядя наперекор этому ожиданию взял большую луковицу. Все были удивлены.

Потом мы подошли к дому № 35 по улице Горького (бывший № 33 по ул. Б. Королёвской), это был дом его родной тёти Мутагоры. Я увидела дом-дворец голубого цвета с беседкой во дворе, и была очень удивлена красивой постройкой. Видно было, что дом кем-то обжит, и мы не стали заходить туда. Пошли дальше, дядя подвёл меня к двухэтажному каменному зданию по улице Татарской, 16. На нём была прикреплена табличка Дома пионеров. Рядом стояли ещё два двухэтажных деревянных дома.

– Это наши дома, – сказал дядя, – в одном из них был внизу магазин, а вверху жила семья брата отца. Вот в этом доме жила наша семья, на первом этаже, а второй этаж родители сдавали жильцам.

Какой-то прохожий заинтересовался нами, долго стоящими около этих домов. Подошёл и спросил дядю:

– Татарин?

– Татарин, – ответил дядя.

– Где работаешь, кем?

– Инженер.

– Ну, тогда ты не татарин, или не настоящий татарин.

Прохожий пошёл дальше по своим делам, и откуда было ему знать, что перед ним стоит татарин из семьи Мухтаровых, владельцев нескольких домов и магазинов в Томске, а прежде ещё и кожевенного и мыловаренного заводов в Казани. Я сама узнавала об этом только сейчас и не переставала удивляться. Оказывается, Мухтаровы – выходцы из Казани. В Томске они породнились со знатным родом Вахитовых. Двухэтажный дом Вахитовых тоже стоял в Заисточье, это был дом № 5 в переулке Татарском, на пересечении с улицей Трифонова. Теперь на этом месте автобусное депо, а дом снесли. Дядя рас-

сказал, что, когда молодой Абдулфаттах (Фаттах) Мухтаров заслал сватов в дом Латыпа Вахитова, то пятнадцатилетняя невеста Сафура убежала прочь. Она знала, что Фаттах оказывает знаки внимания русской барышне, и была уязвлена тем, что он решился свататься к ней. Сафура села на коня и поскакала к берегу Томи. Там, на другом берегу, находилось родовое село Вахитовых. Латып вернул взбунтовавшуюся невесту домой, и состоялась пышная, богатая свадьба. Это было в 1911 году.

Как же получилось, что мои родные оказались в Казахстане? Об этом рассказ ниже.

II

Начнём с Вахитовых. Здесь рассказ дяди дополняется воспоминаниями двух моих тётушек, Нусхат и Муниры, и некоторыми сведениями из печатных изданий.

Латып Вахитов, мой прадед, был выходцем из пригородного татарского села. Я не удосужилась в своё время спросить у родных название этого села. Хотела найти сведения сейчас и не смогла. В переписи населения татарских сёл (есть в архиве ГАТО) фамилия Вахитов звучит среди жителей села Эушта, расположенного на другом берегу Томи напротив города. В биографическом словаре купцов Томска, составленном Дмитриенко Н. М. в 2014 году, при рассказе о купце Хамитове вскользь сказано, что его тесть Латып Вахитов был из села Тахтамышево.

Информации о Латыпе мало, и имя его вспоминается в основном в связи с именем его быстро разбогатевшего зятя Карима, который вошёл в историю города как меценат и благотворитель. При этом забывается роль, которую сыграл Латып в его судьбе. Ведь не зря Карим Хамитов так стремился породниться с родом Вахитовых. Первоначально он сватался к младшей сестре Латыпа, и был отвергнут. После недолгой совместной жизни с болезненной Гайшей Карим взял второй женой племянницу Латыпа – красивую и образованную Махмузу. Были неудачные первые роды, в результате которых на свет появилась нежизнеспособная девочка, а Махмуза потеряла способность к деторождению. Тогда Карим отпустил её, дав свободу от супружеских уз. Теперь он сватается к дочери Латыпа, пятнадцатилетней Мутагоре, и получает согласие. Латып уже был дружен с Каримом, их сблизило одинаково страстное увлечение лошадьми. Кто-то говорил, что первых лошадей Кариму подарил Латып Вахитов, другие считали, что он сам заработал деньги на их покупку. В 1895 году состоялась свадьба, у Латыпа только что родилась дочь Сафура, его третий ребёнок, появившийся на свет после дочери Мутагоры и сына Абдулхака. Латып крепко стоит на ногах: от отца ему достались большие табуны лошадей, которых пасут на другом берегу Томи наёмные киргизы, а кумыс от лошадей возят на продажу в Томск. В Томске у Латыпа свой дом и хороший оборот от чаеоторговли с Китаем; он лично знаком с губернатором. О том, какое место в обществе занимал в то время Латып, можно судить по тому факту, что в 1891 году, во время приезда цесаревича, будущего императора Николая II в город Томск, Латыпа включили в головной состав встречающей делегации. В национальных костю-

мах, верхом на ухоженных конях, татары встречали цесаревича на въезде в город. Потом был званый обед в честь приезда наследника престола, и Латып был приглашён на него.

Уже с 1877 года он вошёл в число купцов 2-й гильдии г. Томска, и в течение десяти лет подтверждал этот статус. Опубликованы полные списки купцов Западной Сибири с 1775 по 1896 год, и всего десяток местных татар за этот период вошли в Томский перечень, причём в списках 1887 года Латып – единственный из татар среди купцов 1–2 гильдии г. Томска.

Карим попал в эти списки в 1896 году, уже будучи зятем Латыпа. Примерно в это время у Латыпа случилась неприятность: его обманули компаньоны-чаеоторговцы из Пензы, скрывшись с большой суммой денег. Там были деньги не только самого Латыпа, но и заказчиков товара из Томска. Латып, будучи человеком чести, не мог подвести этих людей: он распродал свои стада и постройки в селе и со всеми рассчитался. Банкротом он не был, об этом в один голос говорили все родные. В связи с этим странным выглядит прозвучавшее в Томской газете «Красное знамя» от 24.12.1997 г. утверждение журналиста Е. Журавлёвой о спасении его от банкротства Каримом Хамитовым, который выкупил его долги в обмен на руку дочери.

Годовой оборот Латыпа как купца 2-й гильдии доходил до 50 тысяч рублей. Калым за невесту в то время (богатую, разумеется) составлял от пятисот рублей до одной тысячи и больше. С чего же досужие люди придумали цифру в две тысячи рублей как спасение от банкротства богатого купца?

Дочь Карима – Мунира Каримовна Бадыхшанова (Хамитова), моя славная тётушка, очень огорчалась хождению этой сплетни. Дяди Гумара и моей мамы к тому времени уже не было в живых, они бы непременно всё поставили на свои места.

Мунира опровергала выдумку Ифраима в той же газете «Красное знамя» от 26.09.1998 г. и в своём выступлении на Томском радио в 2001 году. Впрочем, в этой статье многое искажено в отношении Латыпа Вахитова: и придуманные двое сыновей (у него был один сын и две дочери), и ставшая почему-то наёмной экономкой в доме Карима жена Латыпа, хотя даже по общечеловеческим меркам тёща имеет право проживания со своей дочерью.

Логично предположить, что табуны лошадей Латыпа мог выкупить и Карим, ставший к тому времени его зятем, любивший лошадей и мечтающий о своём конезаводе. Возможно, что и дом в Томске Латып в это финансово тяжёлое для него время переписал на зятя Карима, продолжая проживать там с супругой Мадиной, сыном Абдулхаком и дочерью Сафурой. В списках улиц города Томска с поименованием домовладельцев за 1915 год дом в переулке Татарском, 5 снова числится за Вахитовыми. Родные говорили, что Вахитовы всегда жили в этом доме, он принадлежал им.

Теперь о судьбе детей Латыпа.

Старшая дочь Мутагора, как уже писалось выше, стала женой Карима Хамитова, сына переселенцев из Пензенской области. Начиная с её мужа рабочим на золотых приисках Томской губернии, где завязал знакомство с местными охотниками, поставлявшими ему меха для продажи в Томске, некоторое время работал приказчиком у купца Астахова и толмачом-переводчиком

при заключении сделок томских купцов с азиатскими. Став зятем Латыпа, он в 1895 году основывает свой конезавод на освободившихся при прокладке железной дороги землях. В браке у Мутагоры рождается девять детей: Шайхулла, Хамит (Абдулхамит), Марьям, Хадича, Нафиса, Газис (умер в 2 года), Мунира, Нурия, Газис. В русско-японскую войну 1904–1905 гг. ответственный по поставке лошадей на фронт Цивловский назначает Карима своим десятником в Томске, и это приносит баснословные барыши. Большая заслуга Карима в том, что он стал тратить эти деньги на благоустройство Томска и духовное просвещение своего народа, вкладывая их в строительство многих крупных объектов города (в том числе в строительство водонапорной башни, мечетей, магометанских школ). Для своей семьи он построил к 1910 году дом-дворец по Большой Королёвской улице, в котором на сегодняшний день располагается центр татарской культуры.

Установление новой государственной власти, кардинальное изменение уклада жизни, вхождение в город войск Колчака с его поборами и изъятием имущества – всё это, как прорвавшаяся плотина, переломало судьбы, разметало их, как щепки, унесло тяжёлой волной. В 1919 году Мутагора потеряла мужа, в 1923 году была вынуждена с тремя младшими дочерьми уехать из Томска, лишившись всего имущества. Сначала в Анжеро-Судженск, где старшему сыну Шайхулле дали место школьного учителя, потом в Минусинск, Бухару, и, наконец, в Ташкент, к перебравшейся туда замужней старшей дочери Марьям. Из детей Карима именно рано отделившейся от семьи Марьям больше всех повезло в дальнейшей судьбе: ни нужда, ни репрессии не коснулись её.

Младшая дочь Латыпа Сафура стала женой Абдулфаттах Мухтарова, сына казанского купца Мухамеджана (Мухаметзяна) Мухтарова, переехавшего в Томск со своей второй женой и пятью детьми, двое из которых были детьми супруги от первого брака. Оставшись вдовцом с детьми, он взял в жёны также вдову с детьми. Сын Абдулфаттах родился уже в Томске, причём на дату его рождения сумма возрастов его родителей составляла 100 лет, он был поздним ребёнком. Сафура, как и её сестра, тоже стала матерью девяти детей: Нусхат, Фаузи, Хады, Гумар, Фатыма. Четверо умерли в младенчестве: Мухтар, Сафуат, Фатыма, Хады (имена умерших давались детям, родившимся позже). Её супруг Абдулфаттах вместе с тестем занимался чаеоторговлей, ездил за закупками в Китай. Входил в состав купеческого собрания города. Сама Сафура кроме домашних дел находила также время для общественных занятий, она сопровождала повозки с благотворительными обедами для малоимущих и голодающих жителей Заисточья.

Когда в начале 80-х сестра Наиля ездила в Томск проведать студенческую подругу, она пошла к родным местам в Заисточье. Ходила около знаковых мест, приглядывалась к изменениям, фотографировала. В это время к ней подошёл старик-татарин очень почтенных лет и спросил, кого она ищет. Узнав, что ищет дома Мухтаровых, вдруг заплакал и рассказал, что Сафура Мухтарова спасла его в детстве от голодной смерти. Он подбегал к её подводе, она подсаживала к себе худого и вечно голодного мальчишку и давала ему поесть, пока движется повозка.

После прихода советской власти Абдулфаттах устроился на работу слу-

жащим банка, имея соответствующее образование (в своё время он окончил Томское коммерческое училище). В семье Мухтаровых была большая библиотека, при этом много книг было на арабском языке. И Абдулфаттах, и Сафура свободно читали на арабском. В годы последующих скитаний библиотека была утрачена. Страсть к книгам передалась их детям, и позже они создали свои личные библиотеки. Особенно любила книги Фатыма, в её доме их количество доходило до пяти тысяч; шкафы и стеллажи с книгами занимали все комнаты её квартиры.

В семье Абдулфаттаха воспитывались и дети его сводного брата по матери Исхака Камалетдинова: Сафура, Шамсура, Абдулхак. Шамсура и Сафура позже окончили Казанский университет, став первыми женщинами-инженерами среди татар. Сафура Исхаковна в Казани вышла замуж за известного революционера и общественного деятеля – Самигулла Касимова. О нём, так же, как и о его брате Галиулле Касимове, написаны книги, их именем названа одна из улиц Казани. Исхак Камалетдинов и его сын Абдулхак Исхакович играли немаловажную роль в жизни Томского Заисточья. Когда в 1909 году по инициативе прогрессивных и состоятельных людей Заисточья и при участии Карима Хамитова было создано общество мусульман-прогрессистов, то председателем его правления стал Исхак Камалетдинов. Имена Исхака и Абдулхака звучат и среди учредителей Томского благотворительного общества мусульман. Некоторое время Исхак занимал должность уполномоченного экспедиции Народного Комиссариата заготовок, а Абдулхак проявил себя в общественно-политической работе, и ему был выдан мандат, подписанный Ульяновым-Лениным. Этот мандат спас семью от репрессий, которые проводились Советской властью после ухода Колчака из Томска в отношении купцов и промышленников по подозрению их в причастности к контрреволюции. Тогда более семисот восьмидесяти человек были арестованы и посажены в тюрьмы, многие из них расстреляны.

Абдулхак закончил технологический институт Томска и был направлен на работу в Восточный Казахстан. Защиты у семьи не стало, и в 1930 году, несмотря на то, что Абдулфаттах добровольно сдал всё имущество и дом новой власти сразу после её установления, их выселили на улицу. Семья оставляла себе лишь пару комнат для проживания в своём бывшем доме, но и из тех её выставили. Дальше будет жизнь в Восточном Казахстане, где семья переживёт очень трудные годы.

Латып Вахитов не дожил до этих дней. Он умер от рака желудка в 1913 году. Жена Латыпа Мадина пережила его на двадцать лет. Некоторое время она жила у дочери Мутагоры, потом у дочери Сафуры. Когда Сафура поехала в Казахстан к мужу искать лучшей доли для семьи, то старая Мадина гуль (её полное имя было Биби Мадина гуль) осталась в Томске. Ей было не осилить трудную дорогу. В своё время Мадина много помогала людям, и особенно пеклась об обездоленных, а теперь она сама лишилась своего угла. Сын Абдулхак в 1919 году был призван в армию и пропал без вести, дочери покинули Томск. Старая женщина скиталась по дальней родне и знакомым, была в крайней нужде, в конце жизни тело её покрылось язвами и коростами, и она умерла от истощения в 79 лет.

III

Я приехала на зимние каникулы домой, сдав сессию. Первый вопрос был к маме о том, почему она молчала все эти годы, ничего не рассказывала о своей семье. Мама ответила, что это ради нашего благополучия.

Иногда я думаю о том, что если бы не случайно услышанный мною разговор о Томске и решение ехать учиться в этот город, узнала бы я тогда что-то о своих родовых корнях, идущих отсюда?

Даже тогда, зимой 1977 года, я ничего не смогла добиться от мамы. Единственное, что она сказала, так это то, что Вахитовы являются знатным родом, примерно как князья у русских, и нам надо держать себя всегда с достоинством, осознавая это. Только *никогда ничего и никому не надо рассказывать о себе*.

Чтобы понять позицию мамы, надо продолжить разговор о мытарствах её семьи.

И опять я пишу со слов дяди Гумара и тётушек Нусхат и Муниры.

После отъезда из Томска Абдулхака Камалетдинова некоторое время семья Абдулфаттахы жила спокойно. Глава семейства работал банковским служащим, старшая его дочь Нусхат вышла замуж, родила дочь. Муж её, Ибрагим Мамашев, занимался частной торговлей. Понятно, что в то время каждый имевший непролетарское происхождение в конце концов становился объектом гонения. Абдулхака с его мандатом, игравшим роль охранной грамоты, рядом уже нет, и зимой 1930 года в дом Абдулфаттахы приходят представители власти с целью найти сокрытые ценности. Ничего не нашли, так как всё уже было отдано. Тогда стали брать то, что есть: сняли лисью шубу с плеч хозяина, а с руки хозяйки стали стаскивать золотое кольцо. Оно никак не снималось, его распилили прямо с руки и забрали. Семью с четырьмя детьми, младшей из которых, моей маме, было всего два года, среди зимы выставили на улицу. Абдулфаттах снял временное жильё для семьи и отправился к Абдулхаку в Казахстан искать работу и жильё.

Через два года, зимой, на подводах по замёрзшему Иртышу туда поедет Сафура с детьми. Почти два месяца они будут добираться до села Глубокое, где смог обустроиться Абдулфаттах. Через год его переведут бухгалтером полиметаллического комбината в Усть-Каменогорске, где его настигнет новый удар судьбы. Абдулфаттах был человеком эрудированным, общительным, глубоко порядочным, и, не имея в себе подлости и лукавства, он предполагал отсутствие этих качеств и в других людях. Имел неосторожность на работе рассказать в кругу друзей вроде бы невинный анекдот. Кто-то из коллег тут же донёс на него. Абдулфаттаху присудили шесть лет лагерей. Семья осталась без кормильца. Абдулхака опять нет рядом, его перевели на работу в Москву. Сафура не могла нигде устроиться на работу – как жена политически осуждённого. Получив в своё время хорошее домашнее образование, к которому добавилась учёба в магометанском женском училище, владевшая, кроме родного татарского, ещё русским, французским и арабским языками, теперь она вынуждена была выполнять тяжёлую подённую работу.

Дядя Гумар вспоминал, как зимой выпросился у матери идти вместе с ней

на свидание к отцу. Отдали передачу, а на обратном пути задул холодный ветер, хиус. Было очень холодно. Когда проезжавший человек решил подвезти их, он усадил на телегу только Сафуру, а на десятилетнего паренька надел рогожный мешок, обвязал крепко верёвкой и привязал к телеге. Мальчик не мог понять, что с ним учиняют. Телега тронулась, и ему пришлось бежать. Оказывается, он отморозил уши, и ездок таким образом хотел спасти его. Через некоторое время мальчика, заплаканного и вспотевшего, усадили в телегу. Одно ухо всё же не удалось спасти, был сильный отит и потеря слуха.

Пока отец сидел, старший сын Фаузи закончил горно-металлургический техникум, получил должность мастера на полиметаллическом комбинате в Лениногорске (Риддере) и две комнаты в четырёхкомнатной квартире для своей семьи. Ещё две комнаты занимали другие семьи. Туда перебралась вся семья Мухтаровых, спали на сооружённых нарах. Сначала жили на одну зарплату Фаузи и те крохи, что приносила Сафура. Потом началась война, стало ещё хуже. На всех была одна рабочая продуктовая карточка Фаузи. Голодали. Дети после школы шли проситься на выкопанные хозяевами огороды, чтобы собрать хоть несколько замёрзших картофелин. Из них готовили лепёшки-«тошнотики». Хады окончил школу и был призван на фронт. В 1942 году освободился Абдулфаттах, смог устроиться кассиром-счетоводом на рудник, потом бухгалтером на полиметаллический комбинат. Было трудно, но пережили войну, и остались живы все, кроме маленькой Амины, четырёхлетней дочери Нусхат. Она случайно нашла на улице монетку, купила на неё стакан ситро, и, выпив его на голодный желудок, скончалась от кишечных колик.

Хады вернулся с фронта, окончил институт, женился. Занимал высокие должности в Министерстве цветной промышленности Казахстана. Фаузи прожил восемь лет после войны и умер молодым от непомерного труда на шахте, где заработал силикоз. Нусхат работала машинистом электровоза в шахте, неоднократно избиралась депутатом горсовета. С мужем у неё жизнь не сложилась по причине его излишней ревности, и она жила одна, целиком отдавая работе и воспитанию дочерей. Гумар тоже женился после окончания института, работал на том же полиметаллическом комбинате; любил экспериментировать и изобретать, подал более десятка рацпредложений, был дипломантом Казахской и Всесоюзной выставок достижений народного хозяйства. Фатыма работала после окончания вуза начальником смены на химкомбинате в г. Бондюга в Татарстане, вышла замуж за студента-геолога из Ленинграда и уехала по его месту распределения в Туву.

Мама не любила вспоминать неприятности. Иногда она варила себе солёную манную кашу на воде, намазывала её тонко на хлеб и, смакуя, говорила: «Это было лучшим угощением в годы войны».

Покинув Томск в далёком детстве, она всё же захала сюда однажды, проездом из Москвы, в годы моего студенчества. Стоял вьюжный, очень холодный декабрь, она была очень легко одета: в тёмно-синем тонком драповом пальто и такого же цвета фетровой шляпке с полями. С собой в подарок она привезла живой диковинный цветок на длинной ножке – антуриум. Проживавшие со мной в общежитии девчонки смотрели на маму широко раскрытыми глазами. Ко многим из них приезжали родители, и все везли продукты и тёплые вещи,

и только моя мама приехала с ярким красным цветком. Он был похож на экзотическую птицу, и долго потом стоял в воде, не увядая. Для Томска зимние морозы и метели не редкость, но в ту зиму они были особенно лютыми, и мы никуда не смогли сходить, а через два дня мама уехала домой в Туву.

Когда-то наугад приехав в Томск, я полюбила его с первого взгляда, даже не подозревая, что в этом городе есть мои корни. Жаль, что мне больше не довелось побывать там. Закончились годы учёбы, я уехала. Семья, работа, всё, как у большинства обычных людей. Когда есть время и настроение, просматриваю фотографии, вспоминаю.

Р. С. от Елены Кирилловой: «Я помню приезд Гумара Фаттаховича в Томск к Наиле и Ларисе в общежитие. Всем девчонкам в комнате Наили и их подругам он очень понравился: много шутил, рассказывал интересные истории, привёз вкуснейший балык (не виданное ранее нами лакомство – мы долго спорили, из рыбы или из мяса он изготовлен). Было лето, июнь – наверно, 1977 года, на улице теплынь, а в помещении душно, жарко. Гумар Фаттахович предложил ночевать на улице. Девочки засомневались – накануне сдачи матанализа? Решились составить компанию Гумару только мы с Наилёй.

Раздобыли раскладушки, устроились под деревьями на лужайке правее общежития-«восьмёрки», где тогда проживал и БПФ, и ФФ (сейчас Лыткина, 14, а тогда адрес этого дома был другим – Нахимова, 15а). Домов по соседству с общагой ещё не было, природа – как она есть. Прохожие тыкали пальцами, смеялись. Мы держались, как могли. Комары очень обрадовались нашему соседству. В итоге, жестоко покусанные, на экзамен мы не пошли. Но захватывающие воспоминания о тесном единении с природой остались».

Дополнение Ларисы Кулижновой: «Да, тот случай с ночёвкой под комариный гул был запоминающимся! Я в тот приезд ещё помню, как ходила с дядей Гумаром за продуктами. Он важно шёл впереди меня, брал с прилавков нужное и складывал мне в сумку, она становилась всё тяжелее и тяжелее, но я боялась сказать об этом, так как полагала, что у татар так принято, чтобы женщина безропотно несла то, что дал ей в руки МУЖЧИНА. Я воспитывалась в русской культуре, и могла не знать нюансов татарского уклада жизни. Потом с трудом несла эту сумку до самой общаги, а дядя всё так же важно шёл впереди и попыхивал папиросой».

АВТОРЫ НОМЕРА

Дмитрий Викторович БАРЧУК

Родился в 1962 году в городе Павлодаре (Казахстан). Окончил отделение журналистики филологического факультета и экономический факультет ТГУ. Работал в областных газетах Томска и Ростова-на-Дону. Преподавал культурологию и экономические дисциплины в томских вузах.

Член Союзов журналистов СССР и России. Член Союза писателей России. Лауреат Губернаторской литературной премии 2020 года за роман «Занесённые снегом».

Живёт в Томске.

Елена Александровна БОГДАНОВА

Родилась в селе Зырянском Томской области. Окончила юридический факультет Томского госуниверситета. Работала мировым судьёй, адвокатом в юридической консультации. Печтается как поэт с 1993 г. Автор поэтических книг «Листопад» (1993) и «Лёгкость бытия» (2017). Публикации в журналах «Каменный мост», «Начало века», «Южная звезда».

Живёт в Томске.

Сергей Алексеевич ЗАПЛАВНЫЙ

Родился в Чимкенте 12 мая 1942 года. Окончил историко-филологический факультет Томского государственного университета.

Был сотрудником областной газеты «Красное знамя», редактором областной газеты «Молодой ленинец», старшим редактором Томского отделения Западно-Сибирского книжного издательства.

Автор более 30 поэтических и прозаических книг. Лауреат Всероссийской литературной премии им. В. Я. Шишкова, призёр V Международного славянского литературного форума «Золотой витязь» и других литературных конкурсов. Член Союза писателей России. Действительный член Петровской академии наук и искусств.

Член Совета старейшин города Томска.

Елена Николаевна КИРИЛЛОВА

Родилась в Хабаровске. Окончила Томский госуниверситет – физический и психологиче-

ский факультеты. Кандидат физико-математических наук. Член Союза российских писателей. Председатель Томского представительства СРП. Живёт и работает в Томске.

Ольга Григорьевна КОМАРОВА

Родилась в Ижевске в 1957 году. Окончила исторический факультет Томского государственного университета. Автор поэтических книг «Вечные странники», «Любовная песнь волчицы». Публиковалась в российских и зарубежных изданиях. Член Союза писателей России.

Живёт в Томске.

Лариса Ивановна КУЛИЖНОВА

Родилась в 1957 году в Кызыле, столице молодой Республики Тувы, находящейся между Саянскими горами и Монгольскими степями. После окончания биолого-почвенного факультета Томского университета в 1980 г. работала по специальности в Кызыле. В 1992 году из-за поднявшейся волны крайнего национализма была вынуждена уехать и поменять специальность. Последние 15 лет трудовой деятельности работала секретарём нотариальной конторы в г. Тольятти.

Проживает в Самарской области.

Татьяна Васильевна ЛЕОНТЬЕВА

Родилась в Тюмени в 1984 году, выросла в Томске. В 2012 году окончила Северо-Западный институт печати Университета технологии и дизайна в Санкт-Петербурге, специальность «Издательское дело и редактирование». Работает ведущим редактором в издательстве «Речь». Живёт в Москве.

Рассказы публиковались в журналах «Медведь», «Октябрь», «Кольцо А», «Тверьлайф». В 2016 году опубликован дебютный роман «Полтора килограмма соли» (Москва: Рипол-классик. Серия «Редактор Качалкина»).

В 2021 году опубликован сборник рассказов «Суп без фрикаделек» (Нур-Султан: Фолиант. Серия «Проза наших дней»).

Сергей Валерьевич ЛУШНИКОВ

Родился в 1953 году на Байкале, на остро-

АВТОРЫ НОМЕРА

ве Ольхон. Жил в Забайкалье, в 1972-м году приехал в Томск. В 1978 году окончил ТИРЭТ, работал в сфере экологии, занимался очисткой заповедных уголков природы, загрязнённых нефтепродуктами.

Писать прозу начал в 2008-м году, публиковался в периодических изданиях Томской области и Забайкалья. Готовит к печати книгу автобиографической прозы и сборник рассказов.

Живёт в Томске.

Татьяна Валерьевна ПРОКОПЬЕВА

Родилась 1 января 1976 года в селе Старая Ювала Кожевниковского района Томской области. В 1998 году окончила Томский колледж культуры и искусства по специальности «актёр-режиссёр».

Первая публикация стихов состоялась в газете «Томский вестник» в 18 лет. Участник Всесибирского семинара молодых писателей и поэтов (2004). Публиковалась в литературных журналах: «Сибирские Афины» (Томск), «Начало века» (Томск), «Невские огни» (С.-Петербург).

В 2013 году вышла поэтическая книга «Нолуние».

Живёт в Томске.

Софья Борисовна РУБАКОВА

Родилась в 1992 году в городе Северске. Окончила факультет журналистики ТГУ, аспирантуру НИ ТПУ, кандидат филологических наук.

Лауреат и обладатель Гран-при Межрегионального фестиваля «Устами детей говорит мир» (г. Томск 2006–2008 г.). Участница Всероссийского совещания молодых писателей (Тюмень, 2009 г.), областного семинара «Томский класс» (Томск, 2010 г.). Автор книг «Чуда жду», «Чтобы однажды...». Публиковалась в сборнике «Волшебное окно», журналах «Два крыла», «Город S», «Ключевое слово», «Бийский вестник», «Начало века». Работает в Томском государственном архитектурно-строительном университете. Член Союза писателей России.

Живёт в Томске.

Юрий Анатольевич ТАТАРЕНКО

Родился в Новосибирске в 1973 году. Закончил Новосибирское театральное училище. Служил актёром в театрах Новосибирска и Томска. В настоящее время работает журналистом.

Поэт, прозаик, драматург, критик. Автор девяти книг стихов. Публиковался в литературных журналах России, Украины, США, Германии, Франции.

Лауреат всероссийских и международных литературных конкурсов в Москве, Симферополе, Ярославле, Калининграде, Томске, Туле, Мурманске, Полоцке, Льеже. Победитель поэтических турниров в Красноярске, Томске, Новосибирске, Коктебеле. Лауреат международной премии «Золотой Витязь» в номинации «Лучший сценарий». Член Союза писателей России.

Живёт в Новосибирске.

Оксана Борисовна ЧАЙКОВСКАЯ

Родилась в селе Кожевниково Томской области. Журналист, окончила ТГУ. С 1989 года работала в газетах Томска, в журнале «Персона». Член Союза журналистов с 1992 года. Мать двоих взрослых детей, коллекционер старых игрушек и газет. Автор иллюстраций к книгам местных авторов.

Стихи и прозу публиковала в газетах, журналах, литературно-художественных альманахах. В 2007 году вышла первая поэтическая книжка «Перо птицы Феникс», в 2019-м – вторая, «Зимняя девочка», оформленная собственными иллюстрациями. В 2021-м году вышла книга рассказов «Теплые листья минувшего сентября».

Валентина Анатольевна ЧУБКОВЕЦ

Родилась в п. Батурино Томской области. Окончила техникум по специальности «технолог общественного питания». Публиковалась в коллективных сборниках, во многих литературных журналах.

Член Союза писателей России. Автор книг стихов и рассказов.

Живёт в Томске.

НАЧАЛО ВЕКА

Литературный и краеведческий журнал

Издание томских писателей

Главные редакторы

Г. Скарлыгин

О. Чайковская

Технический редактор

О. Карташов

Корректор

И. Киселёва

Редакция журнала принимает к рассмотрению авторские работы в электронном виде, набранные на компьютере на страницах формата А4, размер шрифта 12–14 кегль, гарнитура Times New Roman или Cambria.

Расширение файла doc, docx или rtf. Материалы, представленные в других форматах (txt, pdf, tif, jpg и т. д.), редакция не рассматривает.

Редакция знакомится с письмами читателей,
не вступая в переписку.

Адрес редакции: г. Томск, ул. Шишкова, 10.

E-mail: ya.oxana69@yandex.ru

© Составление и оформление: «Начало века», 2022 г.

Формат 70x108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 18,2. Тираж 100 экз.

Дата выхода журнала 15.06.2022 г. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Томская полиграфическая компания»,
г. Томск, ул. Пушкина, 40/1